

Научно-образовательный форум по международным отношениям
Библиотека журнала «Сравнительная политика»
Центр комплексного китаеведения и региональных проектов

А. Д. Богатуров

**КАК СТАТЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ МЕЖДУНАРОДНИКОМ
В РОССИИ**

**ОПИСАНИЕ ОПЫТА И ПИСЬМА
ИЗ ПОЧТИ ПРОЖИТОЙ ЖИЗНИ**

Москва
РУССКАЯ ПАНОРАМА
2018

СОДЕРЖАНИЕ

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *П. А. Цыганков*,
доктор политических наук, профессор *А. Д. Воскресенский*

Богатуров А. Д.

Б73 КАК СТАТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ МЕЖДУНАРОДНИКОМ В РОССИИ. Описание опыта и письма из почти прожитой жизни. – М.: ИД «Русская панорама», 2018. – 240 с., 8 с. ил.

ISBN 978-5-93165-418-8

Книга ориентирована на любознательного читателя, интересующегося внутренней «кухней» подготовки специалистов-международников в России. Она раскрывает опыт подготовки аналитиков, ученых и преподавателей в области международных отношений и комплексного регионоведения в 1980–2000 гг. на примере жизненного пути первого проректора МГИМО МИД РФ (2010–2012) профессора А. Д. Богатурова. Во второй части книги представлены фрагменты эпистолярного наследия первых проректоров МГИМО И. Г. Тюлина и А. Д. Богатурова (2000-е годы), посвященных проблемам становления международных отношений, комплексного регионоведения и политологии в России, а также молодых российских международных деловиков, сделавших блестящие карьеры в МГИМО и академических институтах системы РАН.

Книга публикуется в авторской редакции

ISBN 978-5-93165-418-8

© А. Д. Богатуров, 2018

© НОФМО, 2018

© С. И. Дудин, эмблема, 2018

© ООО «СПСЛ», оформление, 2018

© НП ИД «Русская панорама», 2018

<i>Предисловие</i>	7
Часть первая. «Греко-русский замес» и борьба за признание	11
Глава 1. Семейное предание греков и русских (1900–1959).....	12
<i>Как было до деда. Андрей Григорьевич Богатуров и потомки. Женитьба отца. Русские корни. Второй брак</i>	
Глава 2. Ностальгия о «советском» Нальчике (1960–1976).....	38
<i>Центр «провинциальной столицы». Соседи и друзья. Прохождение азов. «Школа мамы». Медведева и Иванова. Фактор города. Нальчикские «корни» и московские «всходы»</i>	
Глава 3. Борьба за московский успех в зрелые годы (1977–2011)	56
<i>Первые риски. Даниловка. Большой балет: 1970–1980-е гг. «Открытие» теории. Международно-политическое японоведение. Старшие кадры. Козьменко. Институт США и Канады. Марковичи. Вторая половина 1990-х годов. Форум и проекты. Жизнь стала полезней. МГИМО: новый подход к профессии</i>	
Эпилог	111
Часть вторая. Избранные места из деловой переписки	113
2003	
1. А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «У номенклатуры преимущество – организационный ресурс». 30 декабря 2003	114
2. А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «...появляется теоретическая возможность маневра...». Не позднее 31 декабря 2003	115
2004	
3. А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «Нет выбора». 2 января 2004 .	117
4. М. А. Троицкий – А. Д. Богатурову. «Вы не реагируйте, пожалуйста, слишком серьезно на то, что пишу...». 3 января 2004	118
5. А. Д. Богатуров – А. В. Бузгалину. «...спасибо за статью, прочитал с интересом». 11 января 2004.....	120
6. В. В. Трибрат – А. Д. Богатурову. «Много юмора, но много сил вхолостую». 17 января 2004.....	121
7. А. Д. Богатуров – В. В. Трибрату. «Текст прочитал – гораздо лучше...». 18 января 2004.....	124
8. И. Г. Тюлин – А. Д. Богатурову. «...мы приступили к обсуждению кандидатуры декана Факультета политологии...». 25.02.2004.	125

9. И.Г.Тюлин – А.Д.Богатурову. «Поставленные тобой вопросы и высказанные мысли абсолютно точны...». 25 февраля 2004.....	126
10. И.Г.Тюлин – А.Д.Богатурову. «Надо экстренно возрождать хрусталево-злобинскую традицию...». 26 февраля 2004.....	127
11. А.Д.Богатуров – И.Г.Тюлину. «Дело слишком деликатное и важное, чтобы его обсуждать». 27 февраля 2004.....	131
12. И.Г.Тюлин – А.Д.Богатурову. «Встает проблема реформирования политологического факультета». 27 февраля 2004.....	135
13. И.Г.Тюлин – А.Д.Богатурову. «Двигаться, думаю, надо step by step...». 27 февраля 2004.....	136
14. А.Д.Богатуров – И.Г.Тюлину. «Не думаю, что надо ломать полезное, которое было сделано». 28 февраля 2004.....	137
15. И.Г.Тюлин – А.Д.Богатурову. «Твоя идея об Институте магистратуры очень интересна, неожиданна». 1 марта 2004.....	139
16. А.Д.Богатуров – И.Г.Тюлину. «...никак не возьму в толк некоторые вещи». Не позднее 3 марта 2004.....	141
17. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «...у нас впереди достаточно времени, чтобы хорошо обдумать...». 24 апреля 2004.....	144
18. А.Д.Богатуров – Д.С.Богатурову. «...угол зрения для молодых авторов должен быть хитрым...». 30 апреля 2004.....	147
19. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «...Европа произвела и продолжает производить культурную и гуманитарную традицию...». 30 апреля 2004.....	150
20. И.Г.Тюлин – А.Д.Богатурову. «...у меня не очень радостные новости...». 9 мая 2004.....	153
21. А.Д.Богатуров – Э.Г.Соловьеву. «Вы, конечно, одаренный человек». Не позднее 9 мая 2004.....	156
22. А.Д.Богатуров – И.Г.Тюлину. «Конечно, ничего приятного в этой ситуации для моей карьеры нет». 9 мая 2004.....	157
23. А.Д.Тюлин – И.Г.Богатурову. «...твой ответ меня расстроил...». 11 мая 2004.....	159
24. А.Д.Богатуров – И.Г.Тюлину. «...приехал час назад из Нью-Йорка». Не отправлено. 14 июня 2004.....	160
2005	
25. А.Д.Богатуров – Н.А.Коробий. «...идея в том, что представление о системе МО неадекватно реальности...». 31.03.2005...	162
26. А.Д.Богатуров – Н.А.Коробий. «Но порядок надо в голове навести». 3 апреля 2005. Москва – Ставрополь.....	164
27. Н.А.Коробий – А.Д.Богатурову. «Давайте схематично (прилжитивно) поместим систему международных отношений...». 6 мая 2005.....	165

2006	
28. А.Д.Богатуров – А.А.Сушенцову. «...и не хотите ли Вы соблазниться переходом в МГИМО...». 16 мая 2006.....	170
2007	
29. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «Кудрявцеву надо планировать». 12 апреля 2007.....	171
30. М.А.Троицкий – А.Д.Богатурову. «...он не считает, что у нас на кафедре есть недостача часов». 12 апреля 2007.....	171
31. М.А.Троицкий – А.Д.Богатурову. «Перечитал Вам ответ по поводу курса и понял, что Вас могло задеть». 13 апреля 2007...	172
32. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «Если начальник совестливый...». 13 апреля 2007.....	174
33. М.А.Троицкий – А.Д.Богатурову. «Вашу логику обычно очень хорошо понимаю...». 13 апреля 2007.....	176
34. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «Вы совершенно взрослый, самостоятельный человек и вполне активно сами работаете...». 13 апреля 2007.....	177
35. А.Д.Богатуров – И.Г.Тюлину. «...даже вряд ли понимаешь, как нам тебя не хватает». 16 июня 2007. Передано в больницу.....	180
36. А.Д.Богатуров – А.А.Байкову. «Две лекции и два выступления на Ученом совете». 25 сентября 2007.....	181
37. А.А.Байков – А.Д.Богатурову. «До Факультета политологии вообще сторонился администрации...». 16 ноября 2007.....	186
2008	
38. А.А.Байков – А.Д.Богатурову. «Вы никогда не читаете двух одинаковых лекций». 15 марта 2008.....	189
39. А.Д.Богатуров – А.А.Байкову. «Но малые рассказы – в чем-то сильнее по удару...». 8 июля 2008.....	191
40. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «У Вас для себя ирония находится?» 30 августа 2008.....	193
41. М.А.Троицкий – А.Д.Богатурову. «Вашу иронию понимаю». 30 августа 2008.....	193
42. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «К вопросу о контексте». 31 августа 2008.....	194
2009	
43. А.А.Байков – А.Д.Богатурову. «...зачем Вы беспокоитесь по пустякам». 3 января 2009.....	195
44. А.Д.Богатуров – А.А.Байкову. «Доделывайте свой текст». 3 января 2009.....	196
45. А.А.Байков – А.Д.Богатурову. «Приходится просто переформулировать...». 3 января 2009.....	196

46. А.Д.Богатуров – А.А.Байкову. «Там педагог изводит артиста до самого конца его (артиста) карьеры». 4 января 2009.....	197
47. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «...не ясно, когда у нас получится поговорить по смыслу». 1 февраля 2009.....	200
48. А.Д.Богатуров – Ф.Г.Войтоловскому. «...по новой процедуре ВАК посылаем тексты на рецензирование». 2 февраля 2009.....	205
49. Ф.Г.Войтоловский – А.Д.Богатурову. «Конечно, я читал работы...». 3 февраля 2009.....	207
50. А.А.Сушенцов – А.Д.Богатурову. «...как же тяжело заниматься нашим ремеслом». 30 мая 2009.....	209
51. А.Д.Богатуров – А.А.Сушенцову. «Хитрый, какой парень». 31 мая 2009.....	209
52. С.М.Труш – А.А.Богатурову. «Ты сегодня родился, поздравляю». 24 мая 2009.....	213
53. А.Д.Богатуров – С.М.Трушу. «Прочитал только вчера...». 1 июня 2009.....	213
54. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «Вопрос, конечно, очень серьезный». 22 сентября 2009.....	214
55. М.А.Троицкий – А.Д.Богатурову. «...спасибо за Ваше мнение и время...». 23 сентября 2009.....	216
56. А.Д.Богатуров – М.А.Троицкому. «...или не вполне ожидаемый ответ». 23 сентября 2009.....	217
57. М.А.Троицкий – А.Д.Богатурову. «...просто ничего нового по моему вопросу сказать не мог бы сейчас». 23 сентября 2009.....	218
58. А.Д.Богатуров – А.А.Байкову. «Никак не успокоюсь». 17 октября 2009.....	220
59. А.В.Мальгин – А.Д.Богатурову. «...мне придется выступить Вашим оппонентом...». 11 ноября 2009.....	224
2011	
60. И.А.Истомин – А.Д.Богатурову. «...но меня очень затронула Ваша вчерашняя лекция...». 25 февраля 2011.....	226
61. А.Д.Богатуров – И.А.Истомину. «Не сразу понял, о чем речь». 25 февраля 2011.....	228
2016	
62. А.Д.Богатуров – М.Ф.Багатурову. «Очень витиевато написали о сути того, что Вам нужно». 16 сентября 2016.....	231
63. М.Ф.Багатуров – А.Д.Богатурову. «Я – Михаил Феодорович Багатуров...». 17 сентября 2016.....	233
Перечень наиболее значимых лиц, упомянутых в книге.....	234
Об авторе.....	236
Список основных научных работ А.Д. Богатурова.....	237

Предисловие

Мой письменный верный стол!..
М.И.Цветева

Для моего поколения эти строчки в эпиграфе – «Ода компьютеру». Это незавершенная поэма намеченному, но не доведенному до конца творчеству. Обрывается наполненная эмоциональным подъемом, мыслью и энтузиазмом фаза творчества. Творчество не требует законченности, оно отражает суть эволюции мысли людей, приобщенных к внутренней лаборатории «делания мысли». Причем, верный партнер нового жанра – печать быстрыми буквами, отстающими от летящих мыслей и вылетающими из-под рук пишущего на современном компьютере. Важная, но невидимая фаза творчества, которое отражает боренье мыслей, находки, мимоходом брошенные слова.

К этому времени прибрело смысл описание – фрагменты, написанные в рубрике о жизненном пути – становление семейства Богатуровых, ранние годы юности и борьба за успех в пору зрелости, написанные во второй половине 1990-х гг. зрелым человеком. Внимание привлекает: кто делал или знал тех, кто строил жизнь совместно с деятелем-просвещенцем 1950–1970-х гг. моей мамой М. Е. Горячевой, учительницей немецкого языка И. Д. Шнейдер, работницей библиотечного дела Е. Л. Иевлевой, депутатом Верховного Совета КБАССР Ф. Т. Арсаевой и первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома компартии М. Т. Мальбаховым. Уделено место историческим фактам о греческом селе Цихис-Джвари (Грузия, Боржомский район), откуда пошли корни рода Богатуровых.

Особое место отводится домашнему воспитанию «бабушки дипломатии», доценту МГИМО И. В. Козьменко (1917–1986), отдавшей часть своей жизни молодому поколению. Уделено внимание встречам на жизненном пути с японистом Д. В. Петровым (1927–1994), специалистами по международной политике В. А. Кременюком, В. С. Мясниковым, В. А. Кортуновым, А. Г. Колодным, И. Г. Тюлиным, А. В. Торкуновым, В. Г. Барановским, М. Г. Носовым, С. М. Роговым и другими – Т. Д. Ждановой, С. М. Трушом, Т. А. Шаклеиной.

«Охватить невозможное» – непривычная, новаторская проблематика – трезвое размышление о том, что обсуждалось, было созвучно проблемам сегодняшнего дня, привлекало внимание и делало насущным публикацию накопленного. Подготовка нового человека-международника, сформированного в условиях современной среды в России постепенно стала предметом озабоченности и раздумий любого, озадаченного этой темой.

Каким российский международник станет профессионально? Квалифицированным гуманитарием, обладающим необходимыми знаниями нужных предметов и иностранных языков?

Размышления об этом надо поместить в оболочку, сформированную с помощью других сведений – к простым представлениям о долге, нравственности, умению зарабатывать деньги, заботе и семье и слабым. Все это надо суметь сложить вместе и одновременно ненавязчиво вложить в головы, ориентированные на новое знание и умение его добывать. По крайней мере, стоит эту тему предложить другим для раздумий и самостоятельных выводов о нужности, подтолкнуть к необходимости задуматься о смысле свершаемого вокруг нас. Что следует делать молодому международнику: вступить в контакт или воздержаться, пойти на свершения нового или остаться в ограниченных пределах более умных и опытных людей, с которыми предстоит столкнуться в жизни после института.

Переписка с И. Г. Тюлиным по прошествии 16 лет потрясает точностью слов, глубиной и порывистостью эмоций. Не трудно заметить, что резонные аргументы в переписке с М. А. Троицким, А. А. Байковым, Н. А. Коробий-Батищевой, Ф. Г. Войтоловским, А. А. Сушенцовым, И. А. Истоминым выдерживают «высокий жанр». Несмотря на скрываемые страсти, можно почувствовать напряженность и эмоции моментов, затрагиваемых в переписке.

Письмо на электронную почту свободно от ограничений должностью – пишите то, что думаете, считаете важным донести, и ссылаетесь мимоходом на многие авторитеты. Удивительно, как много известных имен невольно попадает в переписку. Сто пятьдесят имен или около того – неплохой уровень зрелищности, при том, что эти имена служат фоном борений. И при этом они не затеяют суть разговора.

Как делается карьера, что в ней определяется требованием времени, подходом к становлению? Постоянный мотив, присутствующий в большинстве посланий. Схлест мнений налицо и выход один – послушай голос времени, но сделай, как решил. Никогда не ссорься, даже если разошлись во мнениях. Письма И. Г. Тюлина убеждают в железной продуманности его позиции, и как живо они свидетельствуют о его каждодневном интересе к балету Большого театра!

О внутренней борьбе свидетельствуют послания М. А. Троицкого и А. А. Байкова – с одной стороны, тщательно продуманные, но и гораздо более приближенные к нутру простого огорченного и возбужденного человека. А письмо молодого, горячего юноши, включившегося в беседу «со взрослыми», Ф. Г. Войтоловского, добывающегося признания его равноправным членом профессионального разговора о специальности! Образец полноценного сотрудничества, между делом подкрепленный ссылками на классиков науки.

Необычное впечатление оставляет переписка с В. В. Трибра- том – с молодым напором, легкой иронией, выдержанная с соблюдением канонов обращения с возвышенным человеком. Обращение, конечно, только что «вылупившегося» юного человека, облагородившегося знанием серьезной практической работы стажера в Кремле. К нему примыкают обращение тогда еще молодого А. А. Сушенцова и наше выверенное письмо приобретшему солидность Э. Г. Соловьеву, уже признанному талантом в пору подготовки к нему данного послания.

«Классическим» выглядит посланное в Санкт-Петербург письмо, касающееся необходимости завершения работы с диссертационным сочинением, посланное Д. С. Богатурову. Наконец, послание И. А. Истомина, проникнутое ощущением протеста, запроса, негодования по поводу мыслей его наставника, умершего незадолго до того М. А. Хрусталева (1930–2010). Как чувствуется сдерживаемая боль и эмоциональный натиск в его послании! И ответ на него – нет, не устарел. Но он и не связывает, не направляет поток мысли о сопутствующем развертывании курса политического анализа.

Возбужденный, но счастливый «прорыв открытия» Н. А. Коробий-Батищевой! Как много силы в крике души, наболевшей,

переполненной силой, каково желание сказать о неизведанном, неиспытанном! И трезвые, урезонивающие ответы на ее письма.

Переплетение мыслей, выводов, замечаний составляют главную человеческую мысль, без которой битва за истину была бы невозможна. Свободное суждение о внутренних темах жизни, сливающиеся с трезвостью выводов о правде бытия. Потом все это выливается в суждения о начинаниях, переплетенных знанием опыта, – первые попытки искать истинного. Такова суть Байкова, Троицкого, Сушенцова, желающих осилить поиск найденного или пока еще (на начало 2000 гг.) нераскрытого.

Начало свода писем, который мы предлагаем вниманию читателя, сложился не сразу. Впервые он показался имеющим смысл еще при И.Г.Тюлине, хотя и без обсуждения с ним. И в период 2003–2004 гг., когда я был в Вашингтоне (США), и в последующие годы, когда оставался в России. Переписка отражает процесс появления нового журнала «Международные процессы», первого русского свода публикаций о вопросах теории и практических проблемах этого мирового жанра (создан при поддержке к. пол. н. Т.Д. Ждановой в 2003 г.). Появление журнала изменило положение, которое было до того у статей, и только зачатков мыслей, и вокруг обмена мнениями по поводу этого ремесла. Его стали читать, писать туда, стараясь быть в курсе текущих событий.

Сначала содержание деловой переписки об актуальных вопросах было тайной. Потом стали терять такой смысл отдельные ее части, а с уходом от дел двух игроков с арены МГИМО перестала сохраняться необходимость секретности писем. Таинственность утратила смысл. К тому времени на других полюсах накопились запасы мыслей, достойные внимания читателя. Переписка приобрела с годами более широкий смысл и историю. Смерть И.Г.Тюлина (2007) и мой уход от практических дел (2011) создавали новую перспективу размышления о минувшем и о том, что может быть предстоит решить новым людям.

Алексей Богатуров

30 мая 2017 г.

д. Чупряково, Московская область

Часть первая

«ГРЕКО-РУССКИЙ ЗАМЕС» И БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ

Теперь наступает время изложить то, что остается неизвестным, или вѣдомым, но не вполне понятым. Сведения, считающиеся личными, «отлежавшиеся» в кулуарах, связанные с плохо запоминающимися событиями, лицами, деталями и знакомствами с людьми. Вести читателя надо с самого начала, чтобы получилась «полная струя» рассказа. «Крутой» замес и невидимые, незримые, переплетающиеся ветви-корни одного сюжета, тянущиеся к другому.

Глава 1.

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ ГРЕКОВ И РУССКИХ (1900–1959)

Богатуров – фамилия греческая изначально, когда наши предки жили в районе Трапезунда (современное название Трабзон), в пределах Оттоманской Порты (Турция), как сказывают, звучала будто бы «Халкиды» – от греческого «халкон», что значит «медь». Турки попросту перевели фамилию на свой язык, и получилось «бакирджи». «Бакир» значит «медь» по-турецки, «джи» – суффикс профессий, то есть «медники»¹. Каким образом из «Бакирджи» получилось «Пахатуриади», как, опять-таки по рассказам, стали называться наши предки, мне совершенно не понятно. Но говорят, среди понтийских греков такая фамилия в самом деле до сих пор существует. Но как бы то ни было, наши родственники попытались «огречить» свою отуреченную фамилию и стали произносить ее «Пахатуриади». Но не ясно, стали ли они это делать в Турции, что маловероятно, или по приезде в Россию (по воле царских чиновников?). Короче говоря, часть наших предков в России и Грузии стали Багатуровыми, а некоторые – Пахатуриади.

¹ Так толковал в 2002 г. вопрос греческий журналист-международник и историк Янис Николопулос (1935). Он долгое время работал в Москве на иностранные информационные агентства. Женат последним браком на Т.Д. Ждановой (1956), руководителе московского филиала Фонда Макаруров в конце 1990–2000-х гг.

Как было до деда

В начале 1940-х годов или в конце, во время очередной борьбы с космополитами, проявился наш дед Андрей Григорьевич Богатуров (1.10.1893–9.03.1987). Он поменял в своей фамилии «а» на «о», сделав вроде бы ее более понятной для русского уха. Цели своей, таким образом, достиг лишь отчасти, так как по правилам и логике русского языка и второе «а» следовало тоже заменить на «о», чтобы было совсем по-русски – «Боготуров», то есть «божий тур». Получилось бы яснее и поэтичнее, хотя к оригиналу не имело бы никакого отношения. Во всяком случае, фамилия оказалась странной: русской она не воспринимается, зато армяне норовят увидеть в ней свое армянское происхождение, а образованные русоветы-иностранцы неизменно отыскивают тюркские корни. Любопытно и то, что родственники наши в Грузии и до сих пор пишут свою фамилию через два «а», новшества нашего дедушки не приняв. Зато нальчикские родственники («однофамильцы»), судя по Нальчикской телефонной книге 1993 г. (Кабардино-Балкарской АТС), писали свою фамилию, как и мы, через «о».

По рассказам нашего деда Андрея, его дед Константин Иванович вместе с тремя своими *родными*² братьями перебрались в пределы Российской империи из малоазиатской Турции, района Трапезунда (село Парти?), в конце XIX века. Он выучил русский и свободно писал по-гречески. Я получал от него письма в Москву, написанные по-русски, когда был студентом, в начале 1970-х годов. Начальное образование он получал греческое.

Братья впервые попали в российские пределы, когда нанялись сезонными рабочими (были каменщиками) на начавшемся строи-

² Новость сообщила в 2016 г. Виктория Багатурова, ссылаясь на рассказы из Греции. Из Трапезунда в Турции родичи выехали в Грузию и в Россию, а недавно, из жителей 2000-х годов, которые жили в Грузии, некоторые перебрались обратно, но западнее, в Элладу. До этого отец говорил, что братья, прибывшие в грузинский порт Батуми, были между собой вроде бы двоюродные, но источники этой «новости» были греко-российскими.

тельстве железнодорожной ветки от Тифлиса до Боржоми. Здесь понравилось, а может быть, просто в Турции житье было несладким. Но решили переезжать. Ехали вместе морем из Трабзона до порта Батуми, а там расстались. Константин, наш пращур, и два его брата, Николай и Иван (Янго), направились в Тифлисскую губернию, в Боржоми, а четвертый, Григорий, предпочел восток Новороссии и оказался в районе Сочи. Оттого принято считать, что те Багатуровы (Богатуровы, Пахатуриади?), что донныне во множестве живут в Красной Поляне близ Адлера, могут быть нашими родственниками через пращура Константина Ивановича, то есть в шестом колене. Из их колена, насколько знаю, в начале 2000-х годов вышло несколько некрупных предпринимателей (по части торговли и туризма).

Есть какие-то Богатуровы на Дальнем Востоке, один из которых – художник (скульптор или дизайнер). Есть и московский ученый Александр Николаевич Богатуров – по части оптики. Мне неизвестно, имеют ли они к нам отношение.

Пращур Константин Иванович Пахатуриади (настоящее имя) – Багатуров (имя, переделанное на русский лад) осел в селе Цихис-Джвари (означает «крепостной крест», древнегрузинское название). Дело было в Грузии, Боржомский район (Самцхе-Джавахетия). Место упоминается в грузинской истории благодаря стоящей там крепости, которая будто бы однажды выдержала жестокую осаду во времена внутригрузинских усобиц. На картах отмечен Цихисджварский хребет, горы которого мы всегда видели с балкона дедовского дома и который отделяет Цихисджвари от района Аспиндзы. Поселение Цихис-Джвари было, естественно, изначально грузинским. Но затем грузины ушли из тех мест – говорят, что из-за сурового климата. Греки поселились на их месте, так как русское правительство содействовало поселению христианского элемента в районах, близких к турецкой границе. Надо полагать, то и были земли Ахалцихского пашалыка³.

³ Основательный абрис с. Цихис-Джвари дан в свободной энциклопедии «Википедия», размещенной в Интернете. Переписана из рукописи «История села Цихисджвари» Онуфрием Севастова по сведениям начиная с 1832 г. и со слов отца его Якова Севастова и дяди

Сейчас село причислено к курортным местам. В начале 1960-х годов на окраине Цихис-Джвари была построена, как я помню, новая баня, куда подавалась из неподалеку расположенных источников серная вода и где размещались для курортников специальные ванны. Не знаю, что со всем этим сейчас случилось.

Пращур Константин Иванович в начале нашего века участвовал в строительстве и сейчас существующего храма в центре села (церковь Святого Феодора), о чем, как гласит предание, есть запись, высеченная на греческом языке на каменной плите над входом. Церковная запись упоминает Константина Пахатуриади, наверное, имеется в виду он. Видимо, как греческая фамилия она так звучала в то время. Надпись сохранилась хорошо, но сам я, по незнанию языка, прочесть ее не мог.

Говорят также, будто позднее пращур на свои деньги купил и пожертвовал церкви иконостас, сейчас сохранившийся, но очень пострадавший за годы коммунистической власти. Этот факт, впрочем, твердо не установлен, как не ясно и то, насколько богат был пращур. Высшим достижением его на социальном поприще был пост полицмейстера г. Боржоми – таким образом, этот пост он занимал как российский служащий, то есть греческого пращура Пахатуриади русско-грузинская служба именовала Багатуровым. Так вроде бы получается. Пращур умер до 1917 года, точнее узнать не удалось. До наших с братом отроческих дней сохранилась сабля пращура Константина Ивановича – с сохранившимися элементами серебряных украшений на рукоятке, но без ножен. В 1969 г. мой старший брат Митя нашел ее в подвале и долго очищал от ржавчины. Куда она делась потом – не известно.

На ком был женат пращур, установить не смог. Известно только, что был у него единственный сын Григорий Константинович, наш прадед. Он характер имел, как говорят, бурный и непостоянный. Имея шестерых детей, оставил первую семью и женился во второй раз на женщине, которую его родня не приняла. Это не произвело на него особого впечатления, и он спокойно дожил отдельно от своей первой семьи до 1956 года. В Цихис-Джвари после

Мурата. Вроде существует в рукописи. Прекрасная работа. Константин Богатуров упомянут в качестве восьмого из десяти переселенцев.

второй женитьбы жить не стал, а построил дом «внизу» сельской (?) речки Боржомула в городе Цагвери, где и умер. Дом тот достался по наследству нашему деду, его старшему сыну, Андрею, который его тотчас продал. Дом был виден с современной автодороги в Цихис-Джари, когда поднимаешься на машине по пути из Цагвери в Бакуриани (1975 г.).

Как удалось установить⁴, у моего деда был, по-видимому, дядя – Павел Багатуров. У него имелось трое дочерей, которые деду моему приходились двоюродными сестрами – старшая Паресса Павловна Багатурова (1871–1955), Анастасия (1879?–1968) и Евгения. Паресса была замужем за Харалампием Сауриди. Через этот брак наше дальнейшее (в четвертом колене?) родство с петербургскими и московскими Сауриди-Сауровыми-Майсурадзе – потомками братьев Леонида Харалампиевича Саурова-Сауриди (московского), Афанасия петербургского, Софокла рязанского.

Афанисий и Леонид были в разное время 1960-х годов в Нальчике и останавливались у нас, Богатуровых. Соответственно, жил девять месяцев у Леонида Харалампиевича Саурова и я, когда учась на первом курсе института, еще не мог нигде больше остановиться. За этот год познакомился с Аликом Сауровым (у него – сын и дочка) и Софией Майсурадзе (девочка и мальчик) – детьми Леонида – и с женой его Зиной Слободенюк (1912–1977) – это было в 1971–1972 гг. Кстати, Олег (Алик) Сауров в его давние годы, ребенком, в 1950-е годы снимался в фильме по фрагменту из романа В. Гюго «Отверженные».

Родственником у Сауровых я, конечно, себя не чувствовал, но деваться было некуда. Почти год пытался найти съемную комнату, но потом летом 1972 г. все-таки нашел. После 1973 г. с Леонидом (жил в 1909–1980 гг.) больше не встречался.

Тамуся (Тамара Ильинична, 1921) Сванидзе была «двойной родственницей» семьи Сауриди. С одной стороны, ее бабушка Анастасия Павловна Багатурова-Кашиева (сестра Парессы) роди-

⁴ В 2017 г. установлено с помощью Христофора Дмитриевича Сауриди (1966 г. рождения), родом из г. Салоники (Греция). Тоже родственник, он рассказал массу бесценных деталей, сведений, описаний, за что ему спасибо огромное.

ла дочь Елену, которая была замужем за грузином Илларионом Давидовичем Сванидзе и произвела на свет ему двух детей – Тамару и Додика. С другой стороны, Тамуся была женой Харалампия Георгиевича Сауриди (1916–1964). Они жили в г. Кентау (Казахстан). Ее дети Елена (1955) и Инна Сауриди (1949) – наши дальние родственницы. Илюша Сванидзе (батумский) – племянник Тамуси, сын ее брата Додика (Давида) Ильича Сванидзе. Летом они иногда останавливались у моего деда в Цихис-Джвари. Виделся с ней трижды – в 1963 г. в этом доме вместе с дочками и ее племянником и два раза в Москве у Сауровых в 1972–1973 годах. Помню, как она рассказывала о своем отце Илье уже в поздние годы. Ездил он получать заработанную пенсию в Баку и там оставался до тех пор, пока не истратит ее. Потом возвращался к своей семье. Рассказывала она в беседе с моей бабушкой.

У деда, стало быть, было три сестры (Варвара, Олимпия, Фили) и два брата (Дмитрий и Константин).

Варвара вышла замуж на Кесова и до своей смерти жила в Цихис-Джвари, в доме у церквушки «под крепостью», под огородом которого когда-то нашли подземный ход от старой крепости к реке. У нее было четыре дочери и два сына (Датико и Янго). Значит, Кесовы (Кессиди) сибирские, новокузнецкие – Датико, его дети Таня и Федор – наши родственники в третьем колене через двоюродную бабушку Варвару. С Новокузнецком контактов не поддерживаю с конца 1970 года.

Второй сын Варвары Янго, проработавший всю жизнь главным механиком в колхозе, был еще жив, в 1995 г. ему было 83 года. Надя, жена соседа Ламбо Пяндярова – дочь Янго Кесова. Есть четыре дочери – Кица, София (Соня, мать Эдика, живет в Ахалцихе), Леле (мать Гиви Тосунова) и Маро (жила в Ахалцихе). Сын Кицы устоялся в городе Краснодаре – там (где-то в крае) в 1930–1938 гг. существовал греческий автономный район, ликвидированный по политическим соображениям советским правительством.

Олимпия в 1918 г. уехала в Грецию, в Салоники. Известно, что у нее было две дочери. Их потомки могут быть живы и сейчас, но контакт с ними утерян с 1936 г.

Фили прожила всю жизнь в Цихис-Джвари. Умерла не позднее 1926 г. У нее были две дочери Ксения и Христина, а также сын

Панджо, погибший от пули снайпера-женщины в советско-финской кампании 1940 г. Христина работала в санатории «Либани» – в горах между Боржоми и Бакуриани (помню: древняя грунтовая и лесная дорога на Цихис-Джвари, прямая, минует Цагверский перевал, была ужасна по современному состоянию). Умерла она вскоре после войны.

Брат Дмитрий Григорьевич Багатуров унаследовал, вероятно, своенравный характер своего отца. Наша бабушка Кали (Калиопи) отзывалась о нем неодобрительно, называя его «бродягой». Он не жил в деревне, а уехал в Кара-Богаз – в Туркмению, получается. В ветви Багатуровых, осевшей тогда в г. Пятигорске, существует неясная история, связанная с его женой Евдокией. Говорят, будто его товарищи похитили ее вместо другой девушки. В суматохе перепутали и схватили Евдокию. Потом отыграть было поздно, и он был вынужден жениться на ней. Эта история, говорят, сказалась впоследствии на его отношениях с женщинами.

Вообще, судя по публикациям в Интернете, фамилия «Багатуров» на Кавказе встречается не только как греческая, но и как армянская, а в Крыму – как еврейская, или караимская, во всяком случае, иудейская. Как бы то ни было, сведения о Дмитрие прекратились в 1937 году. Считают, что он погиб в числе репрессированных. Но точно родственники ничего так и не узнали или боялись узнать. История полна неопределенностей.

У Дмитрия было две дочери – Феня и Клара Багатуровы, оказавшиеся в городе Пятигорске и активно общавшиеся с нашей семьей в 1960-е и 1970-е годы. Феня была замужем за Николаем Дмитриевичем Зурелиди (1929 или 1928 г. рождения), и от этого брака родилась ее дочь Афина (1951). Мой отец с восторгом рассказывал, что она была кандидатом в мастера спорта по гимнастике. Марика и Надежда (Нанули, родилась в 1959 г.) – они наши троюродные сестры, как и Афина. Одна из них – средняя – Мария Николаевна Зурелиди-Чермных разыскала меня через Интернет в начале 2000-х годов. Она имела уже американское гражданство. Умерла Феня Дмитриевна молодой (34 года) от рака в 1963 году. В семье есть от второго брака отца сын Дмитрий (живет в Пятигорске). Надежда с дочерью перебралась жить в Грецию и Британию – «путешествует» между этими странами.

Клара Дмитриевна Багатурова-Хаджияниди (жива была в 2016 г., в 91 год сохраняла живую память!⁵) имела от двух браков в Пятигорске трех детей: дочерей Грету и Нанули Йорданиди и от второго брака – сына Петра Хаджияниди. В 1992 г. все выехали в Грецию к родственникам второго мужа Клары, который умер в середине 1970-х годов⁶ в том же городе. Сейчас они живут там. Жена Дмитрия, мать Фени и Клары, Евдокия Багатурова в 1994 г. была еще жива, ей было 87 лет, жила она с Klarой. Затем Клара переехала в Грецию, куда до нее уехал Петя к родственникам отца. Связь с ними – косвенная, через Марику и ее знакомых. Грета уехала в Грецию и вышла там замуж, потом муж умер. О Нанули известно только, что последним местом ее жительства с мужем и ребенком было грузинское село Жинвали в ущелье реки Арагвы. Потом они уехали в Грецию и живут там с мамой.

Второй брат деда Константин Григорьевич Багатуров (в честь деда?) был «маленький» ростом. Не был женат и прожил жизнь с нашим дедом в его новом доме со старой, большой сосной, сохранившейся до настоящего времени во дворе. Маленькая комната с видом на лес и горы в дедовском доме в Цихис-Джвари – его. Отец наш, по его собственным рассказам, дядю своего, случалось, поколачивал.

Остальные комнаты – с видом на улицу, никогда (с ареста дедушки) не открывались, то есть были закрыты ставнями. Единственное окно, которое можно было открывать, выходило во двор. Дом был окружен со всех сторон садиками, засаженными деревьями (ивы, груши, яблони, алычи, вишни – все привитое). Между ними стояли малиновые кусты, клубника, крыжовник, два розовых куста («подсаженная» на дикий шиповник *чайная* роза!), короче говоря, домашний огород. Дом трехкомнатный деревян-

⁵ Свидетельствует Мария Николаевна Зурелиди-Чермных.

⁶ В 2006 г. в одной из книг (*Хомизури Г.П.* Уравнение с 26 известными. – М.: [б/и], 2002) нашел ссылку на то, что меньшевик Багатуров (без инициалов) в августе–сентябре 1918 г. был в Баку членом коалиционного правительства «Временная Диктатура Центрокаспия и Президиум Временного Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов». Имел ли он отношение к нашему роду или нет – неясно. Никаких рассказов на эту тему в деревне не слышал.

ный, балкон во всю длину и каменные ступени, ведущие вниз. Посреди двора отдельным строением стояла кухня со всеми сопутствующими каменными службами. От нее до дома была проложена дорога обычными камнями и такой же путь вдоль забора до «конюшни». Деревья с годами были посажены также по двору. Работа была сделана, скажем, большая! Дорога к лесу проходила около этого дома, спускаясь вниз.

Андрей Григорьевич Богатуров и потомки

Дед Андрей прожил долгую и трудную жизнь. Умер в Цихис-Джвари 9 марта 1987 г. в возрасте 94 лет. В колхоз вступил одним из первых в 1929–1930 гг. В 1937 г. его арестовали⁷ по ложному, как было тогда принято, доносу. С 1937 по 1939 г. сидел в Архангельских лагерях и чудом выжил благодаря своему неукротимому характеру. Отец говорил уже в 1990-е годы мне, что дед был нрава крутого: «он был злой». От «блатных» отбил тем, что остро отточенным топором распорол живот местному «пахану», когда тот пытался у него отнять посылку. По счастливому стечению обстоятельств дело сошло деду с рук. «Блатные» его испугались, а надзиратели то ли сами мечтали отделаться от «пахана», то ли почему-то еще, но деда не тронули. В деревню он возвратился в конце 1939 года. Ему крупно повезло, когда в тот кратчайший миг ослабления репрессий и выборочной реабилитации, что пала на месяцы между падением Н. И. Ежова⁸ и новой волной террора после утверждения Л. П. Берии, по апелляции моей бабушки, деда освободили, и он вернулся в Цихис-Джвари.

Жил после революции 1917 г. небогато. На участке выращивал картошку и до 1970-х годов продавал ее в приморских городах от Батуми (современная Грузия) до самой Одессы (современная

⁷ См.: Статья Ахиллеса Грамматопуло // Энциклопедия советских греков / Сост. и общ. ред. Ф. Х. Кессиди. – М.: «Прогресс-Культура», 1994. С. 226.

⁸ *Ежов Николай Иванович* (1895–1940), народный комиссар внутренних дел; *Берия Лаврентий Павлович* (1899–1953), рос. государственный деятель, занимал разные посты, в том числе и в спецслужбах.

Украина). Кроме того, дед был хорошим печником и клал печи разных конструкций и типов по всему Боржомскому району. Где приобрел мастерство – не вполне ясно.

Дед Андрей был женат на Калиопе Сократовне Грамматопуло, нашей бабушке. Родилась 14 марта 1900 г., умерла в 1982 г. в возрасте 82 лет. 16 февраля 1982 г. исполнилось 65 лет ее совместной жизни с дедом. Бабушка знала греческий язык и писала на нем письма моему папе и, случалось, дочери, жившей с ней в одном селе – такую записку летом носил я сам. Бабушка и дедушка общались по-гречески. В Нальчик он писал письма всегда по-русски, а она прилагала письма, написанные по-гречески.

Отец бабушки наш прадед Сократ Грамматопуло был сельским костоправом, он умер в 1942 г. Он был женат на Софии Пошнаховой – «бабусе», как мы ее звали. «Бабусю» в селе звали «Чопанав» – потому, что ее отец был «чопан» – деревенский пастухом. Она прожила долгую жизнь и умерла в начале 1970-х гг., будучи лет 90 от роду. К этому времени она уже плохо понимала реальность.

У деда Сократа была сестра Марула и три брата – Алексей, Фемистокл и Полихрон. О детях Марулы толком ничего не узнал. У Алексея было два сына – Дмитрий (в г. Ахалцихе) и Янго. Дети и потомки Фемистокла жили в Цихис-Джвари. Их было трое сыновей – Матвей (наш сосед по селу – Грамматопуло, муж Марии, и отец Софии и Цицкары; София и Цицкара в конце 1990-х уехали в Грецию), Полихрон и Ахиллес, который жил в Боржоме. Дети Полихрона – в Сухуми. У Полихрона было три сына – Тута, Мильдо и кто-то третий (не удалось вспомнить).

У бабушки было два брата (Эпаминонд и Янго) и две сестры (Фили и Насто).

Сестра бабушки Фили была замужем за Климентом Ивановым (Ионида). От этого брака у нее родился сын Владимир и дочь Нина. Нина была замужем за Ноем (фамилии не знаю). Она умерла году в 1963 молодой (от болезни), оставив сына Владимира. Сын Фили Владимир Климентьевич (1927–2013), наш двоюродный дядя (Ионида-Иванов), жил в Батуми, а потом – в Тбилиси. У него была жена Нина Леоньевна Грамматопуло (Зурелиди фамилия ее матери) и дети – сын Клементий и дочь Лина. В 2000-х годах они переехали в Грецию (г. Гещию), а сын Клементий живет там же,

где жил раньше (2017). В 2009 г. дядя Вова был жив и, по рассказам Марулы Грамматопуло-Кривенко (двоюродная моя тетя), встречался с нею во время ее поездки туда.

Вторая сестра бабушки Насто (Анастасия, 1910?–1996) была замужем за Дмитрием Блиадзе и имела сына. Однако, когда она была в достаточно молодом возрасте, у нее открылась душевная болезнь. Муж оставил ее, забрав сына. Насто жила вместе со своей матерью, нашей прабабушкой, Чопанавой, при доме Янго, самого младшего брата бабушки Кали, в маленьком домике при огороде, напротив конюшни. После смерти «бабуси» Насто перебралась ближе к дому Янго, где и умерла 18 января 1996 года. Сейчас дом деревянный почти разрушен (2010), жить в нем стало уже невозможно. Две фотографии – они есть у меня, вид на лес – сняты из огорода дома Янго Грамматопуло в конце 1990-х годов.

Брат бабушки Эпаминонд умер от какой-то болезни. Его сын Лев, дочери Раиса и Ольга жили в Сухуми, а Парфена – в Цихис-Джвари на нашей улице ближе к околице или, как теперь стали говорить, к новому кладбищу (в начале XXI века на старом уже не было места, и его перенесли из центра села).

Дочь Эпаминонда Грамматопуло Ольга была замужем за Михаилом Багатуровым, братом Николая Багатурова, директора сельской почты и инвалида советско-германской войны (1941–1945). Николай и Миша были сыновьями Константина, двоюродного брата деда Андрея. У Ольги и Михаила был сын Федор, которого особенно любила бабушка Кали, так как он был как бы двойным родственником. Нам Федор приходится троюродным братом.

Знаменит он в основном романтической историей, связанной с его женитьбой на дочке замминистра. Тесть был заместителем министра деревообрабатывающей промышленности СССР, девочка, кажется, из Москвы, дочь Кириякова, родного брата того Алексея Кириякова, что был директором сельской бани и отцом Федора Кириякова, женатого на Нине Грамматопуло, нашей двоюродной тетке и дочери брата бабушки Кали Янго. До сих пор Федор этот и его потомки живут в Москве. Возобновил знакомство с ним в 2002, кажется, году на похоронах отца Михаила Сергеевича Картавенко, мужа Марулы. Знаю, что он женился во второй раз и от этого брака у него есть сын.

От этого Федора в недавние годы (2016 г.) был сигнал, хотя неожиданный и не прямой. Прислал е-мэйл Михаил Федорович Багатуров, который оказался старшим сыном того Феда, прочитавший нашу историю в Интернете. Значит, от брака с дочерью зам. министра Михаила Федоровича Кириякова (совпадение какое!) был у Федора сын, которого воспитывала, судя по всему, семья дедушки – дед и бабушка Ольга Онуфриевна Севастова. Дедушка, судя по отзыву Михаила, был кумиром внука. Мать сына переехала впоследствии в Грецию, в Салоники, где живет со своим вторым мужем.

Сын ее сейчас взрослый, получил образование в Москве, но жить предпочел в Санкт-Петербурге. У него пять детей – два взрослых и три малолетних – до 13 лет. О поле их – мужском или женском – он не сказал. Сейчас он поддерживает отношения со своим отцом Федором, а также с его младшим сыном Константином, родившимся от второго брака. Он тоже женился, у него двое детей – сын и дочь.

Еще имеются у Михаила родные дяди (один из них Севастов?), Сократ (Санкт-Петербург) и Дато (Евстафий Багатуров?), тот живет под Салониками в Греции. Неожиданные «выбросы» делают свои «выкрутасы» по ходу жизни⁹.

Одна из ветвей (двоюродных) идет параллельно от Сократа Ивановича Грамматопуло, родного брата Фемистокла. У Фемистокла Грамматопуло (1877–1954) были дети – Матвей, Ольга, Партена, Полихрон и Ахиллес. Женат он был на Софии Захаровой (1881–1954).

Дети Матвея Фемистоловича Грамматопуло (1905–1981), двоюродные братья и сестры бабушки Кали, мы уже знаем. Далее идет Ольга, в замужестве за Адамом Иордановым, а в девичестве Грамматопуло (1907–1992), двоюродная сестра нашей Кали, у нее дети – Мели и Мара Адамовна, вот она-то, будучи замужем за Дмитрием Сауриди, и родила двоих детей – Тамару и Христофора (1966 г.р.). Еще остались после Ольги – Василиса и Христо.

Дети Партены (1911–1968) – Костя, Лена и Нора, от Полихрона (Поле) – Борис и Лариса, от Ахиллеса (женат на Парфене Миро-

⁹ Детали сообщены Михаилом Федоровичем Багатуровым в 2016 г.

форовой) – Виолета и Одиссей. Все они – бабушкины *двоюродные* родственники.

Возвращаясь к моим родственникам, могу сообщить, что младший брат моей бабушки Янго (Иван Сократович Грамматопуло, 20.04.1910–28.01.1975) был женат на Вули (Гоновефе) Наумовне Онуфриади (25.12.1921–3.07.2008, умерла в Греции в возрасте 86 лет), дочери директора сельской школы (имел высшее образование, окончив Тбилисский госуниверситет). Похоронен он странно – в самом конце 2000-х годов Нина Грамматопуло произвела «частичные раскопки» на папиной могиле. В итоге голову (череп) она увезла в Грецию (там похоронили!), а остальное оставила в земле Грузии.

Все дочери Наума Онуфриади были известны, помимо прочего, своими изысканными именами. Помимо Вули-Гоновефы их звали: Дафна, Талия (Пупуш), Фенаретти и Фрося. Пошло и дальше. Детей Дафны звали Виола, Джульетта (Фофочка) и Фушко. Жили Янго с Вули рядом с домом деда и тесно со всеми нами общались. Было у них три дочери, одна другой лучше – Нина, София и Марула. Мы их любили. Нина замужем за упоминавшимся Федором Алексеевичем Кириаковым. У них двое сыновей, жили в Тбилиси. Один из них, Алексей, женился на кабардинке Марине из Нарткалы. Второй – Янго – уехал в Грецию. В 1990-х Нина и Федор уехали туда же к сыну. В 2012 г. она со мной виделась (приходила ко мне домой вместе с сестрой Марулой), когда приезжала в Москву. Постарела, но так же, как в молодости, выглядела хорошо.

София была замужем за Гиви Тосуновым, жила с ним в Боржоми, потом переехала в Цихис-Джвари. Сам Гиви – наш троюродный брат, так как его мать – двоюродная сестра нашего отца. У Софии и Гиви было двое сыновей (Федик и Костик, первый погиб в 2009 г. в автокатастрофе). Они все уехали в Грецию в 2004 г.

Марула замужем за полурусским по крови (и очень даже греком по духу) Михаилом Сергеевичем Картавенко. Они жили в Марнеули, близ Тбилиси, но незадолго до 1991 г. судьба им улыбнулась, и они успели перебраться в Россию, в Москву, где и осели. У них дочь Илона и сын Сергей. Она имела высшее российское медицинское образование и степень кандидата наук. Замужем,

двое детей. Он – высшее образование по части внутренних дел. Тоже женился, и детей тоже двое.

У Андрея Богатурова и Колиопи было две дочери и два сына. Одна дочь умерла в младенчестве. Вторая, Надежда (Нати), была замужем за Милтиадом Афанасиади. Надя умерла в 2003 году. Их дочь Ляля (1955–2014) прожила в Цихис-Джвари, замужем была за полугрузином-полугреком (у них два сына и дочь). Сын Василий Милтиадович Афанасиади (1949) живет в Нальчике, женат на русской, трое детей (два сына и дочка). Развелся. Ходит на кладбище на могилу моего папы (2017).

Старший сын деда Георгий (1.01.1923–6.07.1995). Жена была русская. Дети его Надежда (1958 г.р., незамужем) и сын Сергей (3.02.1953) живут там же. Сергей имеет высшее образование. У него есть сын Дмитрий (8.06.1980, в честь будто бы нашего отца Демосфена, которого в жизни звали Димой) – тоже, кстати, только на четверть грек – мать русская. Он закончил Санкт-Петербургский государственный университет по части географии и аспирантуру того же университета. В 2009 г. защитил диссертацию кандидата наук по географии. Живет в Санкт-Петербурге.

Женитьба отца

Младший сын Кали и Андрея Демосфен Андреевич Богатуров (23.04.1926–18.06.1997) и есть наш отец. В 1950 г. на комсомольском мероприятии познакомился с Марией Емельяновной Горячевой, тоже, как и он, комсомольской активисткой, женился. Дмитрий и Алексей родились соответственно 11.07.1951 и 24.05.1954.

Думаю, событие датируется 1952 или 1953 г. по рассказу матери о том, как они с отцом и маленьким братом на руках добирались летом до села Цихис-Джвари, где жили родители. От Боржоми ехали на «узкоколейной кукушке» (два–три вагона) до Бакуриани (38 км за 2,5 часа!), но не до конца, а до предпоследней «официальной» станции Патара Цеми. Дальше следовала станция Сакочави, от которой отводилась ветка до местечка с месторождением камня Андезит, но она еще тогда не действовала. Местечко Сакочави, по идее, обычно электричка «проходили мимо», но могла и «почти остано-

виться» – снижением скорости по результатам разговора с машинистом! Оттуда до деревни 4 км. Добирались с приключениями – вечер спустился, видно плохо и идти далеко. Дорога была скверная, сложные переходы через речку, потом долго по селу, но дошли.

Есть две дороги из Боржоми до Цихис-Джвари: одна асфальтированная через перевал на Бакуриани и дальше в Ахалкалаки, другая мощеная только до санатория «Либани», а дальше грунтовая и последние километры – лесная. По второй расстояние составляет 12 км, а по первой – 38 км. Все пользуются первой, современной автодорогой, несмотря на ее протяженность. Однажды мне пришлось возвращаться назад от временного поста ГАИ (автоинспекции) на самом вершине при въезде в Бакуриани (я был с отцом и старшим братом, дело было примерно в 1973 г.). Говорят, на период карантина (мор среди домашнего скота) всех заставляли последний участок до Цихис-Джвари проделывать пешком, таща домашние вещи на себе. Восемь километров! А мы были на «Волге» старого образца.

Чтобы избавиться от контроля, люди пользовались полузабытой старой дорогой – минуя Цагверский перевал в правую сторону, в 1960-е годы стоял указатель «с. Цихис-Джвари. 10 км». Но поскольку районный автобус проезжал этот поворот, идя налево, в обход через перевал, то люди постепенно подзабыли про старый путь. Тут мы вспомнили и решили попробовать. Последний участок от Патара-Цеми до Андезита лучше даже не вспоминать – лесная дорога, местами очень трудно проходимая, скользкая (был дождь), а машина у нас легковая. Поход совершали мы не одни, еще была грузовая машина с людьми из Цихис-Джвари. Они говорили по-гречески и среди них были некоторые знакомые папы. Это было решающим обстоятельством. Было оговорено, что «Волга» будет ехать впереди грузовой и, в случае чего, они помогут. И помогали не раз!

У местного населения связь с Боржоми мыслилась «узкоколейным» маршрутом, «лесным» проходом и асфальтированным шоссе. Разные взгляды на жизнь: в 1950-х годах превалировал медленный, старинный, основательный, а в 1960-х по мере распространения асфальта на дороги пришел ускоренный, современный. Автомобиль «сократил» понятие времени.

У Дмитрия Демосфеновича Богатурова – трое детей. Две дочери от первого брака – Галина (3.01.1977) и Мария (18.07.1981). Сын от второго брака – Андрей (18.06.1991). Образование имеет высшее, Кабардино-Балкарский государственный университет, Сельскохозяйственный факультет, отделение механизации. Половину образования отдал карьере в ремонте машин. Потом тоска по морю взяла свое, и уехал поднимать море. Грек (его дети тоже ими пишутся), со второй женой живет в Калининграде.

Провел молодую жизнь, женившись в 1975 г. на бывшей старшей его на семь лет медицинской сестре Людмиле Васильевне Кириченко. Родила двух дочек. Первая (четверть крови греческой!) в двенадцать лет перебралась к отцу в Калининград, где вышла спустя какое-то время замуж за Андрея Власюка и стала носить его фамилию. Закончила Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета по части бухгалтерии. Двое сыновей. Удивительно, до чего она похожа на нашу мать! Младшая ее сестра Маша тоже была замужем, растит двух дочерей. Муж – осетин. Дочки были названы в честь женщин: Галя – русский перевод с греческого «Кали», Машу называли в честь Марии – похожа на нас, но не в уме.

Не «дотянул» до институтского диплома младший Андрей (18.06.1991, от второго брака): он «почти окончил» четырехлетнюю подготовку служащих таможи, но терпения еще на один год не хватило. Пока работает на пограничной службе, и, говорят, не будет продвинут *без диплома* выше достигнутого им уровня.

Отношения с братом описывать не буду, они были сложными. Только с отъездом в Калининград отношения постепенно, медленно улучшались и полегоньку нормализовались. Четверть века потребовалось, чтобы пошло на лад. Вторая жена его Елена Александровна Богатурова (15.03.1950, на год старше его) – у нас с ней отличные отношения.

Наконец, Алексей Демосфенович Богатуров. Выбрал быть русским. Имел право, что и сделал. Образование – Московский государственный институт международных отношений. Закончил со знанием японского языка. Жизнь посвятил науке – двенадцать лет отдал японоведению, затем была история и теория современных международных отношений, политика США в отношении России

и других стран. В исследовательских институтах проработал девятнадцать лет, делал все, начав со стажера-исследователя, дальше – младшим, старшим научным сотрудником, потом заведовал сектором и отделом, потом работал ведущим и главным научным сотрудником, наконец, заместителем руководителей институтов.

С преподаванием был связан с 1991 г., сначала почасовиком, старшим преподавателем, доцентом и профессором Кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО. По этой кафедре и написана главная коллективная научная работа «Системная история международных отношений. 1918–2005 гг.» в 4-х т.

С 1968 г. по 1986 г. был комсомольцем, в 1985 г. – кандидатом, в 1986–1989 гг. – членом КПСС. Выбыл из партии после образования КПрФ в 1991 г. (перестал платить взносы). Награждался Почетными грамотами ЦК и МГК ВЛКСМ.

Кандидатская (1983, Институт Дальнего Востока РАН), а затем новая работа и докторская диссертации (1996, Институт США и Канады РАН). Ученое звание профессора присвоено в 1999 г. по Кафедре истории и внешней политики МГИМО.

В 2008 г. дан дипломатический ранг Советника первого класса. В 2009 г. присвоено звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Стал лауреатом Первой премии Правительства Российской Федерации в области образования «Общественная мысль» (2011) за научно-практическую разработку «Научно-практическое обеспечение развития международного сотрудничества вузов России» (стоит между книг красивый такой медный обелиск).

Приобщился к работе заместителя директора Института США и Канады (2000–2003), а потом – Института проблем международной безопасности РАН (2004–2006)¹⁰. Со временем работы в ИСК РАН совпали организация и набор студентов в Государственный Академический университет гуманитарных наук (Факультет мировой политики на базе Института США и Канады). Потом работал некоторое время главным научным сотрудником Института мировой экономики и международной политики (2003–2004). За-

¹⁰ Хагарова Джамиля. Алексей Богатуров: «В Москве остаюсь русским кавказцем...» // «Газета Юга», 2000, 1 июня, с. 3.

тем – заместителем директора Института проблем международной безопасности РАН (2004–2005).

В конце того же года сменил работу, которую совмещал с основной. Перешел в учебно-научный институт, поменял стиль работы. Стал деканом Факультета политологии (2005) и сделал новую Кафедру прикладного анализа международных проблем (ПАМП). Затем передвинулся на пост проректора, потом первого проректора МГИМО МИД России.

К 63 годам написал 280 п.л. самостоятельных работ и около 470 п.л. книг было издано под его редакцией. Тематика написанных работ разделилась: к работе по истории и теории международных отношений добавилась системная история международных отношений (4 тома). В 2017 г. (после болезни!) добавились книга по теории, политическому анализу, смыслу и практике международных исследований, а также новая монография о политическом анализе.

Вспоминаю историю отношений с православной церковью в селе. Помимо главного храма, в округе имелось пять маленьких «молитвенных домов», посвященных отдельным святым деятелям этой веры. Дойти до них было можно пешком – две на пути в ближайший лес, а три на пути в дальний. Св. Марина, Св. Константин, Успения Богоматери (Банаия), Св. Георгий и еще одно место – не помню название. Говорят, в окрестностях было молебен не пять, а двенадцать. Не знаю – память сохранила сведения о пяти, никогда о большем даже не слышал.

Сейчас, наверное, привели в достойный вид место Св. Константина, поскольку оно, надо полагать, оказалось главным пунктом прощания с усопшими на новом кладбище. Раньше вид был в очень убогий, ветхий, обгорелый, с трудом держались почти одни стены. Были еще от села подальше места Богоматери и Георгия. Своды, потолки, двери из легкой доски, подметено, внутри чисто. Остальные, расположенные близко к селу, выглядели ужасно (Св. Марина и Св. Константин) – ломалось все и снова собиралось из ничего, из пепла. Был в четырех молельнях, кроме пятой.

Помню поход к Успению 28 августа – первое осознанное посещение и впечатления от события (1967). В лесу толпы народа, запахи готовящейся еды и множество людей, гуляющих и пьющих, при этом посетивших ту самую маленькую молельню. Внутри –

иконы разных христианских святых, свечи, у входа на некотором расстоянии – камень, на котором резали баранов и кур! Куриные головы и ноги с когтями лежали снаружи вокруг молельни! Торжественно и жутко. «Чистое христианство»? Не знаю. По-моему, смесь. Ходил на этот праздник с тетушкой Ниной Грамматопуло.

Потом визит с благодарностью к Успению (не в этот день). Тайно, скупно, свечи зажег и благодарил, поступил, как ни как, в МГИМО (1971 г.)! Потом в Москве, осень 1978 года – молитва с умоляющей просьбой заступиться и переложить мамину вину (?) на близких. Слепая констатация: ничего лучшего не будет, сам виноват. Все, умерла. Было страшно. Потом – тишь, пустота. Ничего не требовалось и не делалось. Прошло восторженное и вдохновенное влечение.

Возвращаясь к истории, надо отметить, что после распада Советского Союза в 1991 г. и разорения, поразившего новую независимую Грузию, приходится констатировать: тогда из Цихис-Джвари начался массовый исход греков. Сначала были временные отъезды в Грецию на сезонные работы в теплое время года. Мужчины ехали работать на стройках, а женщины – домработницами. К зиме возвращались в родное село и привозили заработанные доллары. На несколько лет Цихис-Джвари стало островком относительного благополучия среди окружающей нищеты грузинских сел. Греков пускали во временные поездки в Грецию по льготным условиям как компатриотов. Грузинам ехать на заработки было некуда. Разве что в Россию, куда они ездили, конечно, в большом количестве. Но условия греческих поездок были более льготными.

Так продолжалось недолго, в 1990-х гг. цихисджварские греки вскоре поняли, что ездить челноками тяжело и ненадежно. Стали искать возможности для переселения в Грецию на постоянной основе. Греческое правительство с пониманием относилось к таким проектам по политическим мотивам и селило переселенцев-греков в те районы, принадлежность которых Греции так или иначе могла быть оспорена. «Наших греков» стали селить в районе города Салоники. Переселение пошло так скоро, что к началу 2000-х гг. село наше стало полупустым. В Грецию переселились некоторые из троюродных братьев (Цицкара и София Грамматопуло), троюродные племянники (дети Софии и Нины Грамматопуло – Тосуновы

и Кирияковы). По рассказам Марулу, к 2005 г. на улице, где стоял дом нашего деда, жилыми оставалось только три! «Зато» где-то не так далеко от Салоник в каком-то поселке появился квартал, почти целиком состоявший из выходцев из Цихис-Джвари. Село, так сказать, по частям переехало в Грецию. Грустно писать – Грузия платила за свою независимость и такую цену тоже. Места между городами Боржоми и Ахалкалаки, бывшие полупустыми до переселения туда греков и русских староверов в XIX веке, снова становились безлюдными. Из более или менее близких родственников в Цихис-Джвари остались только дети кузины Ляли.

В 2000-х годах через леса рядом с нашим селом прошла нитка нефтепровода. Кто-то из жителей смог получить компенсацию за изъятые под строительство земли. Но сам не видел, как все стало выглядеть, и как именно прошла ветка нефтепровода. Не был в Цихис-Джвари с поминок бабушки – значит, с 1982 г.

Отец окончил школу в 1942 г., потом год работал в колхозе и поступил в институт в 1943 г. После окончания Тбилисского государственного политехнического института в 1948 г. работал в Крыму, а затем в Кабарде, в системе автомобильного транспорта – основную часть жизни начальником автохозяйства № 1437. Достигнув пенсионного возраста, перешел на работу в небольшое автохозяйство, где он работал в качестве начальника, а потом и рядового служащего до конца своих дней. Имел звание «Заслуженный работник транспорта Кабардино-Балкарской Республики» и орден трудового Красного Знамени. Умер в 1998 г. от повторного инфаркта в послеоперационном состоянии после удаления простаты. Не стало его через 19 лет после смерти нашей мамы, практически в один день с ней – 19 июня.

Мать моя Мария Емельяновна Горячева, русская, родилась 19 января 1923 г. и скончалась 18 июня 1979 г. от рака. Так же, как ее сестра Полина Коренева, что скончалась на 11 лет раньше (от схожей болезни). Мама закончила Кабардино-Балкарский государственный университет и жизнь свою посвятила работе по части народного просвещения – школы, Институт усовершенствования учителей, заместитель министра просвещения Кабардино-Балкарии, председатель областного совета профсоюза просвещения и высшей школы. Имела почетное звание «Заслуженный учитель

школы РСФСР» и значок «Отличник народного просвещения», а также орден «Знак Почета». Эти регалии попали после смерти мамы сначала к Мите, потом – к его первой жене (с которой он развелся), а позднее – к Галине Дмитриевне Власюк-Богатуровой, дочери Мити, где они, по идее, и находятся сейчас.

Когда мать была уже без сознания, отец позвонил в Тбилиси Владимиру Иванову, своему двоюродному брату, и сообщил о приближающейся горе. Через сутки в дверь раздался звонок и там стоял дядя Вова, я сам открыл ему. В дом приехал из Цихис-Джвари дед Андрей и Милтиад Афанасиади, муж тети Нади. Вместе они с Демосфеном и Георгием и хоронили ее.

Русские корни

Отец нашей матери Емельян Константинович Горячев был арестован большевиками в конце 1928-х годов по делу о «кубанском саботаже», или «хлеборобном деле» Армавирского района. Он был казаком, русским, вроде не рядовым, а каким-то атаманом, но точнее узнать не смог. Был человеком известным и в солидном возрасте. В принципе, бабушка управляла хозяйством довольно самостоятельно. Сути противоречий казачества и советской власти совершенно не знаю. Но известно только, что о Е. К. Горячеве выдали заключение, дескать, виновен и ссылается на десять лет без права переписки. В конце концов уже в годы 1960-е оказалось, что был он тогда расстрелян где-то в тех же местах.

Говорят, со слов нашей мамы, его уголовное дело в 1960-х годах давали на просмотр кабардино-балкарским республиканским *гебистам*. Они в основном подтвердили данные этого дела. После смерти первой жены он женился на Феодосии Исидоровне Севастьяновой (Горячевой), казачке, русской, разведенной, уроженке станицы Николаевской Успенского р-на Краснодарского края.

Бабушка умерла 30 августа 1979 года. По документам была 1895 г.р., однако сама этого не признавала, указывая, что дважды ей сознательно набавляли возраст по жизненным обстоятельствам – однажды, чтобы увеличить возраст нашей матери, которую не хотели принимать на работу из-за молодости. Точного

года рождения бабушка назвать не могла, но полагала, что она приблизительно 1898 или даже 1900-го. Мама в годы войны вроде бы что-то делала с паспортными документами своей матери, чтобы выглядеть старше, а может быть, и выдать за своего сына Эдика, мальчика сестры Полины.

Вторым браком бабушка была замужем за человеком значительно старше ее – Е. К. Горячевым, лет на двадцать больше, чем возраст мужа первого. Об этом ее муже помню смутно, но вроде был он молодой и горячий, любил ее бивать за житейские беды. В первом браке она родила девочку, которая умерла от болезни в младенчестве. Вскоре после этого они крупно поскандалили и она, вскочив в телегу, ударила его чем-то крепко и уехала от него к своим родителям. Только затем, переждав значительное время, познакомилась со вторым женихом.

Жили они сначала в ст. Прочнокопской (Прочный Окоп), где родились у них две дочери: Полина (1921 г.р.) и Мария (1923 г.р.), потом переехали в Армавир. После ареста деда бабушка некоторое время продолжала жить там, но сообразила, что надо спастись. Схватив дочерей, все бросив, тайно бежала в Кабарду, на поезде от Армавира до ст. Прохладный, а оттуда – дальше, пересев на другую ветку, до Нальчика, опасаясь высылки в Сибирь и надеясь затеряться на Северном Кавказе. По дороге на какой-то крупной станции в вагон ворвались бандиты, которые бросились обыскивать пассажиров и отбирать у них деньги и ценные вещи. У бабушки таковых не было найдено, но она, судя по ее рассказу, серебряные деньги с собой провезла – запеченные в хлебе. Потом их в тайне «отмывали» на речке в Нальчике и обменивали на продукты. Больших подробностей этой истории не знаю.

Она какое-то время скрывалась, пока не нашла работу в Нальчике и не легализировалась. Всю жизнь проработала чернорабочей. Образование имела 4 класса приходской школы. Впрочем, ГПУ по доносу ее соседа Ивана Орленко (отца школьного товарища мамы, Бориса Орленко) быстро бабушку разыскало. Но материала против нее, видимо, не было. Так что после серии ночных допросов от бабушки отстали. Больше замужем бабушка не была.

У деда Емельяна от первого брака (жена умерла) был сын Василий Емельянович Горячев, о нем много рассказывала бабушка,

говорила, что был умный. Он сразу после ареста своего отца, нашего деда, ночью пришел в бабушке (дело было в Армавире) и посоветовал бежать. Бабушка полагала, что тем он ее спас. Сам к тому времени был взрослым, едва не бабушкиным ровесником (дед Емельян был старше бабушки), и жил своим домом. Больше сведений о нем не было. Бабушка его потеряла. Сама считала, что его, скорее всего, тоже расстреляли. Носил очки. (Не отсюда ли наша с Митей близорукость?). Но это все не документированно. Не исключено, что есть его потомки, которые могут быть нашими родственниками по деду Емельяну, то есть в третьем и четвертом коленах. Жили они в момент этих событий в Армавире.

У бабушки было два брата и две сестры. Но сведений о них почти нет. Вероятнее всего, они воевали против красных, и всю жизнь бабушка боялась, что об этом узнают. Во всяком случае, она ничего о них не рассказывала, говоря, что ничего не знает. Известно только, что в станице Николаевской Успенского района Краснодарского края до середины 1960-х годов была жива ее сестра Полина с сыном, племянником бабушки, Николаем по фамилии Ерин. Там же жила и Настя, племянница бабушки от другой сестры, Моти.

Был еще и племянник Илья Севастьянов, живший в Сочи. У нас есть старинная фотография, где изображен его отец – старший Севастьянов. Илья был сыном этого человека, то есть сыном одного из братьев бабушки. Имени, к сожалению, мы не запомнили. Он разыскал бабушку в 1963 г. и приезжал к нам в Нальчик. Потом ничего о нем не слышал.

До сей поры где-то в Ставрополе должен жить Иван Иванович Вишневецкий (на два или три года старше меня), сын Насти от ее брака с Иваном Филипповичем Вишневецким. Наш троюродный брат. Его старшая сестра Галина умерла молодой, оставив двух детей.

Полина Емельяновна Горячева-Коренева после медучилища стала военной медсестрой. Прошла до Берлина и потом по Маньчжурии (Китай) в частях маршала Р. Я. Малиновского. Дослужилась до звания капитана медицинской службы. В годы войны вышла замуж за майора Гавриила Александровича Коренева. У нее было трое детей – сын Эдуард, кажется, от первого брака, по обыкновению того времени незарегистрированного, и дочери-близнецы (1946 г.р., 3 февраля) Нелли и Лора Гавриилловны (Лоресса). Лора

училась в вузе, была замужем дважды, разведена, живет в Санкт-Петербурге, оставила себе фамилию второго мужа, стала Шибановой. Химик (институт закончила), имеет десяток авторских свидетельств.

Нелли была замужем, развелась, у нее сын Игорь (приблизительно 1972 г. р.). Высшее образование, живет в г. Таганроге.

Эдуард Гаврилович Коренев (1940, 15 августа) женат, капитан второго ранга, имеет дочь Оксану (она – юрист, замужем приблизительно с 1992 г.). Живут в г. Калининграде (бывшем Кенигсберге). С ним связано то необычное обстоятельство, что он воспитывался в нашей семье больше, чем в своей. Детство его пало на начало войны, а тетя Полина была военным врачом и кочевала по фронтам. Поэтому (точнее, и поэтому тоже) Эдик жил с нашей бабушкой Феней (Феодосией) и ее младшей дочерью Марией, нашей мамой, которая в ту пору была еще незамужем. Они проделали сложный путь: эвакуация в Сталинобадский район Таджикистана (г. Шартуз), затем вслед за теткой, которую перевели служить на Дальний Восток, и они перебрались туда (кажется, в Благовещенск или Миллерово?) и только потом вернулись в Нальчик. Эдик лицом походил на Полину, свою мать, а значит, и на нашу мать тоже. Оттого иные поговаривали, что он был сыном нашей матери.

Когда наша мама вышла замуж, Эдик стал жить со своей матерью и семьей в Таганроге. Но в конце 1950-х – начале 1960-х был еще один период, когда он снова жил с нами, так как его мать таким образом пыталась уберечь его от влияния дурных компаний, с которыми он связался в Таганроге, где после окончания Второй мировой войны осела семья Кореневых. Окончил Каспийское высшее военно-морское училище в Баку (Азербайджан).

Второй брак

После смерти мамы отец женился второй раз – снова на русской – Лине (Капитолине) Михайловне Агаповой, бывшей его коллегой на двенадцать лет (1.10.1939). Мать ее Елена Ивановна Шишкина (1908 г.р.) была русской, казачкой. Отец Михаил Андреевич Агапов (1903 г.р.), предположительно, как ни странно, греческого

происхождения, был иногородним. Его отец, как полагают, был грек, родители которого, как и наши предки по отцу, пришли в Россию из Турции. В Первую мировую войну Михаил Андреевич и был летчиком и летал на аэроплане. Раненный, попал в госпиталь в городок Кавказские Минеральные Воды, где его с трудом «отходили», и вскоре он женился. Любовь к технике перешла к внуку (племяннику Лины и сыну старшей дочки). М. А. Агапов был первым человеком из своей станицы в Карачаевском округе, освоившим езду на тракторе.

Сама Лина училась в городе Гжели и стала художницей по керамике. В Нальчик попала в 1962 г. по распределению. За отца вышла вторым браком. Л. М. Богатурова отличалась, по мнению папы, умом и женской красотой. До октября 2016 г. работала в Кабардино-Балкарском институте управления (филиал ростовского вуза!).

Близким человеком нашей семьи была Диана (1937 г. р., по документам ее умершей в младенчестве сестреники, а на самом деле 1939 г. р.). Ее фактически зовут Алики Георгиевна Богатурова, но известна она под именем Дианы. Она происходит от потомков одного из двух *родных* братьев пращура Константина, который первым пришел в Цихис-Джвари. То есть ее отец и наш дед – родственники приблизительно в четвертом колене, а наш отец и сама Диана-Алики – в пятом. В Нальчик переехала в 1950-х годах – училась на биофаке КБГУ, потом была аспирантура (без защиты). Детали знаю в пересказе Виктории Богатуровой, она рассказала о своей двоюродной бабушке, которая ездила в Грецию.

У Дианы было двое детей: дочь Виктория (1962 г. р.) и сын Андрей (1967–2012 гг., от брака с кем-то из городских пожарников по фамилии Петренко). Умер сын нестарым человеком под Адлером в 2012 г. Вика (Виктория Лазаревна) в конце 1980-х переехала в Адлер и там вышла замуж за полугрека-полуармянина Николая Аврамовича Яниева. От их брака родились два сына – Панайот и Георгий (ему в 2016 г. 13 лет)¹¹.

Под Адлером–Сочи живет, оказывается, масса родственных нам людей¹¹. С «нашими» они знают плоховато, общаясь больше между собой. Вероятно, они потомки того пращура Григория.

¹¹ По рассказам Виктории Лазаревны Богатуровой.

Общаться их побуждала тетушка Дианы (она же двоюродная бабушка Вики) Мария Демьяновна Багатурова (1912–1994). Близкие люди называли ее *Сали* (Thaly, означает «морская»). Сама Мария уехала из Грузии в довоенные годы, пойдя учиться в грекоязычном техникуме в Краснодаре. После него она была направлена на работу в район Адлера (п. г. т. Красная Поляна), где сблизилась с теми Багатуровыми, которые ей приходились дальними-предальними родственниками через пращура Григория. Она преподавала сначала греческий язык, а потом русский. Ею была составлена история «той» ветви родственников («Багатуровы в Новороссии»), которая и сегодня в каком-то виде существует.

Диана в 2000-х годах, казалось бы, переехала в Грецию, хотя сохранила квартиру в Нальчике. Там она работала, с энтузиазмом изучая литературный язык и обычаи новой родины. Но осенью 2016 г. вернулась обратно и занялась обменом своей квартиры в Нальчике, желая переехать поближе к дочери в Сочи или в Адлер¹².

* * *

Говорят, нормальный человек должен знать по именам не менее шести поколений своих предков. Мы можем назвать только пять, да и то – лишь по отцовской линии, благодаря его памяти. Следующее поколение, по идее, должно быть «нормальным»¹³. Такова ветвь, собранная, так сказать, исторически. Конечно, отдельные ветви в памяти бледнеют и не удерживают определенного количества насыщенных материалом фактов. Это как вопрос исторического времени, так и разрешительного или запретительного отношения к нему. Теперь наконец перейду к восстановлению событий, сохранных собственной памятью.

¹² См. также «Историю рода Зурелиди», написанную дальней родственницей Афиной Николаевной Зурелиди-Шараповой // <http://files.mail.ru/B8A1B9E706284BCF87E9562089BFC2EB>

¹³ Записки составлены в 1994 г. на основании информации отца Д. А. Богатурова и воспоминаний о рассказах бабушки Ф. И. Горячевой. В 2016 г. стали детальными после сообщений В. Л. Богатуровой, М. Ф. Багатурова и М. Н. Зурелиди-Черных – дальних родственников. Потом случайно к работе подключился троюродный родственник К. В. Иванов из Греции. Всем моя благодарность.

Глава 2.

НОСТАЛЬГИЯ О «СОВЕТСКОМ» НАЛЬЧИКЕ (1960–1976)

Улица Пушкина, номер 73 г. Нальчика, квартира, кажется, пятая – это и есть родина, потому что я родился *дома*. Две смежные комнаты и вход через маленькую застекленную веранду – теперь этого здания нет (лет 15 прошло с тех пор, как его сломали в конце прошлого века). На этом месте стоит новое многоэтажное здание – в нем теперь живет много людей. Не помню точно, но знаю, под одним номером нашего дома было таких жилищ штук восемь–девять, наверное. Жителей насчитывалось примерно человек тридцать пять. Дома были одноэтажные, только один из них был построен прилично, достойно стоял на углу, выделялся этим из общей застройки – фундамент, вероятно, был заложен основательно.

Надо ли говорить, что номер «дома» был общим, а здания тянулись от него вереницей – две–три квартиры сходились в одном домике с разными номерами. Их было, начиная с главного, пять или шесть. Все носили один номер. Были построены почти в единый ряд, «лицом» на улицу, а выходом – во двор, за исключением того места, где был кран – там был высокий забор, из-под которого вода выливалась на улицу. Напротив дома № 73, вернее, наискосок от него, был в угловом доме на перекрестке Детский сад, кажется, № 2, в который я некоторое время ходил.

Дом простоял, по-моему, до конца XX века, потом началось на этом месте строительство нового здания и старое снесли. Примерно тогда был суровый год смерти моего отца (1998 г.) или прошло на один–два года больше, не помню точно. В последний раз из многих наезжал в Нальчик в 2010 г.

Центр «провинциальной столицы»

Когда-то это был центр города, двор лежал неподалеку от пересечения улиц Шоты Ногмова (ул. Почтовая), соединявшей центр

поселка Затишье с Кабардинской, бывшей тогда центральной улицей города. Ровной, эдакой *престижной* улицей. На перекрестке улицы Ногмова с Кабардинской стоял старинный Дом государственной филармонии Кабардино-Балкарского республиканского госконцерта (ул. Ногмова, 35), не знаю, какова сейчас судьба этого здания. Проходил мимо него почти каждый день по пути в школу. Если пройти еще три квартала, то дорога упиралась в крутой обрыв – улицы кончались, а в глубине оврага, вдали, текла горная река Нальчик. Теперь тупика не стало, вход в овраг расширили, низ обустроили, и там, у школы, появилось новое здание, преемник старого, двухэтажного, которое осталось стоять наверху. Любопытно, как все сегодня выглядит?

На угол улиц Пушкина и Почтовой выходил «главный базар» города, занимавший площадь нынешней гостиницы «Россия» и Радиокomiteта, позже рынок закрыли и перевели его в нынешний Центральный рынок (ул. Толстого). Года через три мы переехали (1957 г.) в новый дом на ул. Первомайской (ул. Ахохова), д. 127, чуть дальше, где она пересекается с ул. Бетала Пачева, на которую выходил окнами рынок со своей правой стороны. Здесь прожил основную часть жизни в Нальчике, окруженный цветами, деревьями, заботой родичей и соседей – их, можно сказать, было три семьи. Общались несколько «раздельно» с друзьями и соседями по «нашему», а также «основному» дому.

Дело в том, что «наше» крыло оказалось разбомбленным во время войны (Нальчик был зоной временно оккупированной), и его взялась восстанавливать со всеми удобствами автоколонна № 1437, где работал папа. Работа была закончена – на первом этаже расположились офисы Автотранспортного управления республики КБ АССР, а на втором этаже квартиры отдали под жилой фонд. Удобства старого, «основного» корпуса сделали только к 1980-м годам и частично расселили его обитателей в новые дома («основной» был ими переполнен!).

Нас со старшим братом бабушка любила и много отдала нам времени. Была грамотна, но школу закончила только 4-х классную, сельскую. Она пользовалась довольно странным, высоким авторитетом, люди прислушивались к ее мнениям. У Мити подозревала болезнь легких, и когда заболевание подтвердилось,

стала возить его на речку и подолгу держала над водой, с тем чтобы Митя дышал речной влажностью – так она его укрепляла. Но этого не помню по причине малолетства, знаю только по Митиным рассказам.

О знакомстве с матерью и отцом вспоминал кабардинский гуманитарный деятель Константин Касимович Эфендиев, в середине 1960–1970-х годов министр культуры Кабардино-Балкарии. Он отметил в мемуарах, что помнит «Марию Емельяновну Горячеву, отличавшейся высокой интеллигентностью», и дальше пишет о ней: «...вышла замуж за Диму Богатурова»¹. Видел много хорошего в этой дружбе и браке. Время эпизода примерно рубеж 1940–1950 гг. К сожалению, больше Эфендиев ничего о родителях не пишет, но и то хорошо!

Митя Богатуров после окончания КБГУ начинал работу в системе городского объединения таксомоторного обслуживания и там работал, пока ему не исполнилось 30 лет.

К тому времени стал поддаваться «детской тоске о несбывшемся». Хотел ходить по морям, как это делал двоюродный брат Э.Г. Корнев. Довольно много времени в молодости он провел в нашей семье в силу сложностей характера своей матери. После долгой и сложной подготовки в Нальчике, в которой я принимал деятельное участие, Митя поехал в Калининград, где к тому времени прочно обосновался Эдик. Второй раз в жизни брат «с нуля начинал делать карьеру».

Соседи и друзья

Из близких людей скажу о двух маминых подругах – Надежде Михайловне Медведевой (28 августа 1922 г. р.) и Наталье Александровне Ивановой (Ковалевской, 6 февраля 1926 – 2 августа 2009). Одна из них жила в «главном доме» ул. Пушкина, № 73 (в просторечье назывался «дом Медведева», кстати), большом, расстроенном строении; другая – у края города на углу двух улиц Свободы

¹ Эфендиев К.К. Годы, события, люди. Том 1. – Нальчик: Издательство М. и К. Котляровых, 2010. С. 84.

и Революционной – меньше одного квартала до моей школы № 3, куда я ходил с четвертого класса, ул. Революционная, 27.

Два квартала пешком от места на ул. Кабардинской, на котором когда-то стояла большая городская церковь, разрушенная в эпоху революции. При мне ни о чем таком не говорили – узнал о ее старом месте только по разговору взрослых, поднабравшись лет (мне было 40 примерно) и опыта. В 1960-е годы здесь был пустырь – на Кабардинскую выходил фасадом старинный (так мне тогда казалось) кинотеатр «Победа», два зала, а во дворе не было ничего (ул. Свободы) – просто «пустая площадь». Видимо, церковь занимала целый квартал между двумя улицами – судить о ней могу только по фотографиям.

Первая из подруг мамы была врачом, а вторая – учителем литературы. Обе они жили с мужьями, и было у них по двое детей, из которых старшими были оба парня, а младшими – обе девочки. У первой муж был партийно-государственным деятелем, председателем исполкома Майского района Кабардино-Балкарии (до пенсии), а второй – преподавателем в КБГУ, биологом, он стал кандидатом биологических наук, деканом университета. Первый был значительно старше второго. С «третьим мужем», моим папой, он сдружился, к ним в компанию легко вошел и второй. Первого звали Дмитрий Васильевич Медведев (28 ноября 1897 – 27 февраля 1985), а второго – Виктор Григорьевич Иванов (30 мая 1921 – 4 февраля 1999), был он потомственный казак, уроженец города Нальчика.

Но сначала о ближайшей школе № 4, располагавшаяся в начале проспекта Ленина, на стыке двух дорог – у городского вокзала и центрального автовокзала, который был перенесен в 1979 г. из центра подальше к краю, к объездным улицам. Неподалеку от вокзальной площади сейчас расположена главная мечеть города. Прежде в ней, до перестройки, был кинотеатр «Ударник», потом «Юность». Туда отправлялись всем классом в кино.

В школу ходил первые три года, а потом перешел (потеряв два года немецкой языковой подготовки!) в английскую спецшколу № 3. Но в школе № 4 познакомился с четырьмя учениками, с которыми общался много лет спустя, – это были Александр Щегловитов (мастер спорта по плаванию на момент окончания школы), Нина Реутова, Оля Карасик (недолго ходила в школу № 4 и пере-

шла в ту же школу, что и я) и Алла Бондаренко (стала доктором филологических наук, профессором в МГУ).

Кроме них, была, конечно, масса других людей. Ходил в 1-а, а школу посещали по крайней мере человек пятнадцать из знакомых. Валентин Сивачев, Владимир Жириновский (оба из моего дома), Александр Юрковский, Сергей Назаров, Сергей Цукер (перешел в школу №3, но через год уехал совсем в г. Пятигорск), Мухаммед Газов, Виктор Самедов (уехал с третьего класса в г. Ростов-на-Дону), Алла Осецкая (ушла в школу №2), Оксана Денисенко (художница), Ирина Семенова, Елена Плохих, Юра Хорунжий (ушел школу №1). Мама работала тогда завучем в этой школе, а брат мой учился в ней же, но, естественно, на два года старше.

О девочке Нине Реутовой воспоминание особенно ярко, потому что в тот период она написала мне записку, в которой «призналась в любви». Конечно, записки у маленьких людей вообще ничего не стоят! Было нам восемь или девять лет, точно не помню. В глазах запечатлен в школе новогодний утренник – второй класс, вероятно. Реутова была одета в костюм балерины, а я был с бабушкой. Был потрясен ее красотой, а бабушка недовольна – «вырядилась, и туфли балетные» – грязные, ее мать их мелом в классе подкрашивала, отмечала она, чтобы не было заметно. Кажется, спустя годы, шел в школу №3 раньше, чем она.

Подруг мамы помню достаточно четко, наверно, от страха, который внушала их работа. По детству помню, как играл с Таней Медведевой (30 января 1952 г. р., старше меня на два года) и «воспитывал» Олю Иванову (6 декабря 1956 г. р.), уж слишком она казалась маленькой.

Потом наступил четвертый класс, и мама вдруг заговорила со мной о возможности перехода школу №3 – что было на моем третьем году изучения немецкого языка. В голове все перевернулось – а как же немецкий? Второй год иностранного языка! Немецкая учительница – Ирма Давыдовна Шнейдер, и кажется, был второй год обучения (второй–третий класс), колоритная, разумная была женщина, но, увы, сильно близорукая. Говорили, будто была *настоящей* немкой. Не забывал до самой ее смерти 4 сентября 1986 года.

Прохождение азов

В общем, не долго мучился и согласился с предложением мамы. В школе №3 все началось с английской учительницы Надежды Петровны Гиниятуллиной, она была замужем за башкиром и имела от него трех детей – два сына и девочку. Она взялась за меня и за полгода научила так, что я стал, в принципе, наравне с остальными. Так пошел английский, но сильной моей стороной он не был. Произношение – так себе, грамматика – другое дело, там все понимал, но говорил плохо, стеснялся, наверное! В общем, «книжный» был язык. Потом – года через три – мама снова отвела меня к уже знакомой немке Шнейдер и оставила с ней заниматься. Вот такая, весьма своеобразная языковая подготовка. Два языка – английский и немецкий. Кошмар какой-то.

В школе №3 были товарищи – Валера Тарасов (умер, едва ему исполнилось 50), Валера Костюк (после 8 класса ушел в школу №1), Григорий Данилович Гольдберг, Руслан Чундоков (до 8 класса), Саша Прозоровский (умер в районе 50), Владимир Рыбин (фамилия у него потом стала Алиев), из девочек Наташа Кузина и Ирина Рыжова. Две девочки – Галина Мотлох и Таня Руденко. Появилась Ольга Карасик и Римма Дзуганова – с ней вместе сидел в 4–5 классах. Потом в девятом классе к нам добавилась Реутова – слились вместе восьмые «а» и «б». Были еще две «дамы» – Татьяна Писарева и Елена Петренко.

Скажу о соседях – семья балкарская, отец Локман, мать Нафюсат и три дочери – Люба, Лида и Люда. Из них сблизился со средней девочкой Лидией Локмановной Жабеловой (2 мая 1952 г. р.). Она была на два года (1952 г. р.) старше меня и ходила в школу №4. При мне поступала в университет – неудачно, два года размышляла, потом поступила на заочное отделение по русской литературе в КБГУ. Потом начала делать карьеру в комсомольских органах, советской власти и библиотеке юношества. Однажды была замужем, родила дочь Лейлу Тапасханову. Ее бывший муж Валерий стал потом видным деятелем, членом-корреспондентом РАН, директором Высокогорного института КБР. Пробыла замужем за ним около трех лет и больше замуж не выходила, как я

знаю. Дочка ее потом после КБГУ перебралась в Москву и вышла замуж за русского, имела от этого брака двоих сыновей.

Конечно, помню Ларису Александровну Ляликову (Афанасьева по мужу), жила в Больничном переулке и ходила в нашу школу (12 апреля 1958 г. р.). Учительница истории Людмила Николаевна Борисенко рекомендовала встретиться с нею (заканчивал, кажется, институт). Встретились специально, она намеревалась поступать в МГИМО – Московский государственный институт международных отношений – о чем-то спрашивала. После того – наверное, через полтора или два года – встречались, не знаю, сколько раз, может быть, один–два раза в год в Москве (поступила в МГИМО). Книжки почитывала мои, а я – ее.

Она была девочкой довольно умной. Защитила кандидатскую диссертацию по международному праву в Институте государства и права РАН. Молодость у нее прошла в США, а теперь живет в России. У нее родилась после замужества дочка Катя (родилась в США), выросла «на бóльшую половину» американкой, окончила бакалавриат по английской литературе, кажется, в Вильямсбурге (США) и магистратуру в Вашингтоне и Великобритании по истории искусств. Лариса с мужем живет в Москве, а Катя – в Нью-Йорке.

Отдельно вспоминаю спортивную плавательную школу – бассейн в Долинске (место по бывшему названию хутора), первенствовал там тренер Виктор Иосифович Семашко. Этого человека нельзя забыть – нельзя не вспомнить без благодарности. Он умер в 2009 году, кажется. Славный и смелый был человек. Ко мне относился «с пониманием положения моей мамы». К этому времени относятся годы примерно с шестого по десятый класс. Жаль, что его нет.

«Школа мамы»

Мария Емельяновна Горячева была передовой во всех смыслах, только теперь понимаю. Дело было не в том, что она пробилась из простой школы в НИИ (1962–1965 гг.), а далее в министерство просвещения (1965–1975 гг.) и комитет профсоюзов работников про-

свещения (1975–1979 гг.)². Не говорю о работе в школах в «эмиграции» на время оккупации Нальчика и позже на Дальнем Востоке. Она и ее сестра об этом говорили довольно мало.

Мама ногами, руками, сердцем чувствовала, понимала, когда шла по городу, что «что-то в нем не так». Каким-то своим умом постигала, когда писала и говорила, что дело стоит не совсем на том уровне, на каком было нужно. Не знала, в какую сторону идти. Опытом, через ошибки и благодарности в многонациональном коллективе (кабардинцы, балкарцы, русские, горские еврейтаты – тогда еще не уехавшие в Израиль), не сбиваясь с курса, нащупывала путь. Подтянуть, помочь, исправить и выйти на нужный результат. Интуиция – гениальный, но только один раз улыбнувшийся путь открытий. Она медленно и упорно, но шла этим путем. Вспоминаю ее с тоской и печалью. Лучезарная, красивая – когда она хотела быть такой, или упрямая, несогласная, гордая – в таком состоянии лучше к ней было не подходить. Много бы сделал, но понимаю невозможность вернуть. Ночами снилась года три подряд. Мальчишеская любовь или привязанность? Спасибо, мама, за сделанное.

Пожалуй, я на этом пути был скорее для нее удивлением, но приятным. Со мной она тоже не понимала, что можно еще сделать. Но опыт, разговоры с людьми – разными по возрасту и жизненным карьерам – подводили ее к верному, но «шаткому методу проб и ошибок» или приближения к решению всех проблем.

Был один элемент актива – Василий Кузьмич Погребняк, в 1957 г. первый секретарь Нальчикского горкома партии³ – человек, который ее знал, и даже заходили они с женой к нам домой в начале 1960-х годов. Жену его звали Надежда Емельяновна, что вызывало ассоциации с отчеством мамы и давало почву для разного рода слухов, но это отчество не имело под собой ничего, кроме совпадения.

Был ли он тем человеком, который содействовал карьере Горячевой? Не знаю. Но он был умным, вероятно, деятелем. Была

² Мария Емельяновна Горячева. [Некролог] // «Кабардино-Балкарская правда», 19 июня 1979. С. 4.

³ Эфендиев К.К. Указ. соч. С. 176.

какая-то связь между ним и Тимборой Кубатиевичем Мальбаховым (первым секретарем КБ обкома КПСС в конце 1950-х – начале 1970-х гг.)? Вероятно, был тот случай, когда что-то сработало. Во всяком случае, известно, что Т.К. Мальбахов не дал «пустить в ход» дело об отце Горячевой, который был арестован и расстрелян по «делу о кубанском саботаже» (1928 г.), и «принял по ней решение» – она прошла утверждение обкома. Сказать что-то более определенное не могу.

Женщиной, которая в эту пору могла поддержать кандидатуру мамы, возможно, была Ольга Ильинична Колумбет (24 декабря 1910 – 29 ноября 1993), заместитель министра просвещения республики непосредственно до мамы. Была ли Горячева избрана в качестве ее преемницы самой Колумбет или она была рекомендована кем-то еще, я не знаю. Знаю только, что в министерстве была какая-то неприятность при прежнем втором человеке – и это все, что могу вспомнить.

Они больше общались с Н.М. Медведевой – познакомились они в г. Майском, через своих мужей. С моими родителями Колумбет хорошо общались, как делал и муж ее Василий Иосифович Воробьев (12 января 1908 – 14 мая 1974). Он был первым секретарем Майского РК КПСС, а с ним и его женой жила его племянница, а также ее семья.

Отец мой Богатуров был умеренно горяч, находчив, умом не обижен, но никогда никому не говорил, в каком именно направлении «надо путь так держать». Давал другим поразмыслить, а потом сам разом «резал правду-матку», да так, что и ответить нечего. Он был мужчина, и этим сказано все. Улыбался до самого конца жизни, хотя в последние годы это было сложно – очень много было проблем, в основном у Мити – жизнь на новом месте в большом городе. Долго работал (до 72 лет) и оставался все это время живым, но стал более задумчивым⁴. Со мной оставался мягким, интересующимся, спрашивающим. Всегда был готов помочь советом – в служебных делах, как ни странно. Брат Митя сказал о нем – «теплый и все понимающий».

⁴ С ним всегда было легко... [Д.А. Богатуров] // «Газета Юга», 28 апреля 2016. С. 9.

Медведева и Иванова

О «тетях», без которых не было бы ощущения детства. Робость перед «тетей Надей» растворялось всякий раз, когда речь с ней доходила до договоренностей. Во всех иных случаях она просто не шла на компромиссы. Не знаю, с чего она начинала – помню только ее за столом в медкабинете и где-то на выезде (много разрушенных бомбежкой зданий во время войны по пути к ней) – наверное, в районе городской или еще тогда республиканской больницы. Вторая половина 1950-х годов, может быть, 1959 год, Митя готовился в школу, и его усиленно проверяли врачи после болезни, а заодно и меня.

Потом четко помню – местечко Затишье, республиканская больница, 1960-е – начало 1980-х годов. Сохранилось в памяти. Первый замглавврача – начальник, все боится, не подойдешь. Был у нее сотни раз – глаза, сердце (спортивное), хирург, зубы, стопа. И все к ней, на все – аргументированный ответ. Странно, она *не* была членом партии! Вся оставшаяся жизнь Надежды Михайловны – это ее кабинет. Деловая женщина, четко мыслящая, умная, добивающаяся результатов. У Н.М. Медведевой почетное звание – Заслуженный врач Кабардино-Балкарской Республики.

На работе и дома – она всегда врач, ее дочка, в молодые годы проболевшая и пролежавшая дома или в больнице, осенние месяцы проводила в детском санатории «Артек» (Крым). Она всегда над ней – лечит, колет, добивается и иногда – по словам моей мамы – просто плачет. Плачущей ее не видел, только когда сдерживалась, губы были очень плотно сжаты.

Лицо скорбное, словно сейчас заплачет, но понимает – смерть пришла. И глаза – как будто выжали из них что-то, сухие, словно воду осушили, судорожно сжатые. Момент ухода моей мамы, 18 июня 1979 года. Похороны – в центре, в Доме союзов на площади у музыкального театра. Траурная процессия, выезд по улице Горького, потом на Советскую улицу и направо до кладбища, а уж там – налево на «участок партактива».

Таня Медведева – неразрывно, навсегда прочно связана со своей матерью, только она стала детским хирургом после окончания

Курского государственного медицинского института. Мы дружили с ней, но она, конечно, была старше и у нее были другие проблемы – время было выходить замуж.

«Тетя Наташа» Иванова (Ковалевская) – другое дело, светлая, радостная, улыбающаяся. Запомнил такой – она сидит на стуле, ты – на диване, на фоне портрета ее бабушки во всю стену. Она была с детства откуда-то из «света», но подробнее не могу сказать. Помню ее на майской демонстрации – года два мне было, потом – в их доме на ул. Свободы, потом на проспекте Ленина. Полная огня, готовая поделиться всем, живущая в хитросплетениях интриг и в курсе всех реальных дел. Плохо, но говорила по-английски и немного по-немецки.

Последняя встреча с ней и с Надеждой в отцовском доме в 1989 г. – постаревшая, седая, но еще внутри сообразительная, полная романтизма. Часто вспоминаю ее женскую ласковость – во время поездки ее класса (и я вместе в ними) в Ленинград (Санкт-Петербург) и первой *настоящий* балет – «Щелкунчик» (мне 12 лет), потом ее попытки вникнуть в мои институтские дела и просто слова о любви к мужчине. Романтическая, эмоциональная, очень неглупая «классическая» женщина.

Ольга Викторовна Иванова-Юринова – ее дочка, но, по видимому, «не та» в смысле эмоциональности. Она, как видно, пошла в отца практицизмом и здравым смыслом. Во время своей учебы в «Герценке» (ленинградский Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена) познакомилась там (где – не знаю) с коренным ленинградцем Аликом (Олегом) Юриновым и вышла за него замуж. Двое детей, дочь и сын – Наташа и Павлик.

Таня Медведева после Курска возвратилась в Нальчик и после небольшой заминки (может года два) устроилась работать хирургом в Детской больнице, где был хирургический отдел. Это было и сейчас есть – «на выселках», в Дубках, за рекой. Удивительная женщина – маленькая, хрупкая, обо всех заботится, голова полна всяких идей, всюду поспевает и никогда не болеет!

Муж ее Игорь Львович Корольков (19 августа 1952 г. р.), с ним они учились в одном классе (они учились вместе с Митей). Он также пошел в медицину (рентгенолог), они жили у Медведевой, в их уже большой трехкомнатной квартире в начале улицы Меч-

никова – минуты три хода от отцовой на ул. Ахохова. Он как-то раз, будучи молодым, приезжал ко мне в Москву во время одномесячной переквалификации врачей в начале 1980-х гг., встретились прямо у станции метро «Варшавская». Вел себя самостоятельно, отмечая мои и собственные особенности. Читал он и книги, стоящие в шкафах моей домашней библиотеки – об истории древней Италии и Франции, написанных разными русско-европейскими писателями.

Во время последней встречи в Москве с Таней передал Игорю на память как раз одну из таких книг. «Подарил» им красный стакан из Петергофа («передаренный» от какой-то живущей там женщины маме их Надежде Михайловне и отданный ею мне) и красный же, но чуть-чуть другого оттенка, хрустальный из Лейпцига, вывезенный мной из США. У меня они стояли в 2004–2016 гг., и только летом последнего года последовало изменение.

Почти каждый раз во время последующих наездов в Нальчик после 1979 г. к ним заходил. Втроем долго разговаривали о том, как обстоят дела и куда двигаться. Они работали вместе, но в разных направлениях. От них была поддержка во время маминой болезни.

У них родилось трое сыновей – Игорь, Максим и Андрей. Последний отличался умом и своей эрудицией. Двое окончили КБГУ, а Андрей – МГУ, физический факультет. Знаю, что в 2015 г. он закончил аспирантуру МГУ и защитил кандидатскую диссертацию на тему атомных АЭС.

В 2016 г. родились дети (девочка и сын) у Игоря-младшего – он к тому времени давно женился. Квартиры он обменивал – одну в пригороде, вторая в Москве, на Красной Пресне. В Москву он попал через аспирантуру Института США и Канады РАН, где я был тогда его научным руководителем – ничем его защита не кончилась. А началось это в 2000 г., когда я был замдиректора того института.

Максим женился, несмотря на свою хроническую болезнь – нарушение обмена лимфы. Он прожил женатым лет пять, а потом разошелся. Детей у него нет, и живет он вместе с бабушкой. Активно работает после своего университета – что-то по компьютерам, кажется.

Фактор города

Учился в школе №3, где мало было чего-то особенно интересного. Классный руководитель была та же Н. П. Гиниятуллина. Неглупая, принимала происходящее близко к сердцу, эмоционально и восторженно. Учил, зубрил, что-то фантазировал – ничего не получалось, возвращался к пройденному. Язык оставался скованным – русский, немецкий и английский, не мог толком говорить, то есть болтал, но не говорил свободно. «Олимпиады» школьников не помогали.

Запомнилась литературовед Нина Федоровна Самохвалова, была по-своему колоритной фигурой. Узнал случайно – вела литературу в 6Б, а не у нас. Занятие произвело на меня впечатление, и ждал – не дождался, как она нас заберет к себе у Риммы Ослановны Бичевой (завуч и в отдаленном будущем директор). Мы ей достались в восьмом классе и дальше были у нее до конца. Разработала свою методику и по ней давала русскую литературу, замечательно, между прочим. Были особенности – любила поприжать на оценках. Но что делать? У нее был сын, но он умер – не знаю, от чего. Потом однажды написала мне письмо, был я тогда проректором в МГИМО (2008 г.). Так, просто, поделилась думами. Ей ответил.

Девочки в школе были – Наташа Кузина была первой в таком жанре, потом все снигло, и я не искал ее. Она, как знаю, со второго курса перевелась в Москву, Московский государственный инженерно-строительный институт (от метро «Красные ворота» на троллейбусе, остановки три–четыре). Отца перевели в Москву, был в Нальчике важный сотрудник сельского хозяйства, кандидат наук в 1970-х годах.

С Ирой Рыжовой тоже была дружба, правда, с ее стороны был интерес, с моей – одна дружба. Она училась в Северо-Осетинском государственном университете, на медфаке. Потом, насколько знаю, приехала и устроилась работать в Нальчике. Родились две дочери, и каждая родила по внуку.

Про Олю Карасик знаю, что она была замужем и родила одну дочку. В 1990-х годах перебралась в Австралию. О Грише Гольд-

берге – не знаю ничего, помню только, что в Нальчике он не живет, куда-то уехал, в США что ли?

Нина Васильевна Реутова (30 мая 1954 г.р.) закончила КБГУ, защитила кандидатскую, потом докторскую диссертацию, что-то по биологии или ботанике. Хоть одна у нас докторша, слава богу! Та самая, из школы №4. Жили они (еще старшая сестра и мама) на Республиканской улице (проспект Шогенцукова) и переехали после школы в новый дом там же, ближе к перекрестку с улицей Толстого. Работала в школе, потом в техникуме. По-моему, немного замкнутая и умненькая, больше обычно молчала, как оно и сейчас продолжается. Убивала наповал ее энергия, память, способность пересказывать учебник близко к тексту – талант, которого я лишен. Из нас троих она получила *настоящую* золотую медаль, две другие – Таня Руденко – отличница, и самый хилый по математике – я.

После техникума, где она работала, перешла в Высокогорный геофизический институт в Нальчике. Ее туда позвала дама-председатель ГАК во времена окончания университета с обещанием дать направление в аспирантуру. Три года были проведены в Институте общей генетики им. Н. И. Вавилова в Москве, и после аспирантуры она успешно защитилась.

Собрался материал на докторскую, договорились о процедуре в МГУ. Из университета перешла на работу в Высокогорный институт, который, однако, дал ей направление на защиту. В 2008 г. в МГУ защитила докторскую и с тех пор продолжает работать в КБНЦ РАН. У Нины дочка есть, Полина, 14 лет, наверное (2016 г.). Получает хореографическое образование.

Галя Мотлох (племянница нашей математички Александры Митрофановны Волковой) – учительница математики в Москве, еще работает. У нее трое сыновей. Таня Руденко – учительница английского, но уже на пенсии (не понял, какой институт она закончила). У нее дочка. Новости знаю по рассказам Нины.

Н. П. Гиниятуллина умерла примерно осенью 2002 г. Мне передали о том, что в ИСК РАН звонили ее родственники (уже там не работал). Было поздно, когда узнал. Родная, можно сказать, кровь, своя, не чужая. Когда оказался в курсе, решил послать бывшим детям денег, как бы на похороны, предварительно выяснив кому

посылать и почтовый адрес по телефону. Так и сделал. Но было, конечно, поздно.

Общался с тремя ребятами из школы №4 – Сергей Петрович Алехин (убит в пьяной драке в Нарткале в 1980-х годах), Андрей Андреевич Руденко и Олег Дмитриевич Ефимов (14 сентября 1958 г. р.). Они были младше меня на четыре года, и все собирались получить дипломы о высшем образовании. Сергей выбрал военное училище в Орджоникидзе (Владикавказ) и попал в него сразу после школы. После училища распределился на Дальний Восток. Женился, родился один сын. Отец его поменялся на Нарткалу, и когда сын приезжал, ехать надо было туда. Там и возникла драматическая ситуация, обстоятельств драки не знаю. Но Сергей погиб.

Андрей нацелился на юридический вуз, но «пролетел» в первый раз, затем отслужил в армии и снова поступал туда же. С успехом стал студентом и спустя шесть лет похвастался дипломом (какой-то вуз г. Саратова, по диплому – юрист). По распределению поехал работать в Калугу вместе с женой и единственным сыном. В последние годы работал в разных городах, мне звонил из Астрахани в середине 2000-х годов. Как-то мне говорили, что он работает в вузе (г. Калуга) и вроде кандидатскую диссертацию защитил, но этих сведений не проверял.

Олег поступал где-то под Ростовом (Новочеркасск?) и успешно, но через год перевелся в КБГУ на факультет строительства. После института пошел работать в комсомольскую организацию туризма. Потом повысился – до уровня выборных комсомольских секретарей района. Потом время подошло, и надо было решать, куда идти. Ему было в районе 30, он, подумав, выбрал полицейские войска. Олег – парень видный, высокого роста, плечи широкие, светлые волосы – хоть куда. Женился, двое детей – оба сына. Иногда с ним общались – когда я приезжал или он был в Москве.

Улицы Нальчика были «советскими», не местного колорита, а именно советскими, везде проявления соответствия коммунизму, социализму, партии. Довольно скверно, надо сказать. Сейчас, когда роешься в тогдашних названиях, сплошь и рядом налетаешь на эти старые советские. На такой улице я жил, ходил в школу по площадям и скверам с аналогичными названиями, воспоминания в молодости то же самое – центр культуры «Восток» или «По-

беда», главная улица – Ленина, Дом советов, Парк культуры и отдыха. На этом фоне безвременно и мирно звучат старые названия с именами Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова, Толстого. Или поэтично – Кабардинская, Балкарская, Дагестанская, Осетинская. Прислушаешься – что-то романтическое, классическое, горское, острое, по крайней мере. С тех пор многое переименовали: Республиканскую – в проспект Али Шогенцукова, Советскую – в улицу Алима Кешокова, Первомайскую – в Асланби Ахохова. Ничего лучшего не смогли придумать?!

Иногда вспоминаю увлечение балетом после просмотра первых местных постановок «Бахчисарайского фонтана» и «Лялюцы» (постановка Заслуженного деятеля искусств Таджикистана и народного артиста КБР А. Проценко). Это было в 1964 г., и я с восторгом смотрел на одетую в алый костюм Розу Хакулову (роль Заремы, Заслуженная артистка КБР, умерла в 2010 г., видел объявление в газете) и Римму Молову (исполняла партию Марии)! Тогда это было в «старом» театре, у входа в городской парк (кабардинский и балкарский театры, оставшиеся там). Потом музыкальная и русская труппы во второй половине 1960-х годов переехали в новое здание, в центр, на площадь 400-летия присоединения Кабарды к России.

Не менее ярко переживаю в воспоминаниях речку Нальчик, какая она замечательная – шумит, несется, переворачивает камни; вода, иногда, смешанная с грязью, а бывает и очень чистая. Как позабыть!

Нальчикские «корни» и московские «всходы»

В столице, куда приехал из Нальчика, таких, как я, опекала незамужняя дама Ирина Васильевна Козьменко, кандидат исторических наук, доцент (18 мая 1918 – 17 марта 1986). Определяла большую часть внешней стороны нашей жизни. До университета окончила техникум иностранных языков, что обеспечило ей три языка – французский, английский и немецкий. Потом поступила на истфак МГУ, позже – на работу в Библиотеку им. В. И. Ленина, затем преподавала в МГИМО, где много сил отдавала студентам.

К тому времени протопталась дорожка к ее дому из Нальчика. Не то чтобы она прямо взяла на воспитание мальчишку с Кавказа. В Нальчик судьба забросила из Москвы семью Елизаветы Леонидовны Иевлевой, ее старой московской подруги по общим делам и несчастьям (об этом позже), так возникла связь.

Большую часть времени во второй половине 1970-х годов И. К. Козьменко проводила уже дома. Жила в начале Новой Басманной улицы (д. 4/5) и – по впечатлениям молодости – район носил живой отпечаток ее деятельности, что трудно было не заметить. Сквер вокруг памятника М. Ю. Лермонтову, рядом с которым она жила, ее хлопотами был обнесен металлической оградой. Памятуя, как она ходила к метро, по годам помнишь этапы облегчения жизни пешехода – сначала через сквер на работу через Каланчевскую улицу (два светофора), потом переход через Садовое кольцо – для прохода к старому входу в метро (подземного перехода еще не было).

Как преподаватель много внимания уделяла внешнему поведенческому наследию, которое хотелось кому-то оставить. Но меня интересовала другое – *как и что* она предпочитала читать. Раза три съездила в Нальчик.

С московской линией Ирины Васильевны пересекается нальчикская ветвь Е. Л. Иевлевой (2 октября 1915 – 8 августа 2001). Когда-то заведовала иностранным отделом в КБ Республиканской библиотеке им. Н. К. Крупской (теперь – им. Т. К. Мальбахова). Была блестящей, колоритной женщиной, щебетавшей на английском и немецком языках, а также пытавшейся понимать со шведского. Переводила серьезные переговоры и жила в Москве, работала в системе министерства иностранных дел и МГИМО. Жизнь круто переменялась после событий второй половины 1953 года (вскоре после смерти «вождя»). Со своим мужем Иевлевым (офицером внутренней безопасности) была вынуждена переехать срочно в Нальчик, где он вскоре умер. Елизавета Леонидовна встречалась там с Козьменко и останавливалась у нее в Москве, совершая пересадки во время переездов. С ней маму познакомила, кстати сказать, И. Д. Шнейдер.

Прибегали к помощи Е. Л. Иевлевой один раз, когда в начале 1972 г. на первом курсе МГИМО возникла угроза отчисления. В тот

период мне трижды меняли первый язык обучения (японский после сингалского, до которого был еще и пушту), и ясно, что хотели меня списать «в отсев». Но благодаря моему упорству и звонку Елизаветы Леонидовны ректору Александру Алексеевичу Солдатову (бывшему ее товарищем по оккупационным делам в Германии) вопрос спустили «на тормозах». После последовавшего разговора ректора с деканом я сдал японский с задержкой на два месяца.

Звонок был организован из кабинета Фаины Тембулатовны Арсаевой (1926–2013), секретаря (выборная должность) президиума Верховного Совета КБАССР. В нем принимали участие три человека – хозяйка телефона, мама моя и Иевлева. Такой была *связь* между Нальчиком и Москвой. Кабардинцы и русские считали Ф. Т. Арсаеву красивой женщиной кабардинской элиты. Высокая, стройная, с правильными чертами лица и пышными кудрявыми волосами, всегда одетая по последней моде. До сих пор вспоминаю редкие встречи с ней на улицах – она водила маленькую дочку в Дом пионеров перед центральным входом в парк (в 1968 году), где бывал по комсомольским делам (у нее еще было двое сыновей). Последний раз – в Городском парке (году в 1995-м) – поздоровался, и она ответила, посмотрев на меня удивленным, явно непонимающим этого приветствия взглядом. Ф. Т. Арсаева медленно шла по Комсомольской аллее парка по направлению к городу с какой-то своей подругой. Много раз встречал ее до того в Нальчике и однажды в Москве.

Горы и речка – это то, чего не могу забыть все эти годы. Всякий раз, когда вспоминаешь о городе в окружении лесов, волнуешься, срываешься с места, сердце начинает биться громче, и интересуешься происходящим там. Что тут поделаешь? Москва – сердце организма. Но он живет нормально, только когда ты знаешь, что в Нальчике всё спокойно⁵. Радостное, волнующее место, даже когда со временем вынужден сокращать визиты туда. Но ничего не поделаешь, приходится переориентироваться на жизнь, организованную по-другому. В Москве остаешься *русским кавказцем*, но столица – она требует особого внимания.

⁵ См. также: Хагарова Д. Алексей Богатуров: «В Москве остаюсь русским кавказцем...» // «Газета Юга», 2000, 1 июня. С. 3.

Глава 3.

БОРЬБА ЗА МОСКОВСКИЙ УСПЕХ В ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ (1977–2011)

Когда я родился в Нальчике – в столице Кабардинской Республики, ей скоро предстояло стать Кабардино-Балкарской после того, как из сталинской ссылки были возвращены на Кавказ балкарцы. Из четвертого класса обычной школы в 1964 г. родители, уловив веяние времени и падение роли немецкого языка, которому учился до того, перевели в английскую спецшколу, которую закончил в 1971 г. с золотой медалью. Серебряных не было, а то ее бы получил, математика-физика упорно не давались. В английском не блистал: у меня было (осталось на всю жизнь) «ломовое» русское произношение. Бойко заговорил по-английски только лет в 39, побывав в Америке. Писать длинные научные доклады научился раньше – лет в 35, этому в институте учили хорошо. И то и другое поздно, если судить по современным стандартам и молодым коллегам.

Первые риски

С семи лет склонная к экспериментам мама отправила меня заниматься немецким языком с заброшенной судьбой в Нальчик после красноярской высылки саратовской немкой И. Д. Шнейдер, с которой наша семья дружила до ее смерти. Учила по старинке – тщательно, малыми порциями, педантично, упорно, с большим количеством устного разговора, слушанием пластинок, играми – так в Нальчике не учили, было утомительно, но интересно. Прочился с перерывами до окончания английской школы, сдал выпускной экзамен и по немецкому. После этого мама отвела меня к заведовавшей иностранным отделом Республиканской библиотеки Е. Л. Иевлевой. Она должна была меня «посмотреть» и определиться. Смотрины кончились заключением, что немецкий активнее и надежнее. Его решили сдавать при поступлении.

Языки – были «не моим». Преобладала логическая, а не моторная память. Запоминал грамматические схемы и легко «чуял» ловушки во временах, спряжениях. Однако слова запоминал с трудом, несмотря на упорную работу. Завидовал ребятам, которые, отыскав слово в словаре однажды, запоминали его навсегда. Было интересно «разгрызть» трудную, грамматически хитро закрученную фразу-абзац, но учить слова не любил, точнее, не умел.

Поэтому, думаю, силен был в литературе и истории. Жизнь заставила от тоски прочесть все, что было в родительской библиотеке, а это было тысячи полторы томов классики. Оттого в багаже заимел двадцать два прочитанных тома Бальзака, штук семнадцать Вальтера Скотта, десять – Альфонса Додэ. Основа общей образованности на две трети – в детстве. В более зрелые годы из художественного «дочитывал» – «серебряный век», М. А. Булгакова, Ю. Боргена, И. Во, Д. Болдуина, К. Маккалерс, Т. Олби (последних трех на английском), Томаса Манна.

Русских прочитал десять томов у Тургенева и столько же у Чехова. Но не возгорелся. Любил только Пушкина. Читал всех подряд – из упрямства и педантизма. Кроме того, мама не разрешала читать Мопассана и Золя: до тех пор, пока не прочту, как выразилась, Тургенева и Чехова. Вот и прочел, чтобы получить право. Не скажу, что был сильно впечатлен, но оценил. Сюжеты, конечно, забыл. Но сохранил ощущение стиля каждого автора. Подозреваю, смогу при необходимости «узнать» текст того или иного автора без обложки.

Из увлечений детства главным было кино. Читал все, что можно было прочесть, и собирал фотографии артистов (три альбома). Мама хотела отправить меня в театроведение (отец – и вовсе: в хирурги). Театр в Нальчике был слабым – ходил с маминной подачи только на балеты. В театроведение не подался, а прошел, сдав два экзамена (как медалист), в МГИМО.

Психологически это было серьезно мотивированно: отец приучил читать политические новости в газетах и обсуждал их со мной. Быть в курсе политических событий – лет с десяти было обычным состоянием. Политика привлекала, хотя в дипломатическое будущее было трудно поверить.

В МГИМО пребывание складывалось драматично: в силу взаимных одолжений «более белые» дети выбирали легкие языки.

Детали вспоминать не буду, приведу только факты: назначен изучать пушту 1 сентября, через две недели был переведен в группу сингальского языка, а еще через два месяца – в японскую группу. Естественно, не сдал экзамен по японскому в срок.

В конце первого курса все стабилизировалось. Но любви к японскому не прибавило. Интерес устремился к истории международных отношений. Попытка исключения была первым столкновением с системой и произвела глубокое впечатление. Стал не любить бюрократический строй и с этого времени ощущал себя «пролетарием умственного труда» – сидит до сих пор.

Кафедра японского языка (и прочих других, кстати) познакомилась с реальной школой 1970-х годов – профессор, д.ф.н. Святослав Витальевич Неверов, доценты Степан Федорович Зарубин и Борис Николаевич Лаврентьев (заведовал кафедрой, получил в 1980-е годы профессора без докторской). И преподаватели Нина Дмитриевна Неверова (жена профессора), Инна Гавриловна Румянцева и совсем молодая светловолосая, красивая Раиса Борисовна Ноздрева – смотрела в сторону, на экономику, защитила кандидатскую диссертацию на эту тему. Сейчас – профессор, основатель целого направления в менеджменте, заслуженный деятель науки РФ. Были колоритные личности, умели готовить молодые кадры и обеспечивать переводы на высшем уровне по линии министерства иностранных дел и иногда – компартийные съезды.

Основательное впечатление произвел С.В.Неверов. Третий курс, основной язык, пособия по переводам, Большой японско-русский словарь, разные справочники, статьи – много всего и разного. Было здорово, трудно и интересно. Вспоминал, что учил новые иероглифы по утрам – открывал записи и учил. Потом по ошибке рекомендовал меня в аспирантуру в Институт языкознания и только потом сообразил, что делать со мной подобные эксперименты пока было рано – надо еще целый год учиться, заканчивать институт. Бездну всего знал и реагировал на все странно – глаза умные, понимающие, реагирующие, но без эмоций и комментариев.

Из разговоров с Н.Д.Неверовой знал, что у них заканчивал школу сын и что он собирается поступать в МГИМО. Потом, спустя много лет, в начале 2000-х годов встретил уже как работника МИД по Соединенным Штатам Америки Игоря Святославича

Неверова. Кстати, я обучал внучку Святослава Витальевича – по истории международных отношений.

Б.Н.Лаврентев удивлял своей виртуозностью и молодостью на посту заведующего кафедрой, позже на четвертом курсе понимаешь, как это случилось. Каждый день приносил что-то новое, необычное, – то, что придется выучить и знать. Было тяжело, хоть и стоило учиться. Выучить не было сил, но приходилось. В качестве оценки он ставил мне «хорошо». Вспоминаю с благодарностью. Потом, спустя годы, встречал его на Кафедре иностранных языков Академии наук – надо было сдавать экзамен на владение иностранным языком. Видел в работе – это страх и ужас. Потом снова встретил в МГИМО в 1990-е годы.

Даниловка

Полтора года обучения в МГИМО на втором и третьем курсах провел в комнате (снял) на улице Мытной (тогда от м. «Октябрьская»), совсем близко от Крымской площади, где помещался учебный корпус. Ходил по прямой линии троллейбус № 10, который выворачивал со своей улицы на Садовое кольцо у Октябрьской площади, проделав повороты, определенные на начальной станции в конце улицы у самой Даниловской площади и рынка. Поездка до института занимала минут сорок пять.

В троллейбусе произошло знакомство с Владимиром Борисовичем Васильевым, годами примерно старше меня (познакомились в 1972 г.). Был «стихийным балето-опероведом», хотя по профессии выпускником другого института, «Плехановки» – инженером-снабженцем. Работал в закрытом предприятии на Серпуховском бульваре недалеко от базара. Постоянный посетитель театра, знал бездну о его жизни и в этом смысле существенно влиял на своих знакомых. Недели не могло пройти без него – в Большой театр только по пропускам ходить умел, хотя всякое бывало. Этим постепенно привлек, в эту жизнь я включился. Понял, что такое «ходить в театр», как проходят, сколько стоит. Массу привилегий и не меньше неприятностей. Но в общем устраивало. Привык к жизни-ожиданию у подъездов вечерами, когда «великие и

малые артисты выходят-заходят», обмениваются впечатлениями, делятся информацией, наблюдаешь, узнаешь многих, и о других балетных «сырах»¹.

В больницу Володя попал на удивление рано и проболел довольно долго (что-то с печенью). Ходил к нему в корпус в район метро «Павелецкой», на внешней стороне центра города стояли дома – примерно конец 1970-х гг. Трамваем надо было долго ехать от метро в сторону Даниловского монастыря или от него (сейчас там появилось метро «Тульская», и ехать теперь было бы гораздо ближе).

С годами Васильев довольно сильно опустился, обрюзг, стал, как выражаются, «неважным». Голову, однако, сохранял ясную. Почти не виделась – дела погружали меня, приходилось долго и далеко ездить за город, шел к концу второй десяток хорошо знакомой «бесшабашной» жизни. Скончался (узнал от знакомых) в 1998 г. незадолго до своего дня рождения 28 мая. Надо отдать должное: ему я обязан кое-каким знанием балетной жизни и артистов 1970–1980-х годов.

Большой балет. 1970–1980-е годы

В театре в 1972–1985 гг. творилась необычайная картина – у всех были свои «звезды», к ним «подходили» и их новости с жаром обсуждали. Границы в отношениях между «людьми балетными» строго ограждались, новых «не подпускали», старались исключать. Но вал поклонников было не сдержать, они «шли сотнями», если, конечно, было «на что».

Артистов «высшей лиги» было немного – Владимир Васильев, Майя Плисецкая, Марис Лиена. Были «нарасхват», каждое слово «ловили на слух», чествовали. Жест, поза, костюм, манеры, косметика – все запоминалось.

Были среди них и просто «популярные» – Екатерина Максимова и Наталья Бессмертнова (толпы поклонников!). Потом – Нина Тимофеева, Михаил Лавровский, Юрий Владимиров, Александр

¹ «Сыр» значит быть поклонником кого-то из артистов, «сырить» – проявлять «поклонничество».

Годунов (тогда еще «не драпанул» на Запад), Людмила Семеняка. Их «обожали» и любили, сносили любые «шалости».

Но, наконец, просто «любимицы и любимцы». Марина Кондратьева (легкая, «с баллоном», замечательная), Раиса Стручкова, Римма Карельская (уходила со сцены в 1970-х), Татьяна Голикова, Светлана Адырхаева, Надежда Павлова, Александр Богатырев, Вячеслав Гордеев, Михаил Цивин (какой был «баллон»!), Нина Сорокина, Андрей Кондратов. Красивые, замечательные, не без таланта люди, хотя, ясное дело, разные и «на любой вкус».

Всех не перечислишь. У каждого свой стиль, индивидуальность, данность, сочетание подхода к профессии со склонностью в характере и... в силе. Природная *данность* – великая вещь, от нее идет многое в таланте. Не случайно проявить ее – значит приковать внимание наблюдающих, заставить обратить на себя внимание, исполнить сочетание действий с огромной энергией, страстью, мощью, *силой*, передачей, способностью выйти с волей, нежностью или любовью. Не каждому дано, и отысканию этого посвящена большая доля совокупной жизненной силы поклонников.

Способность *передавать* под сохранением высшего-высокого уровня требований к себе оказывается ключевым моментом овладения ролью. Больше или меньше сил – принцип артиста к расходованию внутренних ресурсов, что зависит, конечно, от самооценки потенциала сил. Хорошо себя знающие артисты никогда не спешат расходовать силу. Берегут – в сольном танце в первом акте для подготовленного па-де-де в третьем действии («Лебединое озеро», так делал А.Богатырев, например).

Не у всех, конечно, чувствуется – сколько сил окажется за пределом после всего отмеренного в партии, и ты не бережешь силу. Потенциал не чувствовался у В. В. Васильева, но накал взлета был у него всегда в 1970-е гг. на высоте (Спартак, Иванушка, Базиль, Принц-Щелкунчик, Икар, Дезире). Осталось не понятным, как себя чувствовал он после третьего акта Спартака. Но давал *осознать* другим, что продолжит *сейчас* танцевать какого-нибудь Дезире или Икара! Магия силы, если попытаться осознать серьезно.

У Н. В. Тимофеевой было сложно понять, невозможно, пределы потенциала. Умудрялась раздвигать представления об их возможностях в процессе работы (Эгина, Мехмене Бану с техникой фуэте

второго акта и трагического одиночества третьего, Китри, Хозяйка Медной горы)!² Лучшими работами стали именно такие, когда репетиционная работа не видна, не чувствуется, скрывается, воспринимается в зале на уровне естественном. Пусть «Дон-Кихот» и воспринимается как нечто устаревшее, но это «показ классики».

У Т. Н. Голиковой³ были отличия. Непревзойденная, насквозь танцевальная, «карнавальная» Люська, выбегающая на пуантах в «Золотом веке»! И та же не блистающая силой, отличительная красотой, «особая», горяющая Мемне Бану конца 1960-х годов. У нее, как ни странно, оказалось достаточно ума, чтобы не лезть в споры с Тимофеевой, а показать свою версию, негероической, непленяющей, «спокойной» роли. Танцевала именно так, не экспрессивно, снижала накал образов – потому что она к иному «не была приспособлена»! Эгина – не потрясающая зал третьим актом, а просто танцующая его. Тем не менее, находя иные костюмные, другие формы и краски. Русская невеста (постановка Ю. Н. Григоровича в 1969 г. в «Лебедином озере») – в этом смысле хороша. Роли иногда «шли» или чаще «не шли» к яркой индивидуальности, но не ложившейся в задумку балета.

Невозможно забыть «Лебединое озеро», посвященное народного артисту СССР Асафу Михайловичу Мессереру (1903–1992). Лучшие исполнительницы собрались – Т. Н. Голикова, Л. И. Семеняка и М. М. Плисецкая. Каждая исполняла только один акт, и вместе получалось нечто грандиозное (1973)! Была версия постановки Мессерера озера лебедей (заключительный акт), что считалось вкладом «советской школы развития в балетное искусство». Балет шел на этот раз в Большом театре. Обычно эта версия шла в Кремлевском дворце съездов, а здесь была новая постановка

² В. М. Красовская писала о безошибочной строгости ее манеры и сильной технике. См. статью: В середине века (1950–1960-е годы) // Советский балетный театр. 1917–1967. – М.: «Искусство», 1976. С. 257. См.: Николаев А. Образы танца // «Советская культура». 18 апреля 1976.

³ Голикова Татьяна Николаевна (1945–2012), н. а. РФ. Умерла от рака легких. Вспоминается замечание о Мемне Бану в ее исполнении, данное Александром Павловичем Демидовым (1944–1990): необычное и мягкое.

1969 года и ее главные исполнители Н. И. Бесмертнова, А. Ю. Богатырев, М. М. Плисецкая, Н. Б. Фадеечев, Б. Б. Акимов, Т. Н. Голикова, А. Б. Годунов. Но танцевали «старую».

Удалось посмотреть в новом «Лебедином» М. М. Плисецкую (1973 г.) – уже старевшую, но демонстрировавшую нужный уровень техники. Был на первой из пяти последовавшей затем Одетт-Одиллий, которых исполняла Майя Михайловна (был на всех за десять лет!). Вот когда становилось ясным, что подразумевала она в своей роли. В чем сила искусства и его недостаточность («черный» акт). Но шквал, огонь, выжженная страсть – все академически выверено безупречно. Было классикой, чудно исполненной. Хотя техникой она не бравировала. Смотрел разную Плисецкую – «Кармен-сюиту», «Анну Каренину» (второй состав М. Кондратьевой тоже), «Гибель розы» (хореография Ролана Пети), «Чайку». Плисецкая – она и есть, конечно, Плисецкая. Техники 1970-х гг. В смысле драматического бала – было. Только жаль. Не уважать нельзя – из головы не выходит ее Одетта. Выдающееся достижение.

О других можно «море говорить». Н. Бесмертнова⁴ – трудно преуменьшить достижения в «Жизели». Живая, порывистая. Руки, идущие «не туда, куда надо», но тем пьянящая. Потом резкий разрыв с этим – по ту сторону мира, неживая, мертвая, и все живая, словно живущая, переносящая. Впечатляющая картина! После этого во многое можешь поверить и ждать. Линии противоречат «классическим Улановским» («как надо»), но ведь они *сделаны*, хоть и по-своему, слегка надломленные, с иными акцентами, с другими смыслом! Иногда не понимаешь с каким! Много раз ходил смотреть и каждый раз удивлялся, не находя сравнения. Репетировала не с Г. С. Улановой, а с М. Т. Семеново⁵.

У Бесмертновой «новых» бесконечно много – Одетта-Одиллия, Джульетта, масса других ролей. Но не впечатляет. Говорить

⁴ Бесмертнова Наталья Игоревна (1941–2008), н. а. СССР. См.: Гайевский В. В Большом театре // Дивертисмент. Судьбы классического балета. – М.: «Искусство», 1981. С. 234. См. также: Дашичева А. О наших днях, о наших людях. Премьера балета «Ангара» на сцене Большого театра СССР // «Советская культура», 25 апреля 1976.

⁵ Семенова Марина Тимофеевна (1908–2010), н. а. СССР.

дурного не хочется. Продолжал ждать смены, подобной Жизели, но так этого не дождался.

Другое дело Е. Максимова. Все «нормально», чувство и грусть, наивность и жесточенность как надо. Даже Аврора и Маша – воплощение норм, выверено, «по школе». Потом появляется Китри – и несется кувырком, каскадом, весельем, огнем. Ноги пламенем – в гран па-де-де из финала «Дон Кихота», и чувствуешь, что жизнь не кончилась. Бессмертнову ходил смотреть «на всякий случай», чтобы «чего-то не пропустить», Максимова – напротив, ходил, потому что любил. Не ждал ничего нового, но старое давало отдохновение чувствам.

Александр Годунов⁶ – «не полная спетая песня», жалко его. Только начал в 1970-х. Но то, что делал, вдохновенно, безупречно, старательно, академически все говорило, что – готовься, скоро будет что-то классическое, что выдвинет его вперед балетной труппы. Хозе, Солор, Юноша из «Весны священной» (балетмейстеры Н. Касаткина и В. Василев⁷, ГАБТ, 1965) были балеты, говорящие о многом. Но случилось ему тут убежать... Глупое было дело – при его характере.

Марис Лиела⁸ – другой предмет отрадной звезды, но, к сожалению, уходящей – в конце 1970-х годов. В нем можно разглядеть в Крассе живого, управляющего своим залом солиста. Прыжки, точные линии, напряженные позы и опять прыжки, подчинено напряженной логике образа танца. Вот чем нагнетается напор! Экспрессия, много подчеркнутых «движений на месте» (1969–1974), где с годами демонстрируется их полное отсутствие, размягчение, где движение стирается, намечая, обозначая линии!.. Но драматические моменты и танцевальные па демонстрируют усталость. Красс 1978 г. не тот Красс 1988 г.

Писать можно о Н. В. Павловой⁹, но это, скажем, неприятно, и не буду. Достаточно вспомнить ее почти перетанцованные всеми балеринами амплуа.

⁶ Годунов Александр Борисович (1949–1995), з. а. РФ.

⁷ Касаткина Людмила Дмитриевна (1934), н. а. РФ; Василев Владимир Юдич (1931), н. а. РФ.

⁸ Лиела Марис-Рудольф Эдуардович (1936–1989), н. а. СССР.

⁹ Павлова Надежда Васильевна (1956), н. а. СССР.

Между тем гастроль в Москве и поездки в Ленинград-Петербург давали восторг и определенный стимул. Увлечен талантом примы Мариинки Ирины Александровны Колпаковой. Аврора, Жизель, Катя, Раймонда, Шопениана, Джульетта – превосходные работы (1973–1980), остающиеся в памяти. Царит в ней и Нинель Александровна Кургапкина («Баядерка» – дочь царя, гран-па)¹⁰. Гастроли в Москве давали стимул и игру воображения.

Потом был М. Н. Барышников («Жизель» в Москве и Ленинграде, разные концерты). Подъем, глиссады, полет, не оставляющих равнодушным. К сожалению, исчез у нас и появился в Нью-Йорке в 1974 г., оттуда началась стремительная карьера в США.

Походы в Большой создавали определенную опасность – слухи о том, что «ты ходишь», порождали среди окружения вопрос-желание приобщиться. И. В. Козьменко, М. С. Покумейко, Н. Е. Клейменова – это были люди, которые получили «доступ» (1973–1985). Была, разумеется, Е. Н. Сикачева, однокурсница, она тоже получила проход и свершила, по-моему, большой прогресс в понятии балета. Книгу А. Я. Вагановой¹¹ о балете года полтора читал, взяв у нее. Потом интересовалась балетом Н. В. Молодкина-Горячева, работавшая в академическом институте (и муж ее в другом).

Размышления о танце создавали и прогресс – в смысле понятий о балете, задумок о выработывании стиля движений, пластике, культуре балетного танца – экспрессивность, порывистость, воплощение в строго продуманном (ой, как трудно бывает) танце (не всегда и не у всех получается). Творилось классиком русского движения Ю. Н. Григоровичем¹² – ему только что вручили Государственную премию (2017). И, как показывал опыт, вовсе не получалось у всех балетмейстеров, учившихся у него в ГИТИСе¹³. Талант, способность выражать экспрессию в танце и, мне кажется,

¹⁰ Колпакова Ирина Александровна, н. а. СССР (1933); Кургапкина Нинель Александровна, н. а. СССР (1929–2009) – балерины балета знаменитого Мариинского театра 1970–1980 лет.

¹¹ Ваганова Агриппина Яковлевна (1879–1951), н. а. РФ. См. ее кн.: Основы классического танца. 4-е изд. – М., 1963.

¹² Григорович Юрий Николаевич (1927), н. а. СССР, главный балетмейстер Большого театра в 1963–1995.

¹³ Государственный институт театрального искусства (ГИТИС).

уничтожавшую остальных. Ловишь мысль, накал, напряженность, переходящие в движение, ритм, маневренность, выразительность. В «советской школе» 1970–1980-х годов было так.

Не скажу, что понимал все, что он делал. Не все замечательно. Но меня поразила и заразила идея трансформации, которую Григорович выносил. Происходила на его основе мистическая метаморфоза. *Понял суть* метода конверсии: как через подчинение мысли силы подойти к открытию высокого, идеального, академически почти безупречного.

Схватил, догадался, *почему* Тимофеева была лучшей выразительницей его мысли (Эгина, Мехмене Бану, Хозяйка медной горы). Отчего Бессмертнова – после Жизели – стремилось во всех новых ролях сделать то же самое, и надо сказать, нигде больше не достигала, хоть и старалась (Валентина в «Ангаре», Анастасия в «Иване Грозном», Рита в «Золотом веке»). Не говорю о других многочисленных ролях. Эти три в ее исполнении были для него принципиальны, так кажется.

Важно было понять, разузнать синтез, чтобы дальше по-своему, через интуицию, с «поворотом» развивать в творчестве, писании книг или статей на неизведанную тему. К такому созрел только к 36 годам, работая в ИСК РАН, ощутив силу вольно, ничем не ограничено, свободно писать. Для этого требовалось ходить в Большой театр двенадцать лет? Не знаю. Такова стоимость всего, что накопил.

«Открытие» теории

Руководителем по внешней политике Японии в МГИМО был Дмитрий Васильевич Петров (1927–1994), политолог-японовед, историк периода 1960–1980-х годов. Один из трех «светлейших» людей в японоведении, уступая в академизме и фантазии только экономисту Якову Александровичу Певзнеру и с «сумасшедшинкой» специалистке по культуре Татьяне Петровне Григорьевой. Дмитрий Васильевич был талантливым, блестящим и непростым – многим обязан: японоведной выучкой, умением работать с текстом, владением аналитическими навыками. Он старался сделать японоведом «под себя». Интересовали многие вещи, рядом с

которыми японоведение бледнело – теория международных отношений и проблемы мировой политики. Петров относился к этому иронично (не сильно разбираясь).

По его мнению, я не обладал нужным уровнем для занятий теоретическими вопросами. Не удивительно: теория была в сфере политологии. Быть специалистом означало «быть виртуозом в марксистско-коммунистическом аппарате». Фантазия и анализ были не главными, они существовали в теории «полулегально», в драпировке из идеологических заклинаний. Книга В. И. Гантмана (1925–1988)¹⁴ – классический и печальный образец трудного жанра. Был достаточно упрям, чтобы мрачно отмалчиваться в ответ на эти рассуждения. Он воспитывал секретаря, но оставаться помощником я не собирался.

Развитие определял не Петров. МГИМОВское образование дало знания, понимание международных отношений как системного процесса. Это отличие хорошего МГИМОВского выпускника от окончивших ИСАА (к школе которого принадлежал шеф), истфака или экономфака МГУ. Теория манила, хотя не знал к ней дорожки.

Весной 1974 г. познакомился с Сергеем Александровичем Шуйским – блестящим человеком, арабистом-филологом. Остроумный, саркастичный и добрый человек, работавший в Главной редакции восточной литературы. Сдвигом в профессиональном видении обязан ему – отношением к профессии, иностранным языкам, позицией, стремлением посмотреть на проблему с непривычного угла. Мозги начали расковываться. Шуйский сделал две вещи: во-первых, он четыре года разговаривал со мной, во-вторых, он навел меня на пласт теоретико-культурологической литературы, о существовании которой я не подозревал.

От него узнал про структурализм, Юрия Михайловича Лотмана, тартускую школу. Он познакомил в 1977 г. с учеником Лотмана Игорем Аполлоновичем Черновым (выпускником Университета в Тарту, Эстония), человеком образованным, но наделенным

¹⁴ Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В. И. Гантман. – М.: «Наука», 1984. Был завсектором в ИМЭМО и на всех русскоязычных исследователей ошутимо влиял.

трудным характером. Из попыток подружиться ничего не вышло, но общение с Черновым закрепило меня на позициях структурализма. Ученые, наложившие на меня свой образ, – Ю. Д. Лотман, мыслящие психологи Зигмунд Фрейд и Карл Леонгард (оба немцы)¹⁵. Поэтесса М. И. Цветаева, искусствовед, человек из балета В. М. Красовская, литературоведы Е. М. Мелитинский и В. Я. Пропп, а также историк Е. В. Тарле.

Шуйский заставил начать переводить. Первые переводы – тексты венско-американского арабиста и культуролога Густава фон Грюнебаума – изданы в 1977 и 1978 гг. Была большая школа. Сверку переводов делал Дмитрий Фролов – арабист, который был превосходным переводчиком. Его грубые «уроки» в процессе сверки принадлежат к числу неприятных воспоминаний, но без них обращаться с текстами не научился бы. Оценил уроки Фролова в 1980 г., когда помогал Алексею Ильичу Матвееву сверять сделанный им перевод изданной в серии «Миф и литература древности» книжки Мии Герхардт о сказках «Тысячи и одной ночи». На этой работе впервые ощутил, что знаю, как управляться с переводимым текстом, «расправляться с ним», находить точные слова.

После окончания института в 1976 г. не мог найти работу и остался работать в МГИМО старшим лаборантом в кабинете Истории международных отношений – картотеки, каталоги, досье, выдача книг студентам и преподавателям. Первый этап служебного роста совпал с периодом пребывания в стенах МГИМО. Общение составляли знакомые – декан Подготовительного факультета Евгения Владимировна Шолохова¹⁶, Н. Ф. Потапова¹⁷, заведующая

¹⁵ Леонгард, Карл (1904–1988), см. его: Акцентуированные личности. 2-е изд. – Киев: «Выща школа», 1989.

¹⁶ Умерла в ноябре 1993 года, подробностей не знаю. После работы деканом осталась в институте преподавать. Потом «стала бояться» ходить по коридорам (перебрались в новое здание на проспект Вернадского), запутывалась и вскоре ушла на пенсию. Говорят, теряла ориентиры в новом пространстве и на улице. Видел в последний раз в «голодное время» в магазине на Новом Арбате, с ее мамой (!). Евгения Владимировна не отдавала отчет о том, где находилась.

¹⁷ Занималась составлением документальных сборников. См.: Международные отношения и внешняя политика СССР. 1961–1985 год.

Кабинетом ИМО Майя Степановна Покумейко (прекрасно ее помню по МГИМО конца 1990-х годов). И старшие лаборантки кабинета Эмилия Моисеевна Подкопаева (умерла в 1977 г.), Надежда Евгеньевна Клейменова (1949 г.р., тогда совсем юная). Общался с ними около шести лет, многому можно было у них научиться, что и сделал, натворив ошибки. Прощался с ними с грустной нежностью, с белыми цветами для каждой, но и с большущим облегчением от освобождения от «надсмотра сверху».

Преподавал японский язык по военному профилю к. и. н. Леонид Петрович Пинаев, тоже «сбывшийся» ученик Петрова. Не очень хорошо помню интерпретацию «военной доктрины» Японии до 1980 г. (издал книгу в 1982 г.). Но вспоминаю, что ушел в специальное учебное заведение, откуда, впоследствии, мы знали, выходили лишь «разрозненные капли людской влаги».

Международно-политическое японоведение

Здание МГИМО в те годы находилось на Остоженке, 53 (Метростроевской) – нынешний дом Дипломатической Академии. Вход рядом с метро. Окна третьего этажа, за которыми находился Кабинет, они и сейчас видны из троллейбуса или машины. Потом приходилось не раз приходиться в старое здание по рабочим делам – но внутри все, ясное дело, перестраивалось. Шеф диплома, профессор Д. В. Петров, работал (на полставки) на Кафедре ИМО. Он уже в 1976 г. перешел на должность заведующего Отделом Японии в ИДВ РАН из старого Института мировой экономики и международных отношений, где он заведовал сектором и добивался при привлечении новых людей второго старта при отделе в рамках сектора.

В ИДВ меня принял заместитель директора по режиму Михаил Нилович Данилин (1977 г.), подробно со мною о разном беседовавший. На него легла миссия формального обмена распределения направления МГИМО МИД СССР на аналогичную

Сборник документов. Сост. И. А. Кириллин (руководитель), В. А. Калякина, Н. Ф. Потапова. – М.: «Международные отношения», 1962–1986.

академическую бумагу Управления кадров Академии наук. Началась работа с двумя молодыми сотрудниками – Мариной Юрьевной Букринской-Новиковой и к. и. н. Александром Александровичем Макаровым (1953–1989), сыном в свое время известного востоковеда-международника профессора Александра Марковича Дубинского. Потом молодых стало больше – добавились к. и. н. Ирина Алексеевна Цветова (дочка зав. сектором Японии ЦК КПСС к. и. н. А. В. Сенаторова) и к. и. н. Наталья Васильевна Молодкина-Горячева.

Н. В. Молодкина пришла в отдел Института Дальнего Востока выпускницей ИСАА в 1979 г. с японским языком. Рыженькая, худая, хорошо знавшая язык, не очень образованная, но снабженная энергичной желанием ликвидировать пробелы. В общем, располагала к себе. Через год уже преподавала язык на вечерних курсах близко от метро «Лермонтовская» («Красные ворота»). Там же познакомилась со слушателем В. Б. Горячевым, ее будущим мужем. Родилась у них дочка. Сдружились, хотя была и негативная сторона отношений – каждый норовил свое отстоять. Но было и хорошее.

И. А. Цветова была старше меня на три года. Закончила аспирантуру и пришла в 1980 г. кандидатом исторических наук. Было много общей комсомольской работы, приходилось учитывать необходимость «пропихнуть» на повышение ее первой, а потом «работать на себя». В Японию первый раз поехала в 1986 г. на девять месяцев (и Молодкина-Горячева, кстати, тоже отправилась туда). Была замужем за П. Ю. Цветовым, вьетнамистом, имевшим с ней сына. Вскоре после возвращения, в 1987 г. кажется, развелась и вышла замуж за парня, бывшего с ней в одной командировке. С ним жила оставшуюся жизнь. Мы неожиданно сблизились, благодаря ее манере заходить ко мне в комнату напротив моей в коридоре, поговорить и обсудить личные драмы.

Над ними возвышался по общественному положению (секретарь комсомольского комитета) Николай Олегович Капралов (умер в 2012 г.). К. и. н. Игорь Алексеевич Высоковский 1990-е годы стал заместителем директора по социальным вопросам. Была и Светлана Игоревна Киселева-Гнеушева, но она быстро уехала с мужем в командировку в Японию. Работало кроме этих человек

десять молодых сотрудников. Аспирантов среди них было человек пять–шесть. Из них Николай Владимирович Анисимцев (приехал из г. Иваново) спустя годы защитился, переехал в столицу и работает по Китаю, но издал три работы по Японии! Кстати, в 2017 г. достал фотографию Д. В. Петрова!

Кроме него, была девочка из Болгарии, кто-то из Москвы и остальные человека три из Владивостока. В отделе было человек двенадцать разного возраста научных сотрудников. Докторов наук было пять – достаточно представительный отдел, разбитый со временем на два – Сектор внешнеполитических и Сектор военно-экономических проблем. Второй по численности в Москве японский отдел был тогда – двадцать три человека на 1990 год.

Но первым оставался отдел в Институте востоковедения – там были тогда Сектор исторических и Сектор экономических проблем, кроме того, группы японоведов занимались литературой, языкознанием и теорией японской внешней политики в общих подразделениях – человек тридцать пять–сорок всего.

Кандидатскую диссертацию готовил по политике Японии в области обеспечения нефтью и атомным сырьем. Большая тема, находящаяся на стыке политики и экономической дипломатии. Петров поставлял материал, когда у него «возникал лишний» (по атому), но в основном собирал материалы я сам. Посвятил этому четыре года, а дальше писал книгу. Отвратительная, надо сказать, вышла с ней история. Написал рукопись объемом 17 а. л., предполагал издавать. Все шло хорошо, и вдруг Михаил Александрович Унке, редактор Главной редакции восточной литературы, дает отрицательный отзыв – написанный на базе введения (20 с.)! Подозреваю, одним из критиков был заведующий сектором, к. э. н. Юрий Сергеевич Столяров, не специалист в дипломатии, но дока в экономических вопросах. Возможно, между ним и Унке возник диалог, ценой которого была рецензия редактора. Трудно сказать точно.

На помощь тогда пришел Петров. Последовал телефонный разговор со Столяровым и не менее жесткая беседа с Унке. Был разговор по телефону с главным редактором восточной литературы Олегом Константиновичем Дрейером. Результатом стал «компромисс»: год переделывать рукопись и дать ее в рекламное объ-

явление через два года (1988 г. вместо «старого» 1986 г.). Беседы, мои переговоры о переделывании с Унке не подлежат воспроизведению. Нужно было проглотить все. Слушал молча. В промежутке летом 1987 г., когда выбрал время для переписывания, он уклонился от новых объяснений. В итоге я просил издательство заменить его в качестве редактора. В конце 1987 г. шла работа с новой редакторшей издательства. Рукопись была изменена полностью, там негде было уже «впутать» экономическую дипломатию. «Кризис отношений» (или ориентации?) в японоведении падает на 1986–1988 годы.

Остались в памяти молодые – Н. В. Горячева и Н. О. Капралов. Первую «учил», как писать кандидатскую о подходе к проблемам войны и мира двух центристских партий – «Комэйто» и Партия демократического социализма (ПДС). Я уже был кандидатом, она же только «примерялась». Читали первые авторские варианты и исправляли их в соответствии с логикой текста. Интересная получилась работа, защищалась в Институте стран Азии и Африки при МГУ, где директором был профессор Арлен Ваагович Меликсетов (1930–2006, снова пересекался с ним в МГИМО после 1996 г.). Научный руководитель был тоже Д. В. Петров.

Второго – инструктировал, как надо писать, но и сам учился у него. Он обладал незаурядным подходом к людям, выуживал из них самых сильных, продвинутых, умел ставить их себе на пользу. Защищаться Н. О. Капралов не стал и не стремился, а вскоре ушел из отдела руководить группой (техзадания) в нашем же институте.

С ИДВ связан один веский эпизод – переезд в новую комнату в Москве из пригорода, тогда значительный успех. Отметим все – визиты И. В. Козьменко, Л. П. Ягуповой, Е. В. Шолоховой, Н. Е. Клейменовой, семья отца из Нальчика, компания друзей из Института Дальнего Востока, Л. А. Ляликова, «нальчане» А. А. Руденко и С. П. Алехин, Лида и Люба Жабеловы. Потом московские друзья Ю. М. Ершов, В. А. Костин, Г. В. Доронин, А. В. Виноградов... «Дебют» на Зеленой горе, рядом со спортивным стадионно-комплексом «Луч» (начало Варшавского шоссе), осень 1984 г.

В памяти остались несколько просветленных коллег из ИДВ – д. и. н. Вячеслав Николаевич Бунин (1924–2012), к. и. н. Рустам

Мамедович Асланов (1937–2009), д. и. н. Юрий Михайлович Галенович (1932) и академик РАН Владимир Степанович Мясников (1931). Остались и довольно неприятные моменты – переход в 1987 г. из ИМЭМО в ИДВ Ю. С. Столярова (1945) и оставшиеся с ним вопросы.

Когда в 1977 г. Петров предложил должность стажера-исследователя (106 руб. оклад) – серьезная работа, я с восторгом согласился. Директором ИДВ был член-корреспондент РАН Михаил Иосифович Сладковский, «доверенное лицо всесильного» М. А. Сулова, но фигура между тускло-унылой и зловещей. Умных не любил. Петрову, который пришел в Институт с подачи заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС Ивана Ивановича Коваленко, он завидовал. Плохо в дирекции относились к сотрудникам отдела Петрова. «Первый ученик» это испытал.

Продолжал заниматься японоведением, но мысли теперь давно были не о нем. Работа над диссертацией усугубила противоречие. Работа с Петровым утрачивала привлекательность, рамки ученичества (работал с ним с 1974 г. по 1988 г.) начинали стеснять. В 1983 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Проблема обеспечения энерго-сырьевыми ресурсами во внешней политике Японии». По мере приближения конца десятилетия подумывал об уходе из милого, но застойного ИДВ в Институт мировой экономики и международных отношений или Институт США и Канады. В 1988 г. вышла первая книга по диссертации – не удивительно, рецензий на нее не было.

Середина 1980-х годов стала периодом открытий новых центров японоведения: два сектора – экономики и международно-политических проблем в ИМЭМО (там возвышался Я. А. Певзнер) и сектор мироэкономических аспектов во Всесоюзном научно-исследовательском институте (Министерство внешних экономических связей); отделы Ленинградского филиала Института востоковедения РАН, Восточный факультет СПбГУ, ИСАА, группы, выходящие за рамки истории и экономики и включающие в себя представителей науки о языке, литературе и быте, МГИМО, «спецфакультеты»...

В представлении того времени японоведение перестало казаться узкой отраслью знаний о Японии. Стало выделяться значительностью, колоритностью, любопытством, удивлением. Центры и «центрики» по России – Владивосток, Хабаровск, Иркутск, Томск, Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Нижний Новгород и Воронеж. Потрясающая картина! Стал на общественных началах «куратором японоведов» при шефе Д. В. Петрове и И. А. Латышеве (1925–2006, работал заведующим отделом в Институте востоковедения), которые стали содиректорами Ассоциации японоведов.

Старшие кадры

Сильное впечатление производила «женская команда» из историко-экономических подразделений ИВАНА 1980-х годов. Д. и. н. Л. Д. Гришелева и к. и. н. Н. И. Чегодарь, сложная, всегда намеренно критично настроенная д. э. н. С. Б. Маркарьян. Несколько особняком среди них стоявшая и защитившаяся со временем д. и. н. Э. В. Молодякова (моложе первых лет на десять). Они всегда активно поддерживали Д. В. Петрова, чем мне imponировали.

Запомнилась японская переводчица и старший научный сотрудник д. и. н. Г. И. Подпалова (1904–1994), носитель *старой* в полном смысле крови, умерла в те же годы, что и Петров, но была старше его лет на двадцать. Добилась выступления Д. В. Петрова у нее на защите оппонентом. Вдали от них маячил старый финансист д. э. н. А. И. Динкевич, возглавлявший какую-то группу по финансам в большом отделе. Он представлял в институте более возрастную (в смысле заслуг) коллегию.

Из «нейтрально-восторженно» относившихся к политическим построениям были молодые японоведы-ивановцы – кандидаты исторических наук К. О. Саркисов и Г. Ф. Кунадзе, установившие собственный «диктат либеральных оценок» после отъезда в Японию И. А. Латышева в очередную долгосрочную командировку, «увезшего с собой левые» оценки во второй половине 1980-х годов. Но и привезший их обратно, увы.

Отвратительная, по-моему, была его книжка «Правящая либерально-демократическая партия Японии и ее политика» (М.,

1967). По ней возникла полемика с тогда еще молодым исследователем, соискателем кандидатской степени А. А. Макаровым из Института Дальнего Востока, который был вынужден переписать свою диссертацию (но не всю монографию «Политическая власть в Японии». М., 1988) в соответствии с позицией, отстаиваемой в своей книге Латышевым, бывшим его оппонентом на защите. Между писанным одним и другим оказалось двадцать лет, в этом, может быть, дело?

К относительно молодым японистам подстраивался к. э. н. А. И. Кравцевич, впервые из своего поколения возглавивший экономический сектор в своем институте. Были по уму относительно юными, много писавшими и обещавшими..., чего ни в 1980, ни 1990 годы не принесли. Разочаровывающее время.

Были д. э. н. И. П. Лебедева, возглавлявшая в 2000-е годы внешнеэкономический сектор, и к. и. н. И. А. Якобашвили (впоследствии ушедшая из науки). Со временем производила впечатление работа д. и. н. В. О. Кистанова, впоследствии, с конца 2000-х годов, ставшего руководителем японоведения в Институте Дальнего Востока. Ничего не знаю о к. и. н. А. Е. Жукове, кроме того, что он в 1990-х годах руководил Сектором исторических проблем Японии.

Наконец, последним, которого знаю, был Д. В. Стрельцов, в феврале 2003 г. защитивший историческую докторскую диссертацию в Институте востоковедения. Позвонил мне в кабинет в ИСК РАН, принес читать книгу – так все начиналось. Добротная получилась работа. Примерно через год ушел возглавлять Кафедру востоковедения в МГИМО. Массу книг написал за это время и неплохих! Серьезная личность, наверное, сейчас в нашем японоведении.

Возвращаясь к истории карьеры, скажу, что тем временем, когда думал о диссертации, каждый месяц (иногда чаще) приходил в ИМЭМО «самообразоваться» – почитать научные записки и сборники научных тенденций по работе японского правительства (подборы иностранной прессы, рефераты), чтобы быть в курсе. Делал через два центра – пресс-центр и зал конъюнктуры. Набирался проблематики и осмысливал будущую работу (один день в неделю!). Получался, был в ИДВ «командировочным» развед-

чиком, изучающим на месте тактику соперника из ИМЭМО. Но так и вышло – шеф был изгнан, а его ученик – нет. Так началась работа – с чтения японских ученых (диплом), она с перерывом стала продолжаться при работе над диссертацией. Продолжалось долго – читал японоведную литературу и дополнял не страновыми книгами, а общими (по языковедению, культурологии, иногда теории международных отношений). Вслепую нащупывал, подбирал, дополнял авторами багаж. Своеобразный «кризис» усиливался в самоопределении...

В мае 1988 г. после затянувшегося не по моей вине перехода в Институт США и Канады (по приглашению В. П. Лукина с подачи оказавшегося оппонентом по диссертации Михаила Григорьевича Носова – впоследствии член-корреспондента РАН) ушел из Института Дальнего Востока. На них проработал с 1977 г. по 1988 г. (стажер, младший и старший научный сотрудник с 1977 г. по 1988 г.).

Козьменко

И. В. Козьменко оказала значительное влияние на мою специализацию. Проработала на Кафедре международных отношений и внешней политики СССР с момента, когда в начале 1950-х лет ее судьба забросила в Московский институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР, всю жизнь. И до университета говорила на иностранных языках (французском, немецком и английском), по подготовке к владению готовилась специально – закончила техникум по этому делу. Переводы делала легко, с изобретением, отлично, что потом доказывала в работе.

Поступила на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, а после завершения – на работу в Библиотеку им. В. И. Ленина, в Отдел рукописей и документов, это была первая ее основная работа.

Университетская жизнь была интересной и насыщенной – после окончания обнаруживаются целые тетради-конспекты по темам того времени. Есть даже общая в 96 листов, посвященная дипломной работе И. В. Козьменко – о русских патриотах в либеральном движении XIX века. Научным руководителем была

академик РАН Мелица Васильевна Нечкина, известное в России историческое имя.

Рассказ об университетской жизни сбивает картина Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Из выживших мужчин выпуска двое дожили до окончания, остальные погибли. Одним из уцелевших оказался профессор Михаил Филиппович Юрьев (Фишелевич), китаист, он встретил Ирину Васильевну на Совете по защите диссертаций, будучи членом совета в Институте Дальнего Востока в апреле 1983 году (когда я защищался). Руководил Кафедрой новейшей истории Китая в Институте стран Азии и Африки до 1980 года.

Потом И. В. Козьменко пошла в аспирантуру, заочную, без отрыва от основной работы. Научный руководитель был со стороны, из Института славяноведения, профессор Сергей Александрович Никитин – сложный человек, о нем разные вещи говорили по углам, «за чаем». Твердо знала: в работе, которую она сама писала, содержалось открытие рукописи архива как нового источника материалов. В его работах о документации того же времени, там тоже написано, но об открытии, принадлежавшем не ей, а ему – так он утверждал. Она с ним бурно объяснялась тогда же, но... его манера говорить, ненавязчиво, тихим голосом, со скрытой угрозой, с приглашением к новым идеям взяла верх.

Спорить об этом и продолжать работу под его руководством не стала, не смогла – он работал в Институте славяноведения. Надо было защищаться, выбрала это. Может в этом секрет выбора: она не пыталась устроиться на работу в тот институт. Подвернулся подходящий случай – предложили пойти Ученым секретарем в МГИМО, и она с восторгом согласилась.

В Библиотеке, где служила, когда училась в аспирантуре, была интересная работа – обнаружила архив по переписке МИДовского представителя в Болгарии с российскими министерствами, которые курировали эту работу. Новое, неизвестное и с фантазией было изложено. Ирина Васильевна написала *концепцию* политики болгарского устройства, которая складывалась у министров иностранных дел и военных России относительно будущего положения дел в нарождавшемся Царстве Болгарском в последней четверти XIX века.

В МГИМО преподавала почти сорок лет – 1950–1986 г. Два курса – истории международных отношений 1878–1917 г., а также Болгарии, с начала истоков до современности. Студенты конца 1970-х годов любили «бабушку дипломатии» – так называли ее за палочку, с которой ее иногда видели. Она сломала ногу и, поправившись, прибегала к подобному инструменту для облегчения хождения.

Болгарские интересы на второй план не отходили, была в курсе дел, открытий, интересов, веяний Сектора новой и новейшей истории славяноведения Института славяноведения и балканистики. Ее представляли – «международник по общим делам и специалист по истории Болгарии». Работала на двух кафедрах: основной – международных отношений и внешней политики СССР, и второй – истории Европы и Америки.

«До старости» сектором Института славяноведения руководил «бывший шеф» С. А. Никитин (до 1970 г.), а она «на стороне» писала работы. Жаль, не довела до докторской диссертации в России, хотя почти удалось сделать это в Болгарии, довести до ума читателя открытия XIX века. Лучшая ее книга написана на болгарском языке и в той же стране издана¹⁸. Русские разделы написаны в России, главы в одной из общих работ Института славяноведения.

Остались друзья – две подруги Н. В. Зуева и Е. М. Шатохина, да ее приятель Акоп Арутюнович Улунян работали в Институте славяноведения. Было здесь что-то странное – большая любовь в том академическом институте, и никакой приязни в этом *родном* МГИМО. Совершенно *никаких* друзей, кроме старшей лаборантки с высшим образованием Н. Ф. Потаповой. В дом приглашались люди из Института славяноведения, юбилей отмечали они же. Торжественное награждение И. В. Козьменко Орденом Кирилла и Мефодия (май 1981) – они же.

В МГИМО были грамоты и произносились слова, объявлялись приказы. Банкет по случаю 60-летия – приглашается кафедра, зачитывается Почетная Грамота Верховного Совета РФСР – люди с кафедры, юбилей МГИМО – посещение приема в институте или

¹⁸ Козменко И.В. Руската дипломация и формирането на българската държавност след освобождението. – София, 1982.

за его пределами (Дом союзов на бывшем проспекте Маркса). Ничего «выходящего за рамки».

Общались с лета 1971 г. по весну 1986 г., пятнадцать лет, период завершения становления личности и моей тоже, хоть не было даже отдаленного сравнения с ней.

О родителях рассказывала осторожно, скупно, прислушиваясь к тому, что слышат другие, и когда уверена, что не страшно, то рассказ звучал увереннее. Отец Сергей Дмитриевич Козьменко происходил из маленького города Львова Курской области. В какой семье – трудно сказать, не самой простой, известно только, что учиться, получать высшее образование выбрал он сам (будучи украинцем) и долго над этим работал. Имеются свидетельства об окончании высшей школы.

Углубился в работу инженера-путейца Министерства путей сообщения (железных дорог) и ушел в работу с головой. Портрет в карандашном исполнении висел в большой комнате на стене, на плечах «подполковничьи» (эквивалент в службе путей сообщения) погоны, строгий, напряженно смотрит вниз. Известно, что закончил плохо – сошел с ума и последние дни его были проведены в специализированной больнице. Попал туда уже в солидном возрасте и прожил несколько лет до конца 1950-х годов. Впечатление оставил строгое, страдающее, но отстраненное, облаченное в слова о «душевной больнице». Больше ничего.

Мама Елена Антоновна Кизиченко (родилась 24 мая 1888 г.) была родом из мещан города Рыльска Курской губернии (бумаги имеются). Окончила экономическое отделение Московского коммерческого института 8 мая 1917 года, имела от него документ. Наверное, тоже украинка, хотя нигде не указывается. Переписка (сохранилась по почтовым открыткам) велась на русском языке. Закончила трагично: рак дыхательных путей. Умерла во второй половине 1950-х годов. Память осталась светлая, радостная, поющая, любящая. Украинские нотки, надо сказать, ощущались. Дни рождения и смерти родителей отмечались одинаково – с фотографиями, установленными на полке с книгами в большой комнате. Фото не сохранил, но дипломы есть.

Замуж Ирина Васильевна не выходила, трудно сказать отчего. Родилась второй дочкой у «запоздалых родителей» (первая умер-

ла). Болезнь мамы, а затем заболел отец. Не узнавал близких, был в больнице. После смерти И. В. Козьменко освободилась, но ей было 40 лет.

Романы, конечно, были – в 1960-е сильные (женатый инженер путей сообщений), потом в 1970-е – тоже женатый, врач-костоправ, заведующий отделением (значительно моложе ее, знакомство связано с переломом ноги), затем в конце 1970-х молодой дипломник (под 30 лет и неженатый). Также на расстоянии, насколько понимаю. Во второй истории в дом на Новой Басманной улице (рядом метро «Лермонтовская» или «Красные ворота») в гости приходила семья с детьми и женой.

И. В. Козьменко была заядлой театралкой – Художественный театр, Драматический театр им. Вахтангова, Большой театр, Театр имени Моссовета, Театр комедии на Таганке и другие театры. Затем Большой зал Консерватории, Дворец съездов в Кремле, концертный зал «Россия», цирк... Писала о театре – удачно о спектакле Таганрогского театра и их артистах в году 1965 г., кажется. Знала артистов провинциалов, театралов и непростую их жизнь.

Но квартира была настоящим музеем! Книги были на всех полках потрясающие! Одна из них занимала стену в большой комнате (художественная), а вторая – (история) весь коридор. Добавим шкаф, точнее, шкафчик, «по грудь» с двумя открывающимися створками в малой комнате. Наверное, ее отца надо благодарить. Дореволюционные издания – Лермонтов, Тургенев, Мережковский, Толстой с иллюстрациями, Пушкин и Байрон в издательстве Брокгауза-Ефрона, Некрасов, Пичковский, Грибоедов, Надсон, Валишевский, великолепная подборка стихов на темы дней рождения «Дума за думой», французские романы... А еще двадцатитомник «советского» Голсуорси, Гюго (двухтомник), Дюма, Мольер, Конан Дойл (однотомник), Руставели (однотомник) – да масса всего... Читал, читал и читал!

Не говорю об исторической литературе – дневники, мемуары, записки, история КПСС в прижизненных резолюциях (красный трехтомник), Тарле (двухтомник о Крымской войне), двухтомник С. С. Татищева об императоре Александре Втором, Бисмарк, Витте, Коленкур, истории великих держав А. Дж. Тейлора, Антонэн Дебидур (двухтомник по XIX веку)... Книга мемуаров классика

американской литературы, художника и писателя Рокуэлла Кента – «Это я, Господи» и картина «Эскимос в каяке»... До сих пор храню книги, бережно отирая с них пыль.

Библиотека домашняя, хотелось чаще к ней приходиться, ...только жизнь брала свое. Но придавало повышенное уважение к И. В. Козьменко, нельзя воспринимать ее иначе, как хозяйку «дома чтения и обмена».

Многое воспринимаешь теперь совсем не так, как раньше. С первого курса начал с «Отверженных» Гюго и потом «заел» их мемуарами Р. Кента. Классическая школа – медленная, кропотливая, не сразу дающая результаты. Ирина Васильевна никогда ничего не спрашивала, потом я начинал выпрашивать подробности об авторах. Она пила чай и не спеша рассказывала, по ходу удивляясь моим знаниям, но и подправляла незаметно их своим значительно более обширным пониманием и опытом.

Затащила студента сопровождать ее в Институт славяноведения, находившийся в старом здании между Калининским (Новый Арбат) проспектом и Поварской (не помню переулочек). Войдя в приземистое небольшое здание, был потрясен необычной картиной – сотрудники в институте целуют Козьменко, она ведет серьезные разговоры. Осторожно спросил, что это такое *странное* происходит в этот день? *Присутственный* день – был железный ответ. Потрясенный ушел оттуда с мятежной мыслью: так вот, как оно бывает, на самом деле... Год был примерно 1974-й, середина января.

Большую часть времени во второй половине 1970-х годов она проводила уже дома. Жила в начале Новой Басманной улицы, и, по впечатлениям молодости, район носил живой отпечаток ее деятельности, это трудно было не заметить. Сквер вокруг М. Ю. Лермонтова, где она жила, ее хлопотами был обнесен оградой. Памятуя, как она ходит к метро, по годам помнишь этапы установления каждого светофора для пешеходов – сначала два через Каланчевскую улицу, а потом подземный переход через Садовое кольцо – для прохода к старому входу в метро (подземного перехода еще не было). Как преподаватель много внимания уделяла внешнему поведенческому наследию, которое хотелось кому-то оставить.

Отвечая на вопрос о том, кого из классиков, работающих на Кафедре ИМО в МГИМО, она знает, Козьмено, не задумываясь,

отвечала: «Владимир Георгиевич Трухановский¹⁹, Вера Ивановна Московченко²⁰... и все». Потом подумав и поморщившись, добавляла: «Ну, может быть, можно сказать, Волков²¹, но он... не очень...». И энергично *отрицательно* качала головой. Лицо делалось сморщенным, болезненным, брезгливым. Гадостное, связанное с ним, наверное, невольно вспоминалось...

Подругой на кафедре была Н. Ф. Потапова. Помню отчетливо – живая, подвижная, умная и на ходу быстро ориентирующаяся. Жизнь любила и другим помогала.

Ирина Васильевна обожала печь пирожки на заседания кафедры, приуроченные к праздникам, – целых два подноса. С капустой и картошкой – ели и хвалили. Она чувствовала себя гордой, в центре внимания.

«Молодые...», – говорила она, скептически улыбаясь. Разделяла четко в одну сторону – Наталью Кирилловну Капитонову и Татьяну Алексеевну Алексееву. Обе ушли, как смогли, в другие институты – Дипломатическую Академию и Институт мировой экономики и международных отношений. Прошло время, постепенно рассосалось, и они возвратились в 1990-х годах в МГИМО. Обе защитили докторские.

В другую сторону мысленно отправляла остальных: Ольгу Русакову, Ирину Пономареву, Ильхама Алиева... Аспирантов... не было, то есть они были, кандидатами становились, но *работать* было некому! Кандидаты исторических наук А. К. Пушкин и И. А. Ахтамзян-младший кое-что полезное подхватили.

Из «домашних» стоит назвать «дядю Мишу» – Михаила Григорьевича (Айзенштадта?). И его, как он говорил, *племянницу* Лидию Пантелеевну Ягупову, ездила из г. Жуковского. Они составляли тесный круг – ссорились, мирились, потом снова и опять замирялись.

¹⁹ *Трухановский Владимир Георгиевич*, д. и. н., профессор, академик РАН и заведующий Кафедрой ИМО 1960–1975.

²⁰ *Антюхина-Московченко Вера Ивановна*, д. и. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ. Оба работали в МГИМО.

²¹ *Волков Федор Дмитриевич*, д. и. н., профессор, в МГИМО работал до середины 1990-х годов.

После окончания института сыном Мишей Трухановским в 1975 г. отец его В. Г. Трухановский (ученица его, кстати, Н. К. Капитонова) уволился. И. о. зав. кафедрой был д. и. н. Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян, потом к. и. н. Иван Алексеевич Кириллин, а затем д. и. н. Всеволод Борисович Княжинский.

Ладила И. В. Козьменко со всеми с возрастающим трудом, но свои полставки (0,5 ставки соответствовало 160 руб.) в 1980-е годы выработывала полностью. Хотели уволить, но крик поднялся такой, что от идеи отказались и перевели на часть оклада. Ходили о ней говорить – Анатолий Андреевич Злобин, потом В. И. Московченко с Ф. Д. Волковым пошли к проректору по общим вопросам к. и. н. Михаилу Афанасьевичу Пережогину, на один глаз слепому (после войны). Вера Ивановна сказала фразу: «И не отнекиваются от помощи, таким как она ... *беспомощным*», – медленно выговорила она фразу, глядя в единственный глаз Пережогина (в пересказе Козьменко).

Писала о ней ректору МГИМО д. и. н. Николаю Ивановичу Лебедеву и М. В. Нечкина письмо с аргументами в защиту бывшей дипломницы Козьменко – каплю это возымело. Отступили, оставили Козьменко дорабатывать (работал на той же кафедре).

Вскоре переехали с Метростроевской улицы в новое здание МГИМО на проспект Вернадского. Медленно шла старость и с нею – болезни. Нога побаливала, общая вялость медленно одолевала. Новая болезнь – я не знал, но чувствовал. Козьменко, кажется, понимала гораздо лучше. Зависимость диеты от этого. Говорила кратко, скупно.

Случилось не так, как ожидали. Женя Кирпиченкова, к. фил. н. из Московского института иностранных языков им. Мориса Тореза (тогда иначе назывался), в конце февраля 1986 г. отвезла ее в больницу. Именно Женя общалась с ней в последний год чаще других. Нога, внезапно заболевшая, дала повод к ампутации, на второй день добавившееся к этому нарушение разговорной функции, что завершило картину. Перевезли из районной больницы в хирургию Лефортовской клиники, и там она через два дня скончалась. Сказали о главной причине – рак поджелудочной железы.

Когда случилось (был март), обратились к А. А. Злобину, он был тогда партгором Кафедры. Наследницей Ирины Васильевны

была Елизавета Дмитриевна Плетнева, неродная, просто подруга, у нее несколько лет жила, а потом вышла замуж за москвича Виктора и переехала в микрорайон Бескудниково. Она просила меня договориться с МГИМОВцами.

Проректором по иностранному развитию был к.и.н. Юрий Алексеевич Дубинин, кафедральный «имовец», «свой». С его помощью сделали, как планировали. Прощанье в вестибюле академического зала института (студенты второго курса), потом на автобус и в Николо-Архангельский кладбище-крематорий (г. Балашиха). Попрощались окончательно. Прах захоронили через полтора месяца на Донском кладбище. В колумбарии, там же трое ее родственников. Надпись на доске – «Козьменко».

Ирина Васильевна встретила свой последний возраст как человек, заслуживший право именоваться международником и болгаристом. Она умела говорить слушателям необычное, а коллегам в изучении Болгарии и студентам позволить обращаться к себе как к мэтру, доказавшему право на открытие *нового*.

И.В.Козьменко сыграла видную роль в определении моей научной ориентации, выборке книг, рукописей и вольной манеры рассуждать. Спасибо за терпимость, круг общения, нацелила взгляд вокруг меня и на себя, критику и самокритику. Не важно, что в нужный момент я легко перешел ограничения в профессии, которые она ставила. Ирина Васильевна не была свидетельницей этого. Умная, обогнавшая время и этим выбивающаяся из круга обычных людей, хотя подвластная слабостям, ревности, любви и болезням. Брала новое, переиначивала, придумывала, оставаясь на уровне. Ощущаю мягкую, нежную, но твердую руку, направляющую в верном направлении.

Институт США и Канады

Переход из Института Дальнего Востока завершился в мае 1988 года. Ученым секретарем в ИСК РАН был Игорь Евгеньевич Малашенко, директором – академик РАН Георгий Аркадьевич Арбатов, заместителем директора – будущий заместитель министра обороны РФ и Секретарь Совета безопасности РФ академик

РАН Андрей Афанасьевич Кокошин, заведовал отделом внешней политики Генрих Александрович Трофименко, бывший заведующий сектором тихоокеанской политики США Владимир Петрович Лукин (будущий посол РФ в США, заместитель председателя Государственной Думы, Уполномоченный Президента РФ по правам человека).

ИСК РАН был одним из нескольких средоточий вольномыслия в Москве. Борьба за признание в институте была главной. Мнения коллег в ИДВ не казались репрезентативными. Самооценка занижена – что в секторе запросто сказала Екатерина Владимировна Егорова-Гантман (дочь В.И.Гантмана), работавшая в соседнем секторе звезды ИСК РАН – Андрея Вадимовича Кортунова.

В январе 1989 г. в советских журналах – «Коммунист», «Международная жизнь» и «США: ЭПИ» – вышли три статьи. Они были написаны в соавторстве, но это были МОИ. Весной 1989 г. Леонид Михайлович Млечин, заведовавший отделом в «Новом времени», опубликовал «громобойную» нашу с Носовым статью, в которой содержалась позитивная оценка японо-американского союза. Маленькая сенсация – стала приходить известность.

В Институте заместителем директора стал член-корреспондент РАН (2011 г.) Виктор Александрович Кременюк. Он заметил меня и стал поддерживать. Импозантный, красивый человек. В апреле 1989 г. впервые послал меня в США. Чувствовал себя окрыленным.

К этому подвигала обстановка в ИСК РАН. В отличие от ИДВ там существовала мысленная раскованность, не было запретов – писать можно было всем. Если удавалось пробиться в «большую» печать – за тобой признавали право на тему. В Институте образовалась группа активных авторов. Первым был А.Кортунов, но его «подпирал» сидевший рядом со мной в секторской комнате Костя Плешаков (Константин Викторович переехал в США в 1996 г.). Затем следовал Алексей Изюмов, отбывший в 1990 г. в США, ставший преподавателем в Университете Луисвилла (Кентукки) и пишущий о России для международных журналов. В 2004 г. случайно повстречался с ним у профессора Чака Зиглера в Луисвилле.

После них шел я, потом Катя Егорова и Миша (Михаил Михайлович) Кожокин, ставший в 1996 г. вице-президентом банка

ОНЭКСИМ, а 1998–2003 г. – главным редактором «Известий». Следили друг за другом и старались не отставать – писали азартно, увлеченно. Из нашей группы должны были выйти руководители Института в следующем десятилетии, если бы не политика правительства, подорвавшая в 1991–1997 гг. Академию наук.

С конца 1980-х годов определились два потока публикаций: «остаточный» – по тихоокеанским исследованиям и новый – по общим проблемам международных отношений, внешней политики России и теории мировой политики.

Весной 1990 г. Георгий Фридрихович Кунадзе (будущий заместитель министра иностранных дел и посол в Южной Корее), бывший тогда директором Центра японских исследований в Институте мировой экономики и международных отношений, предложил перейти на работу к нему. Посулил должность ведущего научного сотрудника – большая удача, так как я был кандидатом наук, а на такие должности обычно брали докторов.

По совету отца, не стал спешить с переходом в ИМЭМО и в результате переговоров с Кременюком в 1991 г. получил сектор в ИСК РАН. Это был Сектор сравнительных внешнеполитических исследований. Распался СССР, и потребовалось создать сектор политики в отношении СНГ. Участок поручили мне в 1993 г., потом сектор преобразовали в Отдел евразийской политики США, которым заведовал до сентября 1996 года. В марте защитил диссертацию на соискание степени доктора политических наук «Конфронтация и стабильность в отношениях США с СССР и Россией после Второй мировой войны (1945–1995 гг.)».

К 2003 г. было опубликовано семь книг (четыре по регионоведению, две по истории и одна по теории международных отношений) и около 100 других работ. Более 190 п.л. на четырех языках. Сведения включены в шесть справочников и энциклопедий: первые (неточные и неполные) – в «Библиографический словарь российских востоковедов» (сост. С. Д. Милибанд, 1982), японские справочники Who is Who in the Japanese Studies (1985, 1998), справочник «Международные исследования в России и СНГ» (1999), энциклопедический справочник «Россия-2000. Лица России» (2000) и в других. Кажется, 15 книг и сборников увидели свет под моей научной редакцией (250 п. л.).

Стиль сложился под впечатлением от работ нескольких людей. Вера Михайловна Красовская – историк балетного театра, которая поразила умением «походя», но безупречно в точку «припечатать» словом. Некоторые фразы помню наизусть. От нее – ориентация к скупой выразительности текста. Затем Грюнебаум – тяжелый немецкий стиль. Оттуда – отсутствие страха быть непонятым из-за тяжеловатости. Впечатление от Грюнебаума было пропущено через чтение Елизара Моисеевича Мелетинского – фольклориста и этнолога, который писал по-русски, как Грюнебаум по-немецки.

Это сплывилось воедино в конце моих двадцатых – в пору чтения М. И. Цветаевой. Она не только окончательно убедила в нужности выражаться скупой, но и подвигла к крамольной мысли: значения слов – рукотворны. Если до тебя слово не употребляли, то это не значит, что оно не может передать именно тот оттенок ощущения: до тебя это ощущение никто не переживал. Цветаева втащила внутрь «текстотворчества» и обогатила невероятно.

Был членом правления общества «СССР-Япония», Общества российских японоведов, редколлегии ежегодника «Япония». Но все было несерьезно. С 1999 г. главный редактор выходящего в Москве американско-русского журнала «Pro et Contra» Марина Павловна Павлова-Сильванская пригласила стать членом редколлегии журнала.

С 1991 г. начал преподавать – почасовиком в Дипакадемии, затем в МГИМО, потом на четверть ставки преподавателя, полставки старшего преподавателя и доцента.

В 1993 г. выиграл стипендию АЙРЕКСа и на 3 месяца поехал в научную командировку в США – Институт Гарримана при Колумбийском университете. Важное знакомство – Марк фон Хаген. «Зацепился», на следующий год пригласили читать лекции на летней сессии студентам. Случаем о курсе узнали в Принстоне. Предложили подать заявку по России и СНГ. Роль сыграло знакомство в 1991 г. на конференции в Беркли с профессором Гилбертом Розманом, американским китаеведом. Случай улыбнулся: Павел Александрович Менакир – претендент из Хабаровска (будущий академик ДВО РАН) – отказался приезжать, и курс достался мне. Осенний семестр 1994 г. проработал в Принстоне – чудное место для того, чтобы умереть лет в 75 в окружении семьи и родственников, но...

Был в заграничных командировках и просто так более 60 раз в 32 странах: США, Франция, Япония, Германия, Китай, Южная и Северная Корея, Вьетнам, Австрия, Бельгия, Италия, Великобритания, Венгрия, Болгария, Румыния, Польша, Турция, Греция, Индия, Дания, Египет, Швеция, Норвегия, Грузия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Украина, Молдавия и Израиль.

1996 год оказался для меня грустным и рубежным. Под давлением материальных обстоятельств оставил работу в ИСК РАН и перешел на должность профессора в МГИМО МИД РФ, где поручили наладить на факультете МО магистратуру по международным отношениям. Одновременно начал работать в Московском общественном научном фонде. Радости перемены не принесли.

Марковичи

Хождение в дом не исчерпывает палитру знакомств с «полезной» Москвой. Много мест, необходимость знакомства с которыми составляют печальную неизбежность или нечто другое. С годами сложилось общение с домом Марковичей, которое взяла на себя со второй половины 1970-х годов Ноэмия, младшая сестра Нелли Яковлевны. Импозантная дама, но болезненной внешности, была научным редактором издательства «Экономика». В то время – довольно важное место. Дом был «воплощением книг» – три комнаты и все завалено книгами. Было очень симпатично. Много пережили, и кое-что из этого переключалось на меня. Продолжалось несколько лет, потом младшая сестра умерла 22 сентября 1988 года.

После ее смерти началось общение с сестрой. Родилась 6 января 1908 г. (значительно старше сестры) и умерла в начале ноября 2011 г. в Москве. Кандидат биологических наук, работала старшим научным сотрудником в медицинском институте министерства здравоохранения, сектор, в который она входила, занимался борьбой с малярией (расположен в Хамовниках).

Общаться начали лишь после смерти Ноэмии и по настоянию Нелли. Пробовали восстановить по хронологии – с самого начала рассказывала о жизни, переломляя на свою большую семью. Была

твердо уверена, что я еврей, потом очень удивилась, узнав, что нет, но все равно сочла, что можно общаться. Постепенно завязались отношения и пообщались тридцать три года!

Было время, когда часто приходил к ней – картошки, еды было не много, а она казалась очень старой. Ходил с купленными продуктами (жила на Средней Пресне, не так далеко от Института США и Канады, в переулках на Поварской улице, где я работал). Денег не просил, да она и не предлагала. О возрасте долго не знал, и только с годами ее соседка по коммуналке под «большим секретом» сказала об этом. Был очень удивлен, но ничего у нее выяснять не стал. Квартира была уже «коммуналкой»: в отдельную подвели две разные семьи. Но они как «старые, дореволюционные хозяева» владели в ней тремя комнатами.

Бывали часто в Большом зале консерватории – раньше троллейбус ходил от метро «Краснопресненская», потом его отправили несколько другим маршрутом, и добираться стало не очень удобно. Говорили часами, но расходились не позже половины одиннадцатого вечера. Рассказывала о молодости в 1930-х годах, которые совпали с борьбой с эпидемиями малярии в Средней Азии, потом Закавказье и Северном Кавказе, а также в юго-восточных районах Сибири (Тува). Потом перешли к Отечественной войне, во время которой она работала ветврачом, оберегала от эпидемии военнослужащих и гражданских людей. Иногда рассказывала о своем «муже», но предельно кратко, он погиб в войне и фамилию носил другую.

Потом наступила опасная полоса – еврейские гонения И. В. Сталина в конце 1940 – начале 1950-х годов. Слушал это внимательно, пытаюсь соединить с внешней политикой и сделать выводы, сообразив. Она не выставляла «счет», а просто констатировала: было тяжело. Работу сохранила. Потом условия во времена Н. С. Хрущева и позже не вызвали у нее особого протеста. Жизнь словно делилась на два периода – Сталин и после него.

Было очень интересно. Образно представляешь, глядя на стены, мебель и человека, который это сквозь себя пронес. Не спеша, без лишней торопливости рассказывала. Мне было под 30 лет и чувствовал, как нелегко ей было. Антисемитизм, вошедший в быт человека, и человек перерождается.

Посещал квартиру на Средней Пресне, особенно в период 1982–2008 годов – почти каждую неделю. Бездну разного знала – всего не упомнишь. Попыталась восстановить знакомство с городом Пушкино (Московская область), съездив и оживив его восприятие (две вылазки) или места чьей-то жизни (Вешняки или Кусково в Москве). Воспоминания на протяжении истории различались – сначала острые, потом спокойные. Я тоже постепенно, не очень заметно, но старел. Чувства стали более раскрепощенными, встречи свелись примерно к шести–семи за год. Выдающаяся женщина, хотя нелегкая.

Сохранились фотографии Нелли Яковлевны Маркович – когда она без приглашения пришла, притащилась с покупками (!) ко мне в квартиру в Вешняках (метро «Ждановская-Выхино»), воспользовавшись поводом моей болезни! Сидела на фоне купленного у нее мною энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона в 88 томах XX века. Трудно забыть – май 1996 года. Умерла в ноябре 2011 года, было около 103 лет.

Вторая половина 1990-х годов

Дальше последовали три хорошо обеспеченных материально и гнетущих в смысле творчества года. Работа в Фонде была напряженной и административной. Правда, денег было достаточно. В 1996 г. на заработанное смог издать «Великие державы на Тихом океане». МОНФ дал книге номер ISBN, за что был упомянут на обороте титула. В остальном книжка получилась моя.

«Великие державы» дала мне статус ведущего автора в области тихоокеанских политологических исследований. На книгу вышло три рецензии в «Экслибрисе» «Независимой газеты» и одна – в журнале «Мировая экономика и международные отношения», написанная Николаем Алексеевичем Косолаповым, специалистом-теоретиком, которого считал превосходящим себя. Рецензия была в меру критичной, но профессиональной. Был отзыв на английском языке в «Foreign Policy», написанный, правда, русским автором М. П. Павловой-Сильванской.

Кто-то (А. Г. Яковлев из Института Дальнего Востока) робко поругивал книгу, но она быстро была признана в сфере восточ-

ноазиатских исследований. Признание было, судя по реакции на выступления и на фамилию в востоковедных аудиториях²². Теперь со мной серьезно говорили директор Института стран Азии и Африки при МГУ Михаил Серафимович Мейер, директор Института Дальнего Востока (откуда уходил в мае 1988 г.) Михаил Леонтьевич Титаренко. Академик В. С. Мясников общался хорошо – был оппонентом по моей докторской диссертации.

В 1998 г. он собирался было занять место академика-секретаря Отделения истории РАН и уйти с должности зам. директора ИДВ РАН, где работал. В предвидении этой перемены он месяцев за девять предложил было занять его место в ИДВ. Ответил ему отказом.

Ситуация была непростой. В Фонде держали большие деньги. Слишком хорошо помнил нужду в 1992–1995 гг. (было три месяца в марте–июне 1995 г., когда ел присланную отцом из Нальчика крупу, на масло не было денег, а вареная колбаса покупалась по полкило три раза в месяц). Отец, узнав о колебаниях, высказался определенно: работа в Фонде плоха, но заработать деньги трудно. Был встревожен материальным положением новой семьи брата в Калининграде, куда переехала Митина дочь от первого брака Галя.

Мысль о возобновлении академической карьеры, уйдя в Фонд, была мотивирована не только неудовлетворенностью, но и ситуацией в МГИМО. Пришел к первому проректору Ивану Георгиевичу Тюлину, который меня знал по предшествовавшим годам работы на кафедре. Принес проект Кафедры теории международных отношений, которую просил создать. В ответ Тюлин сказал, что создание кафедры – дело долгое. И предложил возглавить в МГИМО проект магистратуры по международным отношениям на базе принесенной мною программы. Но на кафедре остался прежней – ИМО. Программа была за три года создана и заработала. В 1999 г. первые магистры получили дипломы.

К лету 1998 г. Андрей Юрьевич Мельвиль «провел» вопрос о создании в МГИМО Факультета политологии. На этом факультете была создана Кафедра мировых политических процессов (заведующая М. М. Лебедева). В развитие темы международно-полити-

²² В 2003 г. «Великих держав» перевели на казахский язык и издали в г. Астане. Говорю не без улыбки, но все-таки...

ческой части программы была положена та, что я принес Тюлину в 1996 г. По ней и заработала магистратура с моим приходом.

Ректор МГИМО Анатолий Васильевич Торкунов, которому можно было пожаловаться, ответил: «Я не знал, что у тебя есть такие амбиции, и думал дать тебе Кафедру востоковедения...». Но я не считал себя истинным востоковедом и публиковал статьи по общим проблемам. Спорить не было смысла.

В июле 1998 г. благодаря «доброму гению» Александру Леонидовичу Чечевишникову получил приглашение работать аналитиком в еженедельнике «Век». Главным редактором был Александр Германович Колодный (19 января 1938–13 июня 2013). Газета придерживалась либерально-центристской, но государственнической ориентации. Классный автор по внешней политике, но я мало писал о внутренней. «Век» же интересовали домашние сюжеты. Материалы стали печататься на первой странице, и стал со временем ведущим автором «Века». К тому хорошо, а с 1999 г. – очень хорошо оплачиваемая работа.

Было интересное занятие, поскольку оно делало меня «предсказателем» по российской внутренней политике. Трудно сказать, что в этой работе было главным, на что наводила даже крошечная информация, но интуитивно «лепили», делали работу. Один раз в неделю, собравшись на вечернее заседание (с девятнадцати до двадцати трех часов), человек двенадцать сидели и думали, нащупывали общую для газеты тему выступления. Не всегда удачно, но что-то получалось. Выматывала эта работа ужасно, но в целом оправдывала себя. Работа продолжалась примерно до лета 2003 года.

А. Г. Колодный был человеком незаурядным, мозги отличные, связи в кремлевских кругах и правительстве – то, что было надо для «средмашевской»²³ газеты «Век» нового времени. Сильный, но внимательный, чуткий к чужим проблемам. Присматривался ко мне, вроде что-то ценное разглядел. Потом привык к нему, он приспособился меня всюду таскать за собой – в рестораны, кафе, визиты по людям, домой к себе или к знакомым, на дачи. Обсуж-

²³ По финансам принадлежала министерству атомного машиностроения РФ.

дали газетную работу. Жил он на одной из Фрунзенских улиц, в доме со «знаменитым» А. К. Пушкиным. Потом дело изменилось, и после моей поездки в Соединенные Штаты он приходил в МГИМО (примерно в 2006 г.) на проспект Вернадского в кабинет. Потом возник проект с молодыми «газетчиками» – не только из числа МГИМОВцев. Выступал в 2012–2013 гг. как мэтр своего дела. Но славы от этого не увидел, к сожалению – он умер от рака.

После моей статьи о положении дела на правом центре российской политики в «Независимой газете» позвонили от Александра Николаевича Шохина, тогда председателя фракции НДР в Госдуме. Встретился с ним, после чего работал при Шохине «личным аналитиком» – вместе с другим моим товарищем. Был уникальный опыт, хотя выгод не принес. В 1999 г. работал при избирательных штабах самарского губернатора Константина Алексеевича Титова (недолго, через посредничество д. ф. н. Алексея Алексеевича Кара-Мурзы) и депутата ГД Степана Степановича Сулакшина.

Увлечение работой с политиками, о котором рассказал Кортунову, вызвало раздражение – к чужим успехам бывал ревнив. Решил наказать и в декабре 1998 г. отдал мой лучший в Фонде проект другому. Было время уходить и отсюда. Набравшись смелости, позвонил Мясникову. Он понял и честно пояснил: ситуация изменилась, его не избрали академиком-секретарем.

Подобрал случай для разговора с Владимиром Георгиевичем Барановским, только что назначенным зам. директора ИМЭМО (академиком РАН впоследствии). Потом с Косолаповым, который заведовал Отделом международных отношений. Шансов не было.

На очереди был Сергей Михайлович Рогов, академик РАН, директор в те годы ИСК РАН. Переписка заняла два месяца, и числа 3–4 марта он принял меня. Через десять минут я понял, что «утаптыкает» до состояния, когда прекращу разговор сам. Он выговорил аргумент: «Вы не можете у меня занимать административную должность на полставки». Пришел мой черед удивляться. Спросил, отчего он думает, что прошусь *на полставки*. У Рогова изменилось выражение лица. И, получив безулыбочный ответ, он сказал: «Судьба не часто балует меня подарками. Давайте выпьем».

Договорились продолжить беседу через неделю. Обсуждали проект Факультета мировой политики при ИСК РАН (как подразделения ГУГН) с перспективой назначения заместителем директора по научно-методической и образовательной работе.

Из МГИМО уходил «беззвучно». После вручения дипломов зашел для доклада к Тюлину и в конце разговора положил заявление. Отпустили без звука – как в ИДВ в 1988 г. Остался работать на кафедре международных отношений на полставки профессора. Шел июль 1999 года.

Осенью стал прорабатывать вопрос о регистрации организации на базе старого Центра в Фонде. В марте 2000 г. появился независимый Научно-образовательный форум по международным отношениям. В 2002 г. Форум получил средства на издание нового журнала «Международные процессы».

В эти дни произошла встреча с Генри Киссинджером, знаменитым американцем, ученым, бывшим долгое время помощником по национальной безопасности президента, а потом государственным секретарем США. Приехал в Москву летом 2001 г. (был год подписания российско-китайского договора, Киссинджер много и со смешным негодованием говорил об этом). Хорошо был знаком с Арбатовым и Институт тоже знал. Состоялась встреча-беседа в кабинете директора ИСК РАН, на которой присутствовали почетный директор ИСК РАН Г. А. Арбатов, директор Рогов, зам. директора ИСК РАН М. Г. Носов, почетный директор Института Европы академик РАН В. В. Журкин, директор Института всеобщей истории академик РАН А. О. Чубарьян, зам. директора ИМЭМО В. Г. Барановский и я.

Было интересно, веяло живым дыханием истории. Но интеллектуально было тускло – Киссинджер изрекал вялые сентенции, которые вкладывал в книги 1990-х годов. Интеллектуально он был в 1970–1980-х годах в рассуждениях о возвращении «холодной войны». По его словам казалось, что он видит в российско-американских отношениях конца 1990-х аналогию кризису разрядки 1970-х годов. Но предречения новой «холодной войны» в американских СМИ шли с подачи устаревающего, как и он, Збигнева Бжезинского. Вот чем бывают нехороши классики. Так думал я, перебирая высказывания классика. Но бывают и отличия – интеле-

рес к Киссинджеру совпал с приходом на пост президента США Д. Трампа (2017 г.).

Гармония в карьерной ситуации длилась около трех лет. С осени 2002 г. начались острые разногласия с директором и в январе 2003 г. я ушел из Института.

Форум и проекты

С Институтом США и Канады связан этап в «открытии меня в самом себе» – сумел разглядеть новую сферу деятельности, через подход к молодым, талантливым людям, которые, как я сам, не могут вовремя «нащупать», найти место в профессии. «Переворот» связан с А. В. Кортуновым – он настоятельно внушал «надо попробовать», втянул в возню с иностранными деньгами (российских не было в начале 1990-х совсем). Откуда он это знал? Не знаю, наверное, что-то видел, слышал и быстро обдумывал, дозированно «советовал» – талант, несомненно.

Связался я с Российским научным фондом, из которого вскоре родился Московский научный фонд с большими деньгами (Фонд Форда), сулившими продолжение финансирования. С ним связано «культурегерская» профессия – школы, научные инициативы, выявление перспективных молодых людей, новое и перспективное в гуманитарной области. Интересовала международная и политическая активность, и со временем сосредоточился на этом. В 1996–1999 гг. разговор пошел о широкой аудитории – история, социология, политология и международные отношения, экономические науки, право и психология. Провел восемь крупных гуманитарных школ (дважды в год). Страшно подумать. Печальные, но по-своему интересные годы «дистанцирования» от научной работы. Руководил А. В. Кортунов, а я был директором «Школы конвертируемого образования».

В году 1976–1977 сошелся по работе с Александром Петровичем Стрелецким (1951). Тогда он работал в Комитете молодежных организаций при ЦК ВЛКСМ. От него шла манера «общаться свысока». Сблизились – в дружбе было много хорошего. Потом его не стали «задерживать» в комсомоле и настоятельно рекомендовали уйти с работы. Но в это время дела шли не всюду худо.

Сделали ему протекцию, определив на работу в фонд. Не здорово понравилось, но потом он быстро продвинулся в коммерческую фирму – не без подачи. Но долго там не задержался, нашел другую хорошо оплачиваемую работу, на этот раз без протекции. Через полгода опять оказался на улице! И вновь появился в знакомом фонде, на этот раз работая в узкой специализированной программе. Потом вместе с новым проектом ушел из фонда. Работал в новой организации. Было сложно различить, когда он видит интерес Форума, а когда и где – собственный. Потом наступил разрыв (следствие плохой работы), после чего больше не виделись. Было это примерно в первой половине 2002 г.

Тем временем удалось понравиться Фонду Макагуров (Т. Д. Жданова) и мне предложили профинансировать отдельный блок по международным отношениям. Получился в 2000 г. Научно-образовательный форум по международным отношениям (НОФМО) – организация, бравшая на себя функцию академических школ разных направлений. Искал и находил талантливых людей из Нижнего Новгорода, Томска, Воронежа, Волгограда, Санкт-Петербурга, Иркутска, Владивостока, Краснодара, Ярославля, Калининграда, Екатеринбурга, Ставрополя... «Блок» вышел неплохой.

Среди слушателей – (теперь) члены-корреспонденты РАН Ф. Г. Войтоловский (Москва) и С. В. Рязанцев (Ставрополь)! Доктора политических или исторических наук С. Г. Лузянин (Москва), Д. Г. Балуев и М. И. Рыхтик (Нижний Новгород), В. Н. Колотов и Е. В. Петров (Петербург), В. Г. Дацышен (Красноярск), Н. В. Греков (Омск), А. Ю. Быков (Барнаул), С. В. Голунов (Волгоград), В. И. Батюк и А. В. Виноградов (Москва), Е. Ф. Троицкий (Томск).

Кандидаты исторических и политических наук – А. В. Вашенко (Краснодар), М. А. Троицкий (Петербург), А. А. Фененко (Воронеж), А. Е. Кутейников (Петербург), С. Б. Кожирова (г. Астана, Казахстан), Г. Б. Ролл (Ашкзуина) из Эстонии, А. А. Касьянова (Томск), Н. А. Коробий-Батищева (Ставрополь), Д. В. Офицеров-Бельский (Пермь), А. А. Сушенцов (Оренбург–Калуга), А. Е. Фомин (Йошкар-Ола), А. А. Байков (Вологда), И. А. Истомин (Петербург) и Р. И. Гришанов (Владивосток). Д. В. Суслов – не в части писания, но выдвинулся среди многих выступавших. Прекрасное дело получилось.

Читали лекции новейшей волны, приглашая самых именитых лекторов – доктора исторических наук М. А. Чешкова, академиков РАН В. Г. Барановского и В. В. Наумкина, членов-корреспондентов РАН В. А. Кременюка и С. А. Афонцева, докторов и кандидатов наук М. А. Хрусталева, П. А. Цыганкова, Н. А. Косолапова, Ю. П. Давыдова, В. Г. Гельбраса, В. О. Печатнова, А. Ю. Мельвиля, О. В. Буторину, А. Д. Воскресенского, Т. А. Алексею, Э. Я. Баталова, Л. М. Дробижеву, Т. А. Шаклеину, М. В. Стрежневу, И. Д. Звягельскую, В. И. Дятлова (Иркутск), В. В. Дребенцова, А. А. Язькову... В эту когорту входил и я.

Наладили новый журнал «Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики». Выходил сначала три раза в год с 2003 г. под издательством НОФМО. Начинал с обложки – заметил художника, который взялся делать «Родную газету» вместо «Века». Сидел не очень молодой, в очках человек, серьезный, но улыбающийся и деловой. А. Г. Колодный, который организовывал, помог договориться о встрече с ним. Оказалась потрясающей – везде его мысль. Придумал формат издания, серый и малиновато-розовый цвет, вписал лозунг, набор рубрик, дизайн страницы! Оказался во всем докой – Сергей Львович Ветров, связанный с газетой, кажется, «Московский комсомолец». Но ведь какой умница! Было современно – отличный «аттрактор Лоренца» и лозунг «*Liberum arbitrium* – Свобода выбора» (оформлено по закону!), новые названия каждого номера, красивый внешний вид книжки, размещение текстов по две колонки на каждой странице, структура, придуманная мной, остается в основе неизменной. Придумано, конечно, мной, но воплощены им – художником Сергеем Львовичем Ветровым. С тех пор пятнадцать лет журнал не гаснет²⁴. По болезни стало невозможно им заниматься, дело и должность главного редактора перешла в 2012 г. к к. пол. н. А. А. Байкову.

Сделали две целевые книжки – в Волгограде «Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных

²⁴ См.: печатную копию «Международные процессы. Журнал теории и международных процессов» (выходит четыре раза в год). Интернет-версию см.: www.intertrends.ru.

территорий» под ред. С. В. Голунова и Л. Б. Вардомского (2002), а также в Москве «Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе» под ред. В. И. Дятлова и С. В. Рязанцева (2005). Была куча других книг... Пригодился Сергей Игоревич Дудин, сделавший в форме штампа для книг серии символ «Рукописи не горят» в виде саламандры в 1995 г. (другая моя задумка), в 2001 г. он добавил линии, а эмблему водрузил над этим.

По линии журналистской работы обращал на себя внимание новый материал в самом первом номере журнала – опус-миниатюра о А. В. Торкунове. Написанный свободно и самостоятельно, с опорой на «блуждающие слухи», мною интерпретированные, создавали корректный рассказ в текущий момент варианта изложения. Из опасения дал его прочитать. Через день получил приказ явиться в кабинет, что и сделал. Ректор был милостив, но одно место посоветовал изъять (о встречах, будучи молодым человеком, с тогдашним руководителем МГИМО Н. И. Лебедевым в конце 1970-х годов). Решил не рисковать и убрать. Прошло замечательно, хотя мысль о том, что останавливаться на этом пути, неверна, следует идти, как и задумывал, близко к *авторскому* тексту избранных людей.

С тех пор делал именно так – интервью с Струбом Тэлботтом, Сергеем Карагановым, Нодари Симонией, Натальей Ивановой, Виктором Кременюком, Марком Хрустальевым, Анжелой Стент, Анн дэ Танги принадлежат к числу блестящих страниц рубрики «*Persona grata / Лики и личности*».

Познакомился впервые с Т. Д. Ждановой в ИСК РАН. Защитилась при мне и работала над российско-американскими отношениями в соседнем секторе – пришел оформлять подписки на журналы и газеты (1988 г.). Потом (спустя год) ушла в фирму США, собирающуюся ведать российско-американскими связями. Подробности не знаю.

Потом стала работать в Московском научном фонде (МНФ) – 1996 год. Снова приходилось обращаться к ней – была директором московского филиала Фонда Макартуров. Давала деньги на поддержку летних школ дипломированных международников в

рамках конкурса, проведенного Фондом Форда силами нашей организации. Начались трудные переговоры ее с А. В. Кортунновым и мной. Линия укрепилась, теперь я мог вести нужные беседы самостоятельно.

Дело шло медленно, и после очередной тяжелой школы у меня вырвалось признание о том, что, наверное, денег больше нет и я закроюсь. На что она медленно, задумчиво предложила обратиться в Фонд Макартуров не в качестве сотрудника МНФ, а представителя независимого учреждения. Идея требовала раздумий, предполагала ряд изменений, и я в конце концов согласился. Накануне был 2000 г. со всеми новшествами от Научно-образовательного форума по международным отношениям. Организация отделилась от МНФ, стала независимой и начала работать.

Т. Д. Жданова приглядывалась к новому форуму, находя в нем что-то интересное. Я осторожно реагировал на вопросы. В процессе работы сблизилась, вскоре познакомила с греком Я. Николопулосом, общаться стали втроем. Бывали в Кусково или на ее даче близко от пересечения с речкой Пехоркой возле станции Красково. Фонд Макартуров работал интенсивно, покрывая сеть организаций много научных территорий. Досадно было решение о замене ее как директора, нам довелось еще три года дорабатывать последние деньги, полученные оттуда (2009).

Анатолий Алексеевич Соколов (1951) был редактором, приглашенным в Фонд для работы над журналом «Международные процессы». Осведомлен о его прежней работе в «Прогрессе» и о его системе научных интересов. Работал довольно трудно (2002–2009), но в принципе сработался с нами. Помню хорошо первую переводческую деятельность с вьетнамским языком, потом кандидатскую диссертацию в Институте востоковедения (1980-е годы).

И еще. Татьяна Алексеевна Шаклеина заведует кафедрой в МГИМО, которую я когда-то основывал. Знаю по ИСК РАН, где впервые столкнулся по работе (служила в сопредельном секторе). В начале 2000-х гг. защитила докторскую и издала книжку – добротная, приличная получилась вещь. Когда получил предложение пойти в деканы и создать кафедру, сразу подумал о ней. На новую структуру нужны были люди, и я задал вопрос об этом профессору Марку Арсеньевичу Хрустальеву (1930–2010), а спустя немного

времени – ей. Оба согласились и приступили к работе на Факультете политологии МГИМО. Работу делает она колоссальную, задерживаясь после положенного.

Жизнь стала полезней

Неспешно знакомился в 1974–1980 с Юрием Моисеевичем Ершовым (1944) – доктором-психиатром, вполне сложившимся человеком. Не часто навещал его. Интересовался психиатрией – на эту тему читал (А. М. Свядоца, К. Леонгарда), периодически обращаясь к нему за советом или рекомендацией. Он не отказывал. Потом переехал на «Каширскую», а позднее (2014) к «Речному вокзалу». Знал много и иногда рассказывал, а я в прошлые годы любил слушать – близ Психиатрической больницы № 1 («Кашенко») на Загородном шоссе или на просторе у «Каширской» – «Коломенской». Грустно-романтические истории о людях, героях похождениях на романтическом фоне.

В 1982 г. в театре со мной заговорил Владислав Александрович Костин (1937) – знал, кто такой, встречал его. Много был наслышан о его крутом нраве и либеральном характере. Лет ему было за 40, но выглядел моложе. Светский молодежь лев. Пригласил в свой дом на улицу, которая ведет от кольца к «Лермонтовскому» («Красные ворота») метро. Я медлил, тщательно обдумывал.

Он был востоковедом, политологом, окончившим Московский институт стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова и имевшим кандидатскую диссертацию по индонезийским компартийным делам 1960-х годов. Но потом, по разным причинам круто развернулся, сосредоточившись на работе в издательстве, общекультурной деятельности.

Посещения салона вылились в визиты раз в полтора-два месяца длиной в 30 лет. (От станции «Лермонтовская» пешком идти минут десять). Проводился строгий отбор и люди «просто так» в дом никогда не пускались, разговоры велись изысканные. Люди из балета не смешивались с «простыми».

Так было долго, однако нарушилось примерно после 2005 года. Его называли художником, и до сих пор есть некоторые сохранив-

шие его работы в Интернете, характеризующие его балетные предпочтения.

Обычно он сидел в роли хозяина на маленьком стуле лицом к гостям и весело пересказывал какую-нибудь порцию анекдотов. Например, не отрывая спины от стульчика, он изображал, как гранд-дама балета (ленинградского), перебирая ногами, медленно *вползает* в адажио. Хочется смеяться – изображает с юмором, не вставая со стульчика. Кажется, это была петербургская балерина В. М. Ганибалова²⁵, которая выполняла адажио из балета «Корсар» – там есть длинный начальный фрагмент. Смеху было море. События ранние, 1980-е годы.

В ранние годы приход-уход гостей регулировался жестко. Зайти-и-познакомиться, встретить, пообщаться – это было достаточно высокое место, и этим дорожили.

Ленинград сделал еще кое-что – в поездке произошло для меня «открытие» – он разъяснил на практике случай, что значит считая в Москве пачка, как сделать ее легче, когда она замешана на краске. На сцене наблюдали – конец 1980-х годов – танцевала Л. А. Кунакова²⁶.

Вечера, которые начинаются в статусе блестящего салона, со временем перерождаются в светский дом, построенный вокруг хозяина. Совсем сдал – когда оказался с одной ногой (2010 г.). Но блестящий свет хотелось запомнить – особенно много от него света и разговоров. Закончилось осенью 2012 г. смертью – было 75 лет (1937–2012). Влад Костин был зеркалом, в которое вглядывались и видели неизбежную приближающую медленно старость. Неотвратимо и одновременно красиво, достойно, величественно. Не ко всем имел доступ, но всегда оставался ироничным и умным.

Поездки в Италию, Францию, Грецию, пару раз в Египет. Яркие впечатления пестрят повсюду. Особенно четкие образы поездок в Париж, Венецию, Флоренцию, Рим и Южную Италию. Города, «подмытые» впечатлениями, «застрявшими» в головах.

²⁵ Ганибалова Вазира Махиматовна (1948), з. а. РФ, Мариинский театр Санкт-Петербурга (Ленинграда).

²⁶ Кунакова Любовь Алимпиевна (1951), н. а. РФ, Мариинский театр Санкт-Петербурга.

Впечатления от городского пейзажа, с вкраплениями средневековых образов Джоконды и Давида, перемежающихся с картинками походов в средневековые соборы. Собор Парижской Богоматери, Церковь Троицы, флорентийский собор... Необычные французские и итальянские пейзажи, городские виды, с зарисовками литературных впечатлений, наконец, флорентийские или парижские рестораны! Походы на осмотр вечернего Неаполя, южный итальянский городок или туристский тур в районе Везувия...

Потом туры прекратились, и начался поиск отечественной базы в расчете на летний отдых. Купил квартиру в Пушкино на реке Оке (2009), чтобы периодически прожить там всего три года. Потом наступила другая ситуация.

МГИМО: новый подход к профессии

До апреля 2003 г. все еще дописывал книжку, а потом пошел в Институт мировой экономики и международных отношений РАН в качестве главного научного сотрудника. Не таким представлял себе переход в этот институт. Уговорил В. Г. Барановский.

С ноября 2001 г. начались финансовые трудности в «Веке». Газета продолжала выходить, но у нее поменялся собственник. А. Г. Колодный, нашел нового спонсора в лице Геннадия Юрьевича Семигина и создал «Родную газету». С весны 2003 г. недолго сотрудничал с ней (надолго уезжал в США).

К лету 2003 г. наметилось было улучшение отношений с А. В. Картуновым. Он руководил «ИНО-центром» и «примерялся» к работе в Фонде «Евразия». Но совместной работы не получилось. Сотрудничества между Форумом и ИНО-центром Картунов не хотел, а предлагал пойти к нему сотрудником. Но с рыночной точки зрения зарплата, которую предложил он, казалась насмешкой с учетом реальной стоимости летом 2003 года. Побеседовав за «бордо» летом 2003 года, расстались, недовольные друг другом. Больше никогда не разговаривали, только здоровались.

Продолжалось преподавание в МГИМО. Осенью 2000 г. вышли два первых тома четырехтомной «Системной истории международных отношений. 1918–2000». Это был кусок проекта, части

которого писались в 1993 году. Руководил ею и сам написал около 9 п. л. В Форуме лежат четыре благодарственных письма-отзыва на это издание. Два от заместителя министра иностранных дел РФ И. С. Иванова, по одному – от академиков С. Л. Тихвинского и А. Н. Яковлева, и письма из Института отечественной истории РАН за подписью зам. директора.

В августе 2002 г. вышел сборник работ 1990-х годов, куда вошли избранные статьи Н. А. Косолапова и две главы из недописанной книги М. А. Хрусталева. Получились «Очерки теории политического анализа международных отношений» с фамилиями трех авторов на обложке. Работы моей в ней около 10 п. л.

Осенью 2002 г. засел за написание третьего тома «Системной истории». Хотя взял отпуск, работать все равно не давали. Закончил третий том 9 июля 2003 года. Через полтора месяца завершил редактирование четвертого, документального тома. Весь проект занял 10 лет. Четырехтомник вышел тиражом 2000 экз. В 2007 г. было переиздано в двухтомной версии.

Ситуацию разрядила поездка в США. В 1998–1999 гг. получал информацию из Института Брукингса в Вашингтоне, которому были нужны исследователи из России для работы по Азии. Но Картунов, который был начальником, попросил послать документы. Конкурс выиграл, но ехать отказался. Пошло на благо коллеге Сергею Михайловичу Трушу, который поехал в Вашингтон.

В 2003 г. он решил отплатить «добром за добро». Получил письмо, но счел идею неподходящей и отвечать не стал. Прислали письмо во второй раз. И тогда я неожиданно получил личное письмо от президента Института Брукингса Строба Тэлбота – бывшего заместителя государственного секретаря США и главного советника президента У. Клинтона по российским проблемам. Он настойчиво приглашал подать бумаги. Труш знал, что сдвинуть с места может неожиданное развитие событий. Он попросил Тэлбота написать. Благодаря сговору русских и американцев получил возможность на год поехать в Вашингтон.

Люди в Институте США и Канады пытались распространить слухи о том, что «бегу в Америку навсегда». Повторяли и в других местах. Счел нужным сделать необычный шаг – зашел к ректору МГИМО А. В. Торкунову, рассказал о планах, но подчеркнул,

что еду только на один год и прошу меня из институтских планов не исключать.

2 сентября 2003 г. отправился в командировку (Visiting Fellow) в Институт Брукинга в Вашингтоне, где пробыл до конца июня 2004 года. Узнал новое и приобрел контакты среди американских ученых – Струб Тэлботт, Фиона Хилл²⁷, Блэр Рубл, Брюс Пэррот, Клиф Гэдди и Анжела Стент.

В Вашингтоне весной 2004 г., в стенах Института Брукинга, познакомился с д. и. н. Сергеем Александровичем Карагановым. Обсуждали разные дела, из которых не вышло ничего конкретного.

В декабре 2003 г. вышли заключительные тома «Системной истории», которая имела успех в публике и у руководителей МГИМО. Рецензии были напечатаны в «Независимой газете», «Свободной мысли», «Полисе», «Новой и новейшей истории» и «Россия в глобальной политике». Писали достойные – главный научный сотрудник Института всеобщей истории А. М. Филитов, заведующий Отделом международно-политических проблем ИМЭМО Н. А. Косолапов, первый проректор МГИМО И. Г. Тюлин, заместитель директора Института США и Канады В. А. Кременюк и директор Института славяноведения и балканистики член-корреспондент РАН В. К. Волков.

Во время краткого приезда в Россию из США в феврале 2004 г. в Москве, в Библиотеке иностранной литературы, состоялась презентация оставшихся двух томов и журнала «Международные процессы», который издавал Форум. Первый российский журнал теории международных отношений. Мне исполнилось 50 лет. Отзывы на третий том пришли из МИДа от заместителя министра, аппарата Совета безопасности РФ, аппарата помощников Президента РФ и от заведующего референтурой президента РФ.

Продолжал работать главным научным сотрудником в ИМЭМО. Относились доброжелательно – от Барановского и директора академика РАН Нодари Александровича Симонии до Косолапова, лаборанток и кадровичек.

²⁷ Издали книгу: Ф. Хилл, К. Гэдди. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. – М.: НОФМО, 2007. Написал вступление для объемной работы – 327 с.

В феврале 2003 г. с подачи одного из питерских «школьников» Димы Сулова, который работал в «Независимой газете», предложили два раза в месяц писать колонку. Начавшееся сотрудничество с «Независимой» денег не приносило, но газету читали.

Развились отношения с Андреем Афанасьевичем Кокошиным. Побывав заместителем министра обороны и секретарем Совета обороны и Совета безопасности, к 2003 г. он был депутатом Думы, председателем Комитета ГД по делам СНГ и связям с соотечественниками, директором Института проблем международной безопасности РАН и деканом нового Факультета мировой политики, который в 2002 г. был открыт в МГУ. Немного пересекался с его женой Натальей Арсеньевной Долгополовой, которая продолжала работать в ИСК РАН. Уехав в США, не без ее помощи смог оттуда добиться заочного интервью с ним, «прозвонившись» по телефону из Вашингтона.

Кокошину понравился журнал, он его хвалил. Весной 2004 г., находясь в Вашингтоне, узнал, что его помощники ищут меня. После возвращения в Москву в июле 2004 г. от Кокошина позволили. После двух месяцев переговоров перешел в его институт на должность заместителя директора с 1 ноября 2004 г. С ИМЭМО расставался с чувством неловкости и по-доброму, там были приличные люди.

Работа с Кокошиным оказалось не трудной, но насыщенной. Всегда занятый, он ценил время и не докучал разговорами. Не было «проблемы низкого потолка», он любил окружать себя яркими людьми, не боялся сотрудников, чувствовал себя с ними спокойно и уверенно. Это позволяло признавать достоинства и использовать на благо дела. Среди любимцев Кокошина был Виталий Вячеславович Наумкин (академик РАН), арабист и директор Института востоковедения РАН в тот момент. С ним часто общались по работе в связи с тематикой СНГ.

В 2005 г. опубликовал книгу «Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ». С 2005 г. начал работать на Факультете мировой политики МГУ.

Когда вернулся из Страсбурга, в сентябре 2005 г. позвонил И. Г. Тюлин и сообщил, что умер декан Факультета политологии А. М. Салмин. Меня пригласили на его место. Достойное предло-

жение сулило тяжелую работу. Надо было спросить разрешения Кокошина – неловко было перед ним, поскольку он сильно помог. Но Кокошин среагировал благородно. Не стал удерживать, сказав: «Да, это такой драйв, который я Вам предложить не могу». Единственное, о чем он попросил, чтобы я не уходил сразу, а задержался до тех пор, пока не будут завершены важные для института формальности. 5 декабря 2005 г. был избран деканом на Ученом совете МГИМО, но из ИПМБ полностью не ушел.

Осенью 2006 г. произошло приятное событие. Меня, д. и. н. З. С. Белоусову и д. пол. н. Т. А. Шаклеину от имени Института проблем международной безопасности РАН выдвинули на соискание премии Российской Академии наук им. Е. В. Тарле в области всемирной истории и международных отношений за четырехтомник «Системной истории». Борьба была жаркой. Конкурентом оказался военный историк старшего поколения, представивший труд по истории Второй мировой войны. Комиссия из 10 членов проголосовала семерыми голосами против трех – в нашу пользу. Руководили комиссией В. Г. Барановский и В. С. Мясников – оба знали меня давно и в научном плане хорошо, что не помешало им придерживаться противоположных взглядов на ситуацию. Мясников голосовал, как мне сказали, против нас.

Премия в денежном смысле было невелика – 50 тыс. руб. на троих. В состав лауреатов попала Зинаида Сергеевна Белоусова – ей было много лет (в 2006 ей исполнилось 80), она ушла из Института всеобщей истории РАН, весть о награде ее ободрила. Ее поддержка была важна – во время работы над первым томом она была «мэтром» по межвоенному периоду, а я – напористым, но малоизвестным молодым автором. Но это не смутило, а если и смутило, то она этого не показала. Свою долю премии отдал коллегам из Института США и Канады – В. И. Батюку и П. Е. Смирнову.

В 2006 г. книга вышла вторым изданием – в двух, а не в четырех томах. Тираж 1200 экз. раскупили за 3 месяца, и издатели сделали допечатку 1500 экз. Всего «Системная история» разошлась в 4700 экземплярах.

Став деканом, создал новую Кафедру прикладного анализа международных проблем и открыл на факультете Отделение экономической политологии. Весной 2007 г. ректор предложил повы-

шение – должность проректора. В карьере помогал И. Г. Тюлин, с ним установились доверительные рабочие отношения. Жаль, что он умер 30 июня 2007 г. после неудачной операции поджелудочной железы.

В конце 2007 г. наметились трудности в Фонде Макаруров, который давал деньги с 2000 года. Т. Д. Жданова, бывшая его представителем в Москве около 15 лет, должна была оставить пост. Форум был при ней одним из лучших проектов.

Президент Фонда Макаруров Джонатан Фэнтон повторно приехал в Москву, захотев посмотреть основные проекты. Вызвали на собеседование в отеле «Хайят-Арабат», на месте ресторана «Армения» на улице Неглинной. Беседа шла больше двух часов, и у него менялось выражение лица. Он сказал, что готов попытаться помочь получить дополнительные средства в Фонде Старра. Ничего не вышло, но Макаруры в 2008–2011 гг. деньги дали.

Место Ждановой занял д. и. н. Игорь Александрович Зевелев. С ним был знаком Михаил Алексеевич Троицкий, мой бывший ученик с 1999 года. В сентябре 2009 г. И. А. Зевелев пригласил стать его заместителем в Фонде Макаруров, и Миша согласился. Как он выразился, он «не смог оценить» мои аргументы против.

В сентябре вышла (32 п. л.) «Современная мировая политика. Прикладной анализ». Моя авторская работа (4 главы) и ответственное редактирование, а повзрослевший ученик Андрей Анатольевич Байков – редактором. Туда вошли доработанные тексты статей в нашем журнале. Издание разошлось за два месяца, в 2010 г. вышло второе издание.

Издали переделку «Системной истории», которую сделали вдвоем с моим бывшим студентом Виктором Викторовичем Аверковым. (В последующие годы он был аспирантом заведующей кафедры д. пол. н. Т. А. Шаклеиной. Не защитился, работал в разных местах, а в 2017 г. назначен главным советником Администрации Президента в Кремле.) Перестроили старый текст в форму курса лекций и снабдили книгу мощными методическими приложениями (их и делал Аверков). Издана была плохо: в линялой бумажной обложке и тиражом 500 экземпляров. Только для учебных целей. Но тоже получилась толстой. Тираж разлетелся мгновенно. Второе издание было в 2010 г. (издательство «Аспект-пресс»).

В 2017 г. написал главки по периоду 2009–2016 гг. Намеревались издавать еще раз.

В октябре 2009 г. присвоили звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Думаю, заслужил в 2004 г. четырехтомной версией «Системной истории». Присутствие младших учеников, Байкова и Андрея Андреевича Сушенцова, ободряло и смягчало тяжесть ухода Троицкого. Утомление ощущалось, работа была интенсивной, уставал сильнее, чем от прежних нагрузок. Правда, в МГИМО ведь не было Рогова, и это не сравнить с работой заместителем директора Института США и Канады!

В 2016 г. Троицкий вернулся в МГИМО и через год получил повышение по должности – стал директором института для учащихся-иностранцев.

Поездка 2009 г. в краткий отпуск на Оку в г. Пущино в октябре подтвердила, как сильно я устал. Было «репетицией пенсии», правда, понравившейся. Было очень красиво (прямо из окна – излучина Оки) и... тихо.

12 ноября 2009 г. произошла «неприятность» с советником ректора МГИМО, моим бывшим студентом Артемом Владимировичем Мальгиным. Лежит на столе возмутительное его письмо.

Потом сделана операция – поставили стент в сердце. Остался жив, но было не ясно, сколько осталось жить. В апреле 2010 г. была вторая операция, она была частично удачной. За месяц до операции меня повысили до первого проректора.

Занялся старым – дописыванием книги по истории международных отношений в Центральной Азии. Форумский проект, который был начат в 2007 г. со «школьниками» – Евгением Флорентьевичем Троицким (докторскую защитил в 2011 г. у себя в Томске), Олегом Анатольевичем Тимофеевым (Благовещенский государственный педагогический университет, а теперь Москва) и Алексеем Сергеевичем Дундичем (Барнаульский государственный педагогический университет, кандидатскую не защитил, сейчас – в МГИМО). Работа вышла интересная, а книга получилась большая и мне понравившаяся. Много нового по постановке проблем, концепции и материалам. Малоизвестные детали, построена схема анализа положения дел в Центральной Азии. «Международные отношения в Центральной Азии» вышла

в 2011 г. и была первой российской книгой на эту тему²⁸. В 2014 г. была переиздана.

В ноябре 2011 г. состояние ухудшилось, и оказался в больницах. Денис Сергеевич Домнин и Татьяна Александровна Домнина оказались, выяснилось, людьми, медленно выводившими из той ситуации в нормальную жизнь, каплю за каплей. Спасибо огромное, не забуду никогда! Оба с высшими образованиями. Он – по части санитарного управления (когда-то был студентом-отличником), она – в области экономического руководства. Года три был я вдали от работы.

Как назло, год 2013 совпал с осложнением дел, связанных с когда-то величественной, но определенно постаревшей Евгенией Михайловной Власовой (1921–2013), которая была к. ф.-м. н., заведующей группой в каком-то Институте электроники или акустики (?). Умирала тяжело, без ясного сознания, окруженная заботами сиделки, подруг и моего представителя. С ней разговаривать почти не мог, разве что по телефону обменяться фразами. Познакомилась в 2004 г., и с октября 2011 г. не знала, куда девать деньги, которыми была достаточно обеспечена. Квартира была оформлена на меня, в чем состояла «определённая неопределенность». От нее достались «остатки величия» – мебель, некоторые картины, предметы обстановки. Похоронена на Новодевичьем кладбище, там, где находили покой «старые люди» – ее первый муж, в частности. Осталась одна фотография, примерно 1950-х годов. По смутным обрывкам рассказов можно предположить, что Е. М. Власова была прообразом безличного, абстрактного портрета, нарисованным художником В. М. Муравьевым (1924–2006) и дошедшим до нас с 1960-х годов.

С поправкой здоровья в 2014 г. другие дела постепенно пошли в гору – монография «Международные отношения и внешняя политика России» (2017). Она потребовала много работы, поскольку включала в себя вещи, написанные в 1993–2011 годах. Издана была при поддержке уже проректора МГИМО А. А. Байкова. Семь ста-

²⁸ «Международные отношения в Центральной Азии. События и документы» (М.: НОФМО, 2011) удостоена Первой премии «Общественная мысль» за 2011 год.

тей в «Международную жизнь» и «Сравнительную политику» за период 2014–2016 годы. Подготовлена к печати новая монография «Международно-политический анализ» (2017). В основе – курсы лекций, читавшиеся для студентов в 2009–2011 гг., дополненные и развитые. И еще одна – автоочерк и переписка коллег – предоставляется вашему вниманию.

* * *

Мысль интенсивно шагает вперед, но темпы такие, что за всем не поспеваешь. Хотя бы сдать в издательство придуманное, готовое, о прочем некогда думать. Ученики вчерашние стали молодыми учеными, идут самостоятельно, пробиваясь, освобождая себе несколько расчищенное место и вступая в контакты выросшими из других институтов и ведомственных учреждений. Большая работа, грандиозное переустройство и открытия. Подумаешь и сразу становится легче, свободней, грандиозней.

ЭПИЛОГ

Такое неожиданное развитие получает в конце 2010-х годов научный и жизненный курс. Относительно стабильное состояние дает шанс подумать о новых задачах. Что произойдет между великими мировыми державами после смены президента в США и накануне выборов во Франции, Германии и России? Как вывернется Британия между ищущей права на самостоятельность Шотландией и курсом, независимым от материковой интеграции? Ведь центром ее остается блок Германии, Франции, Италии и «европейской тройки». Куда повернут события во внешней политике прочих малых или средних стран? Наконец, к чему приведет затянувшийся «кризис» между Украиной и Россией?

Мыслями сегодня переполнена голова. Думать и писать, чтобы не пропустить сдвиги, способные изменить общий политический фон расклада между державами.

Как связать пришедшие десять лет назад письма со становлением нового варианта мировоззрения в области международных отношений? Дело в том, что и то, и другое обозначают этапы становления переходного этапа от советского до российского современного человека, разменявшего шестидесятипятителетний рубеж. Но, с другой стороны, они ставят проблему – каким быть новому международнику, которого не будут стеснять барьеры карьерной деятельности? Свежие, подхваченные знанием, идеи устремят его вперед. На определенном этапе прочитанное будет служить ему ориентиром. Видя прошлое, угадывая ошибки и промахи чужой жизни, он будет отдавать должное успеху и работе, идти вперед по этому пути. В этом вечный секрет пройденного и жалость к утраченному. Но, отдавая опыт, то, что тобой было накоплено, одновременно задаешь вопрос молодому человеку – а как, собственно, ты думаешь распорядиться и тратить свою жизнь?

Нелегко написать заключение, с одной стороны, к письмам, живо характеризующим годы молодой жизни, с другой – картинам спокойной, несколько с высоты лет обойденным углам

детства, юности, пылкости, страстям и обобщенным, трезвым выводам о жизни и выборе пути. Международные отношения и частности личной жизни – забавно, как причудливо они соприкасаются. Но в этом есть смысл, в поиске и нахождении единого, непроторенного никем пути, полного оплаканных потерь и неожиданных находок. Конечно, всех встреч не опишешь и не надо их вспоминать. Лучше промолчать – кто-то рассердится, обидится, а другой – совсем нет. И в переписке, и в личной жизни много такого, о чем можно было бы рассказать, но... пора ставить точку здесь и переходить к следующему разделу.

Часть вторая

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ

2003

1.

А. Д. Богатуров¹ – М. А. Троицкому². «У номенклатуры преимущество – организационный ресурс». 30 декабря 2003. Вашингтон – Москва

[...] У номенклатуры преимущество – организационный ресурс. Дает стабильность. Вне ее, чтобы добиться стабильности, надо вырваться гораздо выше среднего уровня. Трудно бывает в среднем скопить деньги в негосударственном секторе.

СИМО³ – вне номенклатуры, и я всем бодро вру про это. Представьте: все годы я не входил ни в какие номенклатуры, кто бы мне дал «шапку»? Скажите, без нее можно? Да, только отдача процентов на семьдесят ниже – «не освящена» ни УМО⁴, ни авторитетом МГИМО-ИМЭМО-ИСК РАН. Интрига с книгой гениальна – мы ухитрились заручиться поддержкой МГИМО, получить шапку ИМЭМО и никого абсолютно из их начальников не спросили мнения о содержании. Возможно, было потому, что они не смотрели на меня как на стороннего человека.

Корецкий⁵ – самый успешный из известных – связан с номенклатурой глубоко и кровно. Бунины-Ослоны-Урновы-Павлов-

¹ Богатуров Алексей Демосфенович (р. 1954), д. пол. н., профессор, с сентября 2003 г. по июнь 2004 г. в командировке в Институте Брукинга, Вашингтон, США. Связи поддерживал при помощи Интернета. До перехода в МГИМО (2005) работал в системе Академии наук (ИДВ, ИСК, ИМЭМО, ИПМБ РАН).

² Троицкий Михаил Алексеевич (р. 1977), к. пол. н. (2002), первый ученик Богатурова, доцент, с 2017 г. – декан учебного института МГИМО для иностранцев. Работал в ИСК РАН, Фонде Макатуров, МГИМО. Окончил аспирантуру ИСК РАН.

³ СИМО – Системная история международных отношений. Название четырехтомника, изданного Богатуровым в 2000–2005 годах.

⁴ УМО – Учебно-методическое объединение Вузов России.

⁵ Корецкий Валерий Александрович (р. 1958), д. пол. н., организатор и политолог.

ские⁶ – сидят на ее игле. Думал об этом сотни раз. Ничего не придумал. Даже Картунов⁷, давно впившийся в американские деньги, ни шагу не делает без Минобразования – он молча и давно понял, что «не тянет» по весу в глазах Запада, если целиком «сам по себе». Откровенно говоря, с ТДЖ⁸ у меня были разговоры в сходном ключе: она начинала, как Вы: «Когда ты все это бросишь...». Но заканчивала одинаково: «Но совсем не уходи. Хотя бы из МГИМО».

Ничего нельзя поменять, если шесть дней в неделю занимаешься институтом, студентами, книгами и статьями. Надо день-два проводить в том, что искренне считал бездельем – в интригах, хождениях по залам и приемным, звонках, разговорах, выпиваниях и ... размышлениях об их эффективности. Мишка Кожокин⁹ – гений – он понял это (и, хитрый мальчик, никому не сказал) в 1989 году!!! Тогда он стал пропадать на приемах и в тусовках, а как-то раз заглянул удачно в глаза Потанину¹⁰.

Не боюсь начать с того же, как он, пусть с опозданием в 12–14 лет. Сетую, что не отношусь к этому профессионально. Трудно сказать, ошибался я или нет. Дальше не продвинулся.

АБ

2.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «...появляется теоретическая возможность маневра...». Не позднее 31 декабря 2003. Вашингтон – Москва

Но в моем случае – отягощающий фоновый вопрос: с детства помешан на идее «свершения». Сегодня от него освободился:

⁶ Бунин Игорь Михайлович, Ослон Александр Анатольевич, Урнов Марк Юрьевич, Павловский Глеб Олегович – политологи 1990–2010 гг.

⁷ Картунов Андрей Вадимович (р. 1958), к. и. н., политолог, работает в иностранных и российских фондах.

⁸ Жданова Татьяна Дмитриевна, Московский филиал Фонда Макатуров.

⁹ Кожокин Михаил Михайлович (р. 1960), к. и. н., предприниматель, младший брат проректора МГИМО по науке Е. М. Кожокина.

¹⁰ Потанин Владимир Олегович, крупный предприниматель.

большие вещи, которые придумал, осуществил. Сейчас набираю новые цели – появляется теоретическая возможность маневра, психологическая готовность к этому. Не думаю, что в 1989 был готов бросить науку – в нее слишком много вложил, и тяжелей далась, чем Мише Носову¹¹. Поэтому бросать тяжелей.

В Вашем случае очень непросто, хотя по-другому. Мальгин¹² «помучивается» по поводу предстоящей научной «несостоятельности». Но пойдет по другому пути. Картунов терпеть его не может, но приятно толкнуть. Временами он тихо себя ненавидит за то, что не остался в науке. Конечно, Мальгин будет осторожно рисковать. Вопрос системы ценностей. Отдачи минимума от предыдущего этапа не получил – не доучился писать и не сделал книгу. Особенно второе – первому учиться можно до смерти.

Возможно, Вас понесет по его пути. Но постарайтесь достойно завершить первый этап. Репутация ученого или человека, способного дело доводить до конца, а не бросать на полпути, стоит денег. Мальгин – «интеллигентный», но кидала, и об этом неизбежно узнают другие.

Не радуется, что «научение» может «пойти зря», окажется невостребованным через поколение – у Вас не будет учеников. В «юные 49» оказалось, что ученик у меня один – странно, но так. Не давать советы, так как не могу поменять течение жизни. Мальгин, будучи (пока еще) преподавателем, мечтает уйти в мгимовскую номенклатуру (стать проректором, помощником, советником). Преподают пусть другие – Троицкий.

Надо не содержательную работу тянуть, а быть малахольным дармоедом низкого звена (как в ИСК РАН) или частью руководящей номенклатуры, которая занимается профильной деятельностью института для удовольствия. Остальное время уходит на презентации, приемы и прочие тусовки. Работа для лошади, которая везет, перемещается, но реализует цель наездника – надо попасть туда, куда его везут.

¹¹ Носов Михаил Григорьевич (р. 1940), член-корреспондент РАН, международник Института Европы РАН.

¹² Мальгин Артем Владимирович (р. 1974), к. пол. н., с 2012 г. – проректор МГИМО.

Использовать ресурс отношений с номенклатурой, не слишком на нее работая. Надо действовать очень хитро и осторожно. Например, подкармливая непосредственного начальника и обеспечивая крышу. Одновременно деньги зарабатывать. Работники госструктур смотрят, как бы урвать в коммерческом секторе. В науке аналогично – Уткин¹³, внимательно «шустрит», надеется заработать гонорар. Много ли приглашают на разные приемы? Свой круг, и надо быть в нем принятым. Может, хотелось попасть, но видных людей не всегда приглашают.

АБ

2004

3.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «Нет выбора». 2 января 2004. 6.35. Вашингтон – Москва

Нет выбора. Если они «кидают» с государственными чинами (похоже!), то должен рваться в ряд с Никоновым¹⁴–Павловским (хорошо) или Марковым–Буниным–Сатаровым (убоговато).

Что скажите, скептик? Можете не отвечать, а то решите, что Вас провоцирую. Но если и не подумаете, то ответьте – опять вызываю, получается.

И так плохо, и эдак не хорошо. Бедный Худолей¹⁵, иногда понимаю, каково было иметь таких, как Вы, в студентах. Никакого здоровья на самообладание не хватит. Не болейте. Год начался – узнал, что он високосный (от слова «виски»?)

АБ

¹³ Уткин Анатолий Иванович (1944–2010), д. и. н., был сотрудником ИСК РАН.

¹⁴ Никонов Вячеслав Алексеевич, Марков Сергей Александрович, Сатаров Георгий Александрович – политологи современной России.

¹⁵ Худолей Константин Константинович (р. 1951), д. и. н., профессор, основатель и первый декан Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ).

4.

М.А.Троицкий – А.Д.Богатурову. «Вы не реагируйте, пожалуйста, слишком серьезно на то, что пишу...». 3 января 2004. Москва – Вашингтон

Во-первых, Вы не реагируйте, пожалуйста, слишком серьезно на то, что пишу, – я бóльший мизантроп, наверное, чем Вы. В основном раздражает, что в России работай не работай, повышай квалификацию или нет – никакой гарантии роста дохода и статуса. Это невозможно в нормальном обществе и экономике. Получаю Ph.D., точно уверен, после окончания моя зарплата составит не менее 60 тыс. в год. У нас получай не получай – стабильности нет. Только в этом состоит мой *консерн*.

Но в любом случае не должен Вам причинять страдания или порождать сомнения – просто не имею права. Куда самому, например, резко идти? Непонятно. Из науки уходить не планирую пока и не собираюсь, повторю, Ваши усилия прахом пускать.

Во-вторых, что касается Ваших размышлений о Ваших планах. Мне кажется, Вам не нужно принимать радикальных решений – особенно из-за «семьи» (имеется в виду родственники Б.Н.Ельцина. – *Прим. ред.*), под воздействием безответственных мыслей. Надеюсь, они серьезно на Вас не действуют.

Ясно, конечно, что жить долго за границей – для Вас не лучший вариант. Даже Соренсен¹⁶ жулик сказал, что Вы не должны продаваться, будучи национальным достоянием.

Что касается путей в России – не очень понимаю в раскладе возможности, но кое-что очевидно. У Вас огромный жизненный опыт и главное, кажется – Вы сохранили цельность, не разменялись за всю жизнь, что стоит дорого и определяет Вашу репутацию, которая весьма высока. Поэтому смотреть власти в рот и ждать, что Вы будете востребованы, – унижительно, у Вас полёт выше гораздо. Еще более самоуничижительно (для меня, во всяком случае) ожидать возможности приобщения к власти как к кормушке, то есть хотеть обеспечить себя благодаря близости к власти.

¹⁶ *Соренсен, Кристен*, датский специалист по международным отношениям и России. Работал в Москве.

Столь же унижительно рваться в мелкую службу политиканов, к которой принадлежат многие из тех, кого Вы называете. Великолепная была, на мой взгляд, статья Косолапова¹⁷ относительно российских экспертов в последнем номере «Про е контра» – «Политики и эксперты». Теперь понимаю отчасти мощь интеллекта Косолапова. Особенно на фоне ужасающего дешевого «говна», которое представляло собой написанное Макарычевым¹⁸ и Стрежневой¹⁹, а также средней руки – Загорским²⁰.

Вероятно, Вы могли бы более целенаправленно раскручиваться как эксперт. Однако, повторю, как эксперт с незапятнанной репутацией и нон-партизан. С убеждениями, но объективный. С ценностями, но не дающий себе послаблений в отходе от рациональности и трезвости мысли. Особый эксперт, не похожий на тех, чьи связи с кем-либо или зависимость от кого-либо очевидны. Как очевидно у Сатарова – от «Семьи»²¹, Павловского – от партии власти, Никонова – от конъюнктуры, СМ²² – понятно от кого.

И, конечно, не «бросать все» – Вы потеряете цельность и самоудовлетворение, наверное, от того, что Вы делаете. Кого так уважают грасс-рутс, как не Вас? Что они скажут про Никонова или Павловского? А Вы для них – удивительное рядом.

Кроме того, Вам может быть стоит расширить круг Ваших учеников. Может быть, Фененко²³ вольется в нашу парадигму? Новый аспирант в МГИМО, например?

¹⁷ *Косолапов Николай Алексеевич* (р. 1942), к.и.н., зав. отделом ИМЭМО РАН.

¹⁸ *Макарычев Андрей Станиславович* (р. 1965), д.и.н., профессор Нижегородского государственного лингвистического университета.

¹⁹ *Стрежнева Марина Вадимовна* (р. 1955), д.пол.н., зав. сектором ИМЭМО.

²⁰ *Загорский Андрей Владимирович* (р. 1959), к.и.н., профессор МГИМО.

²¹ «Семья» – имеются в виду родственники Б.Н.Ельцина.

²² *Рогов Сергей Михайлович* (р. 1948), академик РАН, бывший директор ИСК РАН.

²³ *Фененко Алексей Валерьевич* (р. 1978), к.и.н., тогда преподаватель Воронежского госуниверситета, потом доцент Факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова (МГУ).

И, конечно, не стоит отказываться резко от формальной позиции в РАНовских структурах. Если иметь и правда много денег, то туда вернуться не составит труда при желании – думаю, Кортюнова бы легко взяли, если бы он захотел и помог кому-то материально... Хочу сказать: пусть мои размышления Вас ни на что не толкают.

Троицкий

5.

А. Д. Богатуров – А. В. Бузгалину²⁴. «...спасибо за статью, прочитал с интересом». 11 января 2004. Вашингтон – Москва

Александр,
спасибо за статью, прочитал с интересом. Есть несколько вещей, которые тем не менее надо обсудить.

1. В таком виде «просто» она не вписывается в тематику и окружающий контекст других материалов. Но я провел с ней два дня и попробовал сделать вариант, который посылаю.

Сразу скажу, что прошу проявить выдержку и не ругаться сильно. Старался, но правка была нужна массивная, так как материал состоял из рыхловатых разнородных фрагментов, было много повторов, а средняя часть про асимметричные войны сильно перекрывалась имеющимся у нас материалом другого автора, из-за чего ее пришлось сократить особенно сильно.

2. Все-таки у нас журнал, а не газета и не сборник материалов форума. Поэтому при правке пытался преобразовать «заявления» в «аргументы» – это потребовало немного других слов и стилистики.

Воспитанный в Советском Союзе, немного болезненно реагирую на элементы «накачки» в тексте. Поэтому там, где в оригинале про США было написано на десяти строчках восемь раз о том, что США – плохо себя ведут, я оставлял не больше двух. Читатель не идиот, не понять авторскую позицию и так довольно трудно. Нет смысла нагнетать.

3. Важно понять характер нашей читательской аудитории. Это не узкий срез группы единомышленников, которым не надо ниче-

²⁴ *Бузгалин Александр Владимирович* (р. 1954), профессор, экономист и левый теоретик, работал в МГУ.

го пояснять. Другая публика, на других словах и книгах воспитанная. Кроме того, после СССР прошло полтора десятилетия. Про Грамши²⁵ и Веллерстайна²⁶ они хоть слышали, а про Чомски²⁷ – конечно, почти ничего или вообще ничего. Поэтому текст надо «вписать в контекст» – дать минимальную литературу, сноски на те работы упоминаемых авторов, которые были бы полезны читателям. Хоть главную работу (если можно найти среди его сотен) Чомски, что-то наиболее подходящее к теме из других, хотя бы по одной на каждого. Иначе смотрится странновато – сноски только на автора. Не поверят и не поймут, а надо, чтобы задумались.

Это нетрудно, не надо десятка сносок, по одной на имя – будет, кажется, «шесть», + «три» на самого автора – вот и нормально. А выглядеть будет солидно. Теоретический журнал – посмотрите другие статьи.

4. Заканчиваю на том, с чего начал: проявите, пожалуйста, выдержку, рука у меня тяжелая, знаю. Статья стала немного другой. Стремился сохранить все смыслы, но мог и что-то сделать не так. Отредактируйте по отредактированному, если надо, и пришлите обратно.

Будем ставить,

Алексей Богатуров

6.

В. В. Трибрат²⁸ – А. Д. Богатурову. «Много юмора, но много сил вхолостую». 17 января 2004. Москва – Вашингтон

²⁵ *Грамши, Антонио* (1891–1937), основатель итальянского коммунистического движения.

²⁶ *Валлерстайн, Иммануил* (р. 1930), американский профессор социологии умеренных взглядов.

²⁷ *Чомски (Хомский), Ноам* (Chomsky), американский профессор лингвистики, одновременно – деятель умеренно-либерального направления (1928).

²⁸ *Трибрат Владимир Владимирович* (1985), закончил Факультет мировой политики при ИСКРАН (Государственный Академический университет гуманитарных наук) в 2006, аспирантуру ИСК РАН, к. пол. н.

Добрый день!

Сдал сессию на «отлично», и появилось время.

Вам искренне сочувствую. Думаю, Вы сами успели заметить, что очень чувствительны к происходящему с Вами. Вам непросто дается общение.

Особенно с незнакомыми людьми. Как бы хорошо Вы не знали Фрейда²⁹ и Карнеги³⁰, не понимали природу Вашей внутренней неловкости, каждый раз (даже в хорошо знакомой аудитории!) Вам приходится преодолевать что-то внутри. Чаще путем налаживания незримого контакта с аудиторией оригинальными способами, позиционируя слушателей заведомо на свою сторону. Обычно превосходно получается. Однако форма для того, чтобы быть независимым, мешает давно стать академиком. К сожалению, в мире интеллектуальный потенциал нивелируется царящим вокруг разгулом и декадентством. Содержание украшает форму, а не она заменяет его.

Представляю, как трудно на иностранных языках. А как Вы чувствуете с английским: в России не доработали или просто среды не хватает? И как Вы пишете на компьютере? Клавиатуру с собой взяли?

Очень важно уметь расслабляться, чтобы самодовлеющее напряжение не сказывалось на сне, здоровье и моральном равновесии.

Рецепт новороссийский: после психологического и морально-го напряжения необходимо найти природу, утешить себя красным сухим «Мысхако» (не менее 0,5), потом плавно перейти к близкому общению с противоположенным полом (лучшая рекомендация спортсменам после игры). Если не отпустило: взять по «двести» и набить морду самому наглому субъекту – смотри историю об Иванове³¹. Он от нас ушел, не найдя признания. Мечта завершить воспитательный процесс на выпускном вечере, видимо, так и

²⁹ *Фрейд, Зигмунд* (1856–1939), выдающийся австрийский основатель школ в психологии.

³⁰ *Карнеги, Эндрю* (1835–1919), американский предприниматель и грантодатель.

³¹ *Иванов Алексей* – студент первого курса Факультета мировой политики ГАУГН (2002). Потом отчислен.

останется мечтой. Не понимал он, как себя ведут в «приличном столичном обществе»!!!

Рецепт вашингтонский: размешать в стакане с кокой сотню рома (или канадского виски), сесть на лужайку перед Капитолием, сделать типичное для той среды выражение лица, пообщаться со студентками. Если не помогло – найти приглашенного поляка и этак непроизвольно завести невинную беседу об историческом предназначении Польши быть вассалом русского народа, подробно останавливаясь на пассажах екатерининской и сталинской эпох.

Вам жизненно важны регулярные физические нагрузки!! Спорт (говорю как человек, восемь лет жизни которого прошли не за книжками, а с футбольным мячом, теннисной ракеткой и в боксерских перчатках) – лучший отдых для мозга. Не менее важен режим питания и кислород. Нью-Йорк к числу релаксационных мест не относится: после Манхэттена я два дня не мог в себя прийти.

Насчет оригинальности. Все слишком верно. Помните массы и элиты Ортеги-и-Гассета³²? В каждой страте есть мейнстрим, ориентирующийся на традиционное, привычное, доступное и понятное всем. Немногие способны к рефлексии. Учсть элиту (в науке, литературе, СМИ и везде), быть непонятой на девяносто девять процентов. Накладывается на всеобщую ориентацию на потребителя. Нужно то, что понимает большинство и что Буш³³ может использовать в практических целях.

Я свылся с тем, что живу среди двух полюсов: дураков и академиков (иногда сильно перемешанных). Первые меня считают ненормальным потому, что не понимают, вторые априори идиотом потому, «что еще без погон». У Вас наоборот: дураки считают академиком потому, что не понимают, а академики – оригинальным тоже потому, что сами не понимают.

Помните про эссе по ТМО? Доработал его (с учетом Ваших советов) и сдал Давыдову³⁴. Он (даже меня не спросив!) отнес в

³² *Ортега-и-Гассет, Хосэ* (1883–1955), испанский философ.

³³ *Буш, Джордж (мл.)*, в 2001–2009 – президент США (1946).

³⁴ *Давыдов Юрий Павлович*, д. и. н., профессор (1931–2006), работал в ИСК РАН и МГИМО.

редакцию Иваняну³⁵. Но это ТМО, и памятью о печальном опыте – в марте выйдет моя статья (1 а. л.), редактировали три месяца: то им актер непонятен, выводы слишком апокалипсические, в газете «Правда» выражение «дискретный процесс становления новой парадигмы» не сильно широко использовался. Много юмора, но много сил вхолостую. Не очень люблю писать. Сейчас время брать. Но иногда написать мощный толчок и подумать.

Короче. Вышлю Вам работу. Если она покажется (что будет совершенно неувидительно!) недостаточно *научной* для Вашего журнала³⁶ или еще – не беда, опубликую на сайте. Но если она впишется в раздел, то будет хорошо. Строгость мысли и слова старался выдержать.

Трибрат

7.

А. Д. Богатуров – В. В. Трибрату. «Текст прочитал – гораздо лучше...». 18 января 2004. Вашингтон – Москва

Текст прочитал – гораздо лучше, выверенней в смысле и структуры и содержания. Насколько понимаю, и в таком виде может «проскочить» в каком-то журнале и газете. Пишешь легко – не каждому дано, достоинство.

Если же опираться на мои (совсем не универсальные) критерии серьезности, то я бы сказал, что есть материал для первого серьезного разбора – в прошлый раз материала не было. Проблема в том, что такая вещь не получается по почте – разговор нужен минимум на час, а лучше полтора, а времени в Москве, как писал, у меня не будет. Расписаны суббота, воскресенье и даже понедельник, вечером в который уезжаю³⁷.

³⁵ Иванян Эдуард Александрович, д. и. н., профессор (1931–2012), работал в ИСК РАН.

³⁶ С 2003 г. Научно-образовательный форум по международным отношениям стал издавать новый журнал «Международные процессы». А. Д. Богатуров был создателем и главным редактором этого журнала до конца 2011 г.

³⁷ Имеются в виду: краткий отпуск в Москве перед отъездом в Вашингтон для продолжения командировки.

Может быть, случайно что-то образуется 10 февраля среди дня, но не уверен – день перед отъездом. На всякий случай – куда звонить?

А что, Иванов ушел из института, куда это? Для меня неожиданно.

Так и не понял хитросплетений по части журнала и Давыдова – печатают они о чем? И что он туда отнес и какое отношение ко всему этому имеет тот текст, который я прочитал?

Об остальном, «философско-личностном», напишу позже.

АБ

8.

И. Г. Тюлин³⁸ – А. Д. Богатурову. «...мы приступили к обсуждению кандидатуры декана Факультета политологии...». 25 февраля 2004. 12.20. Москва – Вашингтон

Алексей!

Строго конфиденциально для тебя: в соответствии с давними размышлениями Анатолия³⁹, о чем знает Андрей Мельвиль⁴⁰, мы приступили к обсуждению кандидатуры декана Факультета политологии, поскольку организационный период закончился, и Андрею необходимо передать дело в руки автономного декана, то есть прекратить совмещение двух постов, оставшись проректором по научной работе. Не скрою, мною была выдвинута твоя кандидатура. В связи с этим, хотел бы узнать о твоей реакции и готов ответить на любые вопросы.

Однако содержание нашей переписки прошу не выводить за пределы «тайны троих» – АБ, ты и я. Разумеется, АБ в курсе.

Жду твоего ответа и наверняка список вопросов, на которые тут же отвечу.

Иван Георгиевич

³⁸ Тюлин Иван Георгиевич (1947–2007), д. ф. н., профессор, первый проректор МГИМО в 1999–2010.

³⁹ Торкунов Анатолий Васильевич (1950), ректор МГИМО, академик РАН.

⁴⁰ Мельвиль Андрей Юрьевич (р. 1950), д. ф. н., профессор, в то время – проректор на науке МГИМО.

9.

И. Г. Тюлин – А. Д. Богатурову. «Поставленные тобой вопросы и высказанные мысли абсолютно точны...». 25 февраля 2004. 15.30. Москва – Вашингтон

Алексей, дорогой!

Поставленные тобой вопросы и высказанные мысли абсолютно точны, ухватил болевые точки проблемы. Отвечая в последние минуты рабочего дня (с надеждой на продолжение в ближайшие сутки), в конечном итоге речь идет не о консервации сделанного, а о доводке, совершенно прав, соотношении с Факультетом МО, что имеет принципиальный характер. Ты прав в первую очередь – профиль Кафедры сравнительной политологии. Откровенно скажу, найти оптимальное решение Андриюше⁴¹ пока не удалось, неоднократно ему об этом говорил. Ты прав в части, касающейся мировой политики (кафедра Марины⁴²). При всех недостатках она выглядят куда удачней Кафедры сравнительной политологии. Хотя топтание идет на поле достижения, которое кафедра сделала, издав Маринин учебник, дальше, к сожалению, дела не идут. Конечно, разруливание вопросов потребует гибкости и деликатности.

Важно усиливать недостающий аспект в лице Факультета и не уйти из политологии в международные отношения. Повторяюсь, думать о профиле Факультета международных отношений, но осмелюсь заметить, кто знает, быть может, однажды будет что-то крупное, единое. Но это чистая гипотеза, хотя об этом очень часто думаю, в части содержания подготовки Факультет изживает себя, а его потребителю больше нужны языковые знания, нежели содержательные, в том виде, в котором учили тебя и меня – страны, регионы во всех нюансах. Парадоксально, но факт: часто человек, готовящий себя для работы в американском или французском направлениях, идет не в эти страны. Потребителя интересуют главные языковые расклады молодых специалистов.

⁴¹ Имеется в виду Мельвиль. Речь о становлении Факультета политологии и сравнении с Факультетом международных отношений.

⁴² *Лебедева Марина Михайловна* (р. 1954), д. пол. н., проф., зав. кафедрой МГИМО.

Относительно Форума и журнала – разумеется, ни в твоих, ни в наших интересах не лежит разрыв этих отношений. По журналистике твоей – есть варианты. Дипломатический ранг – на сегодня строгих зависимостей нет. Но традиционно, если опираться на опыт Андрея, то это советник II и потом I класса.

На сем еду домой, читать твою статью, завтра готов продолжить,

Иван

10.

И. Г. Тюлин – А. А. Богатурову. «Надо экстренно возродить хрусталево-зобинскую традицию...». 26 февраля 2004. 18.46. Москва – Вашингтон

Алексей, продолжаю в развитии вчерашнего послания. Во-первых, подчеркну, что наша с тобой переписка, о которой знает АВ, на данном этапе остается конфиденциальной. Это, разумеется, не означает закулисной интриги. Торкунов имел с Андреем не одну беседу, где четко сказал о необходимости сосредоточиться на проректорстве и оставить пост декана.

О чем переписываемся, носит рабочий характер. Важно (очень надеюсь, что дашь согласие) подготовить тебя к проблематике, которая встанет. Заблаговременно обдумать аспекты деятельности, которыми придется заняться.

Воспринимая, повторяюсь, мои идеи не как директивы, а как мысли. Жду от тебя реакции, возможно, критической или остро критической. Надо исходить из концепции, как не странно, Факультета международных отношений.

МО является факультетом регионоведения, а не международных отношений в современном смысле. Даже регионоведческо-страноведческим, но мне кажется, серьезные ломки проводить не стоит. Задача в том, чтобы усиливать регионоведческую компоненту в образовании, сокращая страноведческую, что не очень удастся, а может быть, ЮАБ⁴³ не хочет этого делать. Традиционно

⁴³ *Булатов Юрий Алексеевич* (р. 1949), д. пол. н., проф., декан Факультета международных отношений МГИМО.

работает кафедра ИМО, и надо ей продолжить деятельность, но в русле твоего подхода к истории международных отношений.

Разрастается компонент СНГ, тоже не плохо, отвечает региональному направлению. Есть кафедра дипломатии. Эта деятельность отвечает МИДовской направленности факультета. Маленькое отделение международных отношений, которое по настоящему Булатова имитирует в миниатюре факультет политологии. Концентрируется на проблематике нерегиональной международной политики. Откровенно говоря, мне это не нравится, поскольку оно – «ни то ни се», и функционально-проблемное должно быть у политологов.

Теперь, что надо иметь на Факультете политологии.

Во-первых, (выражаюсь в «грязной терминологии») все, что относится к мировой политике, проблемно-функциональным аспектам. (Твоя статья доставила истинное интеллектуальное удовольствие, очень интересна и во многом согласен). Но важно к теоретическим рассуждениям нарастить конкретный материал. Опустить на грешную землю современных международных процессов. Этого пока нет.

Надо экстренно возрождать «хрусталево-злобинскую» традицию⁴⁴ case-studies. Сейчас этого нет, а ребята жаждут. Кое-что делается по моей инициативе – эксперты из «леса», бывшие выпускники, аналитики. Хорошее зернышко, но мало. С идеей усиления этого аспекта носится А. Дегтярев⁴⁵, но огорчает, что в течение последних двух–трех лет он не только не вышел за рамки теоретических рассуждениях о прикладном анализе, но упорно замыкает все во внутренние политические рамки. Несмотря на мои усилия, интеллектуальную подпитку, литературу, на внешнеполитическую международную тематику выходить не хочет или не может.

Далее о сравнительной политологии. Здесь топтание на месте, слишком много теории и полная стерилизация международных

⁴⁴ Хрусталева Марк Арсеньевич (1930–2010), Злобин Анатолий Андреевич (1932–2003) – профессора МГИМО. М. А. Хрусталева был основным двигателем повышения роли ТМО.

⁴⁵ Дегтярев Андрей Алексеевич (р. 1970), к. филос. н., профессор МГИМО.

сюжетов. Возглавляет направление Ильин⁴⁶, филолог по образованию, очень хороший главный редактор «Полиса», но у него ничего оригинального и интересного не получилось. Чувствую, что постоянно имеется угроза повторить политологию МГУ или Высшей школы экономики. Своя экологическая ниша не найдена.

Вплотную подходим к судьбе, как ты пишешь, «детища» Андрея. Скажу откровенно, очень высоко его ценю. Он архи энергичен, умен, интеллектуален, мне работать с ним одно удовольствие. Трудность положения как декана, кажется, состоит в том, что он испытывает, может быть, творческий, научный кризис по тематике «демократических транзитов».

Что-то «хрустнуло», и он не сумел создать второй, не «международный» блок политологии. Хотя созданная магистратура по российской политике стала небольшой для него пристанью. Конечно, ему надо найти место на Факультете, и наш с тобой долг продумать, как это сделать. Он занимался некоторыми внешнеполитическими аспектами, писал по этой тематике. Возможно, трудности связаны с адскими перегрузками по проректорской линии (конференции, издательская деятельность, международные связи МГИМО). Личная жизнь – перманентно болеющая мать и недавний очередной брак плюс остатки непростого развода. Блокирует, он сам признается, работу как декана. Увы, чувствуют студенты, с которыми его встречи не столь часты, не глубоки и систематичны. Нам надо подумать, и буду рад услышать соображения.

Возвращаясь к международной тематике: магистратура продолжает работать в русском варианте, в мае празднуем 10-летие франко-российской магистратуры и в сентябре открываем магистратуру с немцами. Последние – склонны к мировой политике, международным отношениям, а не внутренним делам. Это для учета ситуации.

Совсем забыл, возвращаясь к Факультету МО: создана новая Кафедра европейской интеграции во главе с Буториной⁴⁷ – выпуск-

⁴⁶ Ильин Михаил Васильевич (р. 1948), д. пол. н., профессор МГИМО, работал заведующим кафедрой сравнительной политологии.

⁴⁷ Буторина Ольга Витальевна (р. 1961), д. э. н., проф., работала профессором, проректором МГИМО, потом зам. директора ИЕ РАН.

ницей МГИМО, она – доктор экономических наук, до последнего времени заведующая сектором европейской интеграции у Шмелева⁴⁸. Еще одно усиление региональной направленности на МО, именно регионализация, не страноведение.

Вообще, читая тебя, ощутил, на меня повеяло духом МГИМОВской традиции изучения международных отношений, о которой с тобой говорили и о которой ты пишешь. Очень хороший дух. Говорю не потому, будто хочу намекнуть о «не МГИМОВских» традициях. Но сугубо для внутреннего пользования скажу, что Андрею и его коллегам пока не удалась прививка к МГИМОВскому организму. Не их вина, а скорее беда. Но прививка необходима и возможна. Нужен добрый, умный совет.

Может быть, виноват в том, что вплотную не отследил исторический процесс их работы в этих стенах, но никакой обреченности на неудачу не вижу. Не пугайся – Лебедева и Кулагин⁴⁹ часто говорят мне о том, что они могут подсказать, как решить эту проблему, но они опасаются обидеть Андрея. Может быть, не раскрывая тайны нашего диалога, попрошу обоих накидать на бумаге свои соображения. Всегда полезно.

Ты, наверно, знаешь, в последнее время у американцев идет активная дискуссия о союзе изучения внутренней политики и международных отношений. Инициатором обсуждения является Брюс Буэно де Мескита⁵⁰. Он автор статей на эту тему в последние три года. Смысл – связать политологические исследования внутренней политики с исследованиями международной. Давал статьи Андрею и Ильину, но, увы, ответной реакции не было. Предлагал им развить такую дисциплину, как «внешнеполитический анализ» (анализ процесса формирования внешней политики, принятия решений, роли внутренних и международных факторов), которая в нашей науке практически не разработана. Но и здесь позитивная реакция минимальна. Отношу к занятости и перегрузкам Андрея. Хотя

⁴⁸ Шмелев Николай Петрович (1936–2014), академик РАН, был директором Института Европы РАН.

⁴⁹ Кулагин Владимир Михайлович (р. 1939), к. и. н., был профессором МГИМО.

⁵⁰ де Мескита, Брюс Буэно (1946), американский футуролог.

есть неплохие зачаточные движения по направлению «интернет и международные отношения», не без моего активного давления.

Самое главное – складывается тревожная картина, когда студенты чаще вопрошают: к чему нас готовят, куда можем пойти работать со знаниями, который дает факультет. Этот прагматический момент игнорировать категорически нельзя. И потом – не редко слышу, что факультет якобы самый легкий для поступления и обучения. Репутация никак не устраивает.

Прости за сумбур, сейчас в жуткой запарке, поэтому пишу не систематизированно. Очень жду твоей реакции и мысли.

Иван

11.

А. Д. Богатуров – И. Г. Тюлину. «Дело слишком деликатное и важное, чтобы обсуждать». 27 февраля 2004. Вашингтон – Москва.

Конечно, Ваня, понимаю. Переписка – между нами. Дело слишком деликатное и важное, чтобы обсуждать. Можно «дуриком» испортить и нажать врагов (еще больше). Понял, что в курсе только ты и АВ, но не Андрей. Так?

Слабое место ФП – очень заметная оторванность от международных отношений, от реальности. Слишком много о том, как написано в умных и хороших книгах, но слишком мало – о том, как это написанное прилагается или оказывается неприложимым к конкретным ситуациям. Студент – не дурак и хочет навыков практического анализа, вот он и ворчит. Поправить можно, хоть и не «вдруг».

Меньше согласен с мнением в отношении к МО. Дело не в факультете, а в личности ЮАБ – конечно, никаким критериям (кроме бюрократически-административного) он не соответствует, но «приемку» контролирует.

При другой раскладке стоит делать мощный, «ударный» МО с тремя сильными отделениями: а) мировой политики, в) комплексного регионоведения, в) внешнеполитического процесса.

Блок международный проблем (современные МО, безопасность, ИМО, экономические и правовые аспекты) сосредоточить на

отделении мировой политики. Сделать главными две кафедры – реформированную Кафедру международных отношений и внешней политики РФ и новую Кафедру анализа международных ситуаций.

Конечно, не стал бы ломать Кафедру международных процессов по многим соображениям. Но заставил бы ее сотрудничать и работать над разделением сфер ответственности с кафедрой ИМО в духе того, о чем написал в статье, – вопрос гибкий, не надо жесткости, главное, чтобы поняли, что надо сотрудничать, а не шараться друг от друга.

В новую кафедру (старая идея, книжку порываюсь написать) поставить в духе прикладного анализа международных отношений и методологии этого анализа. Сначала в переработанном виде развернуть хрусталеvские дела (пока жив и может передать, хоть и неохотно), а потом – я это делать буду, такую или подобную вещь писать. На первом этапе сам такую кафедру готов курировать и передать, как только найдем нормального человека.

Кстати, тут можно будет обойтись и без конфликта по поводу того, кому читать ТМО. ТМО «по Цыганкову⁵¹» (и Алексеевой⁵²) пусть читают они. ТМО «по Хрусталеvu» – фактически другой предмет, его надо строить на новой кафедре.

Блок региональных проблем – с тобой согласен лишь отчасти. Есть асинхронность тенденций в Европе, Северной Америке, Америке Латинской и Азии. В Европе регионализация протекает в радикальной форме, видно быстрое «изживание» странового и национального ради наднационального, регионального.

Но ведь в Северной Америке, не говоря о Центральной и Южной (за исключением «особого случая» США–Канады), радикального регионализма нет. Имеется слово ориентир, тенденция, но пока не видно, чтобы она задавила национальное, страновое или на него явно посягала.

В Азии – не так. Вся хитрость их регионализации – в ее удивительной мягкости, терпимости к страновому. Страновое не

⁵¹ Цыганков Павел Афанасьевич (р. 1941), д. филос. н., профессор, в описываемые время – зав. кафедрой МГУ.

⁵² Алексеева Татьяна Александровна (1947), д. филос. н., профессор, зав. кафедрой МГИМО.

перемальвывается и не изживается, оно остается главенствующим. Изучать через регионоведение проблемы ареала Китай–Япония–ЮВА–Австралия–Индия, думаю, опасно. Выпускники не будут конкурентоспособными. А судя по американским настроениям, они готовятся сначала «к веку Азии», потом к «веку двух Америк» (Западного полушария), но не Европы. «Радикальная регионализация» – локальный тренд, о чем твердят европейцы. Важный и страшно интересный, но не всеобщий.

Поэтому на втором отделении тактика должна быть более гибкой. Идти от реальности. Кафедру Буториной (с ней познакомился, пригласив на школу в Воронеж, она понравилась – энергичная и ум живой, хотя она не вполне осознала, в какую среду входит) оставил как есть. Если она сможет наладить дело через европейскую «радикально-регионалистскую» призму – гениально, пусть так и делает. Думаю, задача посильная.

Нельзя тронуть и Кафедру востоковедения, тем более что ее Воскресенский упрямо, умеренно консервативно, но вытягивает к новому теоретическому уровню осмысления.

Но в идеале нужна «кафедра комплексного регионоведения». Это не просто кафедра. Она должна поставить соответствующий целый большой курс, который включил бы общие пласты знаний о разных регионах. Региональные экономические подсистемы (от СНГ до африканских). Государственно-правовые и частно-правовые системы главных регионов, «синхронную историю» регионов, политические и бизнес-практики регионов, типологические особенности социологизации – практика, культура общения и обмена информацией.

Не Европа, не востоковедение и не американистика. Более или менее универсальное знание о регионах. Немного похоже на сравнительную политологию, но, в отличие от нее, стопроцентно международная («международническая») дисциплина. Она новая, ее надо конструировать, но, мне кажется, это примерно то, о чем ты сам и думаешь.

А вот кафедра стран Европы и Америки – морально умерла давно в том виде, каком она остается много лет. Американистику не надо, конечно, скрабировать. Но чистая – два спецкурса по истории внешней политики США, которые надо сохранить при любых обстоятельствах на любой из кафедр. Еще добавить спец-

курс по идеологии, как ни смешно, назвав его «Общественно-политическая мысль современных США».

На роль руководителя такой кафедры лучше других мог подойти Воскресенский. Но тогда сломается кафедра востоковедения. Может быть, начинать надо с учебного курса, а потом «смотреть на месте» людей?

При этом кафедру Ильина ломать бы не стоило. Ее можно интегрировать с комплексным регионоведением. Но Миша – филолог – с тобой согласен, добавить нечего.

Блок внешнеполитического процесса – меньше всего думал, но ты, пожалуй, прав. Но мысль кажется очень продуктивной. Может позволить сделать бескровно и к лучшему. Если социология и общее политическое знание могут органично вписаться в международные исследования, то при помощи «приводного ремня» внешней политики.

Андрей, насколько понимаю, особенно к международным отношениям не тяготел никогда. Он вырос в человека уникального, он, может быть, как никто другой у нас, способен рефлексировать российские политические процессы через призму как американского книжного знания, так и текущей американской реальности. Неназойливо, на уровне фонового угла зрения, восприятия реальностей.

Кажется, такой угол зрения – для кафедры внешнеполитического процесса – идеальный. Причем что такое внешнеполитический процесс – при фантазии, это все. Все, что творческому человеку хочется вложить. Теорию демократии, лидерства, свободы – ну и переходности во всех ее ипостасях. Если речь идет о «творческой лаборатории» для Андрея – может быть, это? Очень интересная кафедра и престижная, так как на нее можно будет позвать умных бывших практиков, а теорий сколько можно построить – сладко. Трансформировать переходность в важный прикладной курс о том, как формируется внешняя политика РФ и других стран в сравнительном аспекте – по всем критериям задача увлекательная. Она не потребует резкой ломки имеющегося, скорее, доводки и реформирования.

На этом участке можно сосредоточить некоторых из имеющихся политологов, которым может быть труднее перестраиваться и приближаться к международной проблематике.

Кафедра дипломатии будет рядом, в связке с этим блоком.

Дегтярев парень бойкий и не злой, по-моему. Но интеллектуально меня он, честно говоря, не впечатлил и не впечатляет. Да, написать учебники непросто. Но он не международник по складу, вкусам и мировоззрению. Пока, во всяком случае. Называя вещи своими именами, он просто делает деньги в сфере внутривнутриполитического консалтинга и хочет это легализовать работой в институте. Немного «обратная» логика. Долблю студентам: «Если вы научитесь хорошо анализировать международные ситуации, сможете легко разбирать и другие (за большие деньги). Но не наоборот!!». А он – напротив – сразу хочет учить консалтингу, но почему-то в МГИМО, а не у Кузьмина⁵³ или в МГУ.

Нарисовалась несколько сумбурная, ясное дело, и «идеальная» картинка не факультета, а всего направления – «политология и МО» вместе. В идеале три новые кафедры и закрытие или реконструкция двух имеющихся. Я не революционер. Мы обсуждаем картинку. Реальность, конечно, будет другой. Но от идеальной картинки будет легче идти к доступному и возможному.

Де Мескито – постараюсь найти и прочитать.

Алексей

12.

И. Г. Тюлин – А. Д. Богатурову. «Встает проблема реформирования политологического факультета». 27 февраля 2004. Москва – Вашингтон. Время московское.

Алексей,

мерси за очень интересный ответ. Спешу набросать впечатления. Очень интересно, но хотелось бы получить от тебя ответы на некоторые вопросы. Совершенно согласен по поводу блока регионоведческих проблем и судеб работающих в блоке кафедр. Полагаю, что прав, что кафедра комплексного регионоведения нужна. Ее стоит делать на базе нынешней сравнительной политологии, передав на факультет МО. Взамен перетащить на факуль-

⁵³ Кузьминов Ярослав Иванович (р. 1957), д.э.н., проф., ректор Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ).

тет политологии кафедре Наринского. Но остаются сложности в таких вопросах, как реорганизация Факультета международных отношений. Пока ЮАБ там, это архисложно, хотя у АВТ есть намерения это развязать. Не исключаю, что, может быть, АВТ пойдет на объединение двух факультетов, хотя есть формальность: число факультетов украшает университет, а мы предлагаем их сокращение. Отсюда моя идея усиления, но именно в твоём духе факультета международных отношений в части «комплексного регионоведения». А нынешней политологии в части усиления международной, а уж вторым этапом соединиться.

Встает проблема реформирования политологического факультета. Вот почему хотел знать более точные, по возможности, конкретные представления о кафедрах. Но главное нужно четко сформулировать – кого после всей реорганизации, по какой специализации, куда будет готовить факультет. Молодежь будет интересоваться в первую очередь. Так, на мой взгляд, мог бы выглядеть стартовый вариант.

И, наконец, Алексей, определяйся с предложением, я должен что-нибудь конкретное сказать Анатолию, что, разумеется, не останавливает наш дальнейший обмен мнениями. Может быть, ты хочешь послать через меня Анатолию предложения в знак того, чтобы мог познакомить его с твоими соображениями о будущей физиономии факультета. Жду ответа.

Иван

13.

И. Г. Тюлин – А. Д. Богатурову. «Двигаться, думаю, надо step by step...». 27 февраля 2004. 16.51. Москва – Вашингтон

Алексей,

только что беседовал с АВТ, рассказал о нашей переписке. Он подтверждает мои мысли касательно крайней осторожности, деликатности и бережливости в отношении политологической компоненты факультета. При любых обстоятельствах на этом факультете должна сохраниться подготовка по проблеме политических реалий, политических процессов в стране, воздействию на него внешних факторов.

В том числе сказал, что размножение кафедр исключено. Лишь вырвал у него возможность создать еще одну кафедру международного профиля.

Не стоит огорчаться, поскольку стиль, а точнее, философию АВ хорошо знаю, он не любитель революций и крутых ломок. Двигаться, думаю, надо *step by step*, но концепцию с перспективными идеями забросить ему стоит. Ведь не секрет, что МО (он это хорошо знает, сам не раз говорил) консервативен, хотя бы потому, что никогда, по сравнению с другими факультетами, никаким изменениям не подвергался.

Кроме того, АВ всегда отличался болезненным реагированием на ущемление интересов Факультета МО, как на то зерно, из которого вырос нынешний университет. Отстаиваю концепцию в отношении того, что не надо превращать факультет МО в священную корову. Это дает пищу, между прочим, ЮАБ утверждать, что факультет будет обречен называться самым хорошим, так как был этим самым зернышком. Короче, заложить в сознание АВ перспективу, которую мы с тобой обсуждаем, считаю полезным. Показалось, когда рассказывал ему об эпистолярных обменах мнениями, что он за что-то зацепился и задумался. Вообще думаю, надо идти не от кафедр, а от ставящихся временем проблем перед двумя факультетами, и предлагать пути максимально безболезненного и умелого их решения.

Иван

14.

А. Д. Богатуров – И. Г. Тюлину. «Не думаю, что надо ломать полезное, что было сделано». 28 февраля 2004. Вашингтон – Москва.

Да нет, Ваня, я не стал ничего особо писать о политологической составляющей не потому, что думаю, будто ее надо выбрасывать, а потому что меня больше интересовало, что новое надо сделать, если делать. Не думаю, что надо ломать полезное, что было сделано. Не говоря о том, что народ набрали и выгнать его нельзя. Еще раз повторюсь: рисовал идеальную картинку блока, понимая, что на деле будет иначе. Теперь давай большую и яркую проект-

ную картинку приводить в соответствие с наличными красками, холстами, помещениями для выставки и ...смотрителями.

Правильно ли понимаю, что АВ велел о ф-те МО не рассуждать?

В любом случае, реформа по программе-минимум возможна, не расстраивайся.

1. Пусть себе ФП остается организационно как есть – с тремя кафедрами.

Вопрос: какую кафедру там создавать, раз АВ не разрешил больше одной. Ты лучше ориентируешься. По смыслу надо бы Кафедру анализа международных ситуаций как более международную. По политической ситуации, если правильно улавливаю, – надо Кафедру внешнеполитического процесса.

2. Пожалуй, должен спросить об одном. Все, что имеется в виду в отношении Андрея. Если он остается проректором, то ему надо формально давать кафедру или не надо? Кафедра внешнеполитического процесса – единственная, которая позволит ему и всем политологам заниматься, чем они и так занимаются. Резервуар, который позволит сохранить самых уязвимых или самых ленивых.

3. Не стал бы трогать Алексею с ее теорией, но, с другой стороны, если заведование Андрею не необходимо, ее кафедру легче трансформировать в кафедру внешнеполитического процесса.

Тонкость проясни, пожалуйста.

4. Кафедру сравнительных дел не обязательно передвигать на МО, раз АВ сомневается. Но начать менять содержательно надо. Хорошо, пусть не кафедра пока комплексного регионоведения, а новый учебный курс, контуры которого попытался бегло набросать. Никакой не вижу трудности с тем, чтобы в большой курс включить наряду с экономическими и правовыми системами изучение систем политических. Задача не в том, чтобы выкинуть политологию, а в том, чтобы добавить «международное» знание. За год–два они этот курс сделают, а там видно будет. Название «сравнительная политология» звучит диссонансом по отношению к МО, поэтому может быть название слегка поменять соединив союзом «и» – «комплексного регионоведения и сравнительной политологии».

5. АВ не даст превратить Факультет МО в ф-т регионоведения и он прав, так как МО остается фасадом института. Увод от них кафедры Наринского приведет к провинциализации МО еще больше. Наши радикальные планы возможны не ранее момента, как АВ дозреет, если дозреет, до объединения факультетов.

6. С осени еще одна идея, которая может быть сейчас ко времени. Раз число факультетов и институтов – знак престижа, то почему не создать то, что на западе – сеть *schools*, в который объединить по профилям магистратуры. Взять три магистратуры (французскую, немецкую, русско-политологическую и русско-регионоведческую) и выделить в отдельный «Институт (факультет) магистерского образования». Может быть, это развлечет Андрея? Красиво.

7. Сузим дальнейший разговор – что можем, а что не можем обсуждать после твоего разговора с АВ? Не стал отвечать на твои вопросы в первом (до разговора) письме, ситуация вроде немного изменилась.

АВ

15.

И. Г. Тюлин – А. Д. Богатурову. «Твоя идея об Институте магистратуры очень интересна, неожиданна». 1 марта 2004. 17.27. Москва – Вашингтон

Алексей, дорогой,

продолжая нашу дальнейшую переписку. В качестве небольшого перерыва хочу рассказать о вчерашнем вечере «Душа танца» в Большом театре. Зрелище противоречивое. Никаких открытий, довольно посредственная и мало выразительная молодежь. Блистали только старики «экс-призеры» прошлых лет. Мария Александрова и Дмитрий Гуданов в «Сильфиде», Ильза Лиэпа и Марк Перетокин в современном номере на песни Синатры⁵⁴. Был

⁵⁴ *Александрова Мария Александровна* (р. 1978), н. а. РФ; *Гуданов Дмитрий Константинович* (р. 1975), н. а. РФ; *Лиэпа Ильзе Марисовна* (р. 1963), н. а. РФ; *Перетокин Марк Владимирович* (р. 1964), з. а. РФ – артисты балета Большого театра в 2000–2010 годы. *Синатра, Фрэнк* (1915–1998), американский эстрадный певец.

триумф Кати Максимовой⁵⁵, ей дали премию, а так достаточно провинциально. Хотя народ ломился, полно знакомых лиц. Все патронировал «Ренессанс-капитал», завершив большим ночным фуршетом. Вел действие Коля Цискаридзе⁵⁶. По-моему, он обретает хорошую форму, никакой хромоты я не обнаружил, хотя его роль была конферирующей (никаких танцев). 12 марта иду на премьеру «Большого Баланчинского»⁵⁷ вечера балетов, который войдет в постоянный репертуар Большого. Далее в течение календарного года ждут двух вечеров балетов Алексея Ратманского⁵⁸.

Теперь о делах. АВ отнюдь не запретил рассуждений о судьбе МО, но думаю, что при нашей встрече следует затронуть перспективный вариант. Может быть, не пугать интеграцией, но обговорить необходимость усиления комплексно-регионоведческого элемента. О четвертой кафедре на Факультете политологии: думаю, что должна быть международная кафедра, о чем велись разговоры в прошлом. В частности, размышления о кафедре контроля над вооружениями. В сугубо приватном разговоре АВ, Андрей и я называли Юру Федорова⁵⁹, но дальше дело пока не идет. Хотя Юра вернулся в институт и весьма плодотворно работает по этой тематике, даже получил специальную научную программу в институте. Но это не должно мешать нашим замыслам. Главное, по-моему, развести сюжеты между Лебедевской кафедрой и той, которую ты хочешь создать. Позволю предложить: пусть у нее сосредоточится теоретическая часть, а у тебя конкретные прикладные аналитические моменты. Но как идея.

⁵⁵ *Максимова Екатерина Сергеевна* (1939–2009), н. а. СССР, балерина Большого театра.

⁵⁶ *Цискаридзе Николай Максимович* (р. 1973), н. а. РФ, перешел из Москвы ректором Академии русского балета (Санкт-Петербургского академического училища).

⁵⁷ «Большого Баланчинского» – по имени Баланчина. *Баланчин, Джордж* (Баланчивадзе Георгий Мелитонович) (1904–1983), американский балетмейстер.

⁵⁸ *Ратманский Алексей Осипович* (р. 1968), российский, датский, американский балетмейстер.

⁵⁹ *Федоров Юрий Евгеньевич* (р. 1946), состоял в МГИМО, с 2006 г. уехал на работу в Великобританию и Чехию.

Согласен по поводу Алексеевой. Так же, как за коррекцию кафедры Ильина. Направление комплексного регионоведения пока без перевода на МО. Об этом сам им неоднократно говорил.

Андрей, думаю, пока предпочтет сосредоточиться на политологическом отделении. Твоя идея об Институте магистратуры очень интересна, неожиданна. Стоит подсказать Торкунову. Я, правда, предлагал Андрею возглавить, для начала, магистерскую программу «российская политика». Предложение появилось, когда встал вопрос о его отходе от деканства, но он в силу каких-то специальных отношений с Ильиным в конечном счете отдал и магистратуру «российская политика» в его руки. Но это не значит, что можно продвигать такую идею. Такие мысли. Думаю, что нам стоит дальше обсуждать, но не затягивать переписку, чтобы я обрисовал вырисовывающуюся картинку на базе твоей позиции Анатолию, и надо принимать решение. На этом позволю закончить.

Иван

16.

А. Д. Богатуров – И. Г. Тюлину. «...никак не возьму в толк некоторые вещи». Не позднее 3 марта 2004. Вашингтон – Москва.

Ваня,

прости мою тупость или упрямство, но никак не возьму в толк некоторые вещи.

1. Если А. остается проректором, то за каким лешим еще что-то (это, конечно, его дело, а не мое). Но он точно что-то хочет, или это твои ощущения, что будет мало одного проректорства? Соответственно, если он отдаст факультет, но останется проректором, то разве будет выглядеть как понижение или что-то? Чего не схватываю?

2. Федорову кафедру – политически понятно, своего рода компенсация за «трудную судьбу». Но по сути – очень сомневаюсь, что кафедра с таким названием современна и достаточно широка. Если надо, сделал бы центр, вроде того, что был у Мальгина при Наринском. Если делать кафедру, то международной безопас-

ности, конечно, включив в нее «мягкую» безопасность наряду с жесткой. Только это будет пересечением с ИМО и Лебедевой.

3. Кафедра анализа МС – методологическая. Не надо портить идею. Если ситуация для такой не созрела, лучше отложить, чем делать что попало и кое-как. По сути дела, речь идет о том, чтобы через нее спасти плоды работы злобинско-хрусталеvской ветви. По уму надо выдвинуть на какое-то время, пока силы позволяют, Марка – но не на роль заведующего, конечно, а на роль пророка-вещуна-хранителя знания и ведущего лектора этого курса. Одновременно убедить его даже за отдельную дополнительную оплату в течение года вести семинар (1–2 человека) аспирантов или молодых преподавателей, которые потом (вместе со мной) этот курс поведут с того момента, как Марк скажет, что ему не по силам. Так вижу вариант сохранения *незаписанного*, как ни дико, наследия 30 лет работы мгимовской школы.

Мне кажется – один из важнейших проектов с точки зрения истории и истории МГИМО. Но я достаточно бит и циничен, чтобы из-за него воевать, резать по живому и портить отношения. Не могу не сказать о нем тебе и АВ, это хорошее дело, таить его нечестно вроде. Но если ты и он считаете, что не надо (пока или вовсе) – то и не надо. Нас лимитирует только возраст Марка. И все равно из-за этого не надо революций.

4. Идти на разговор с АВ – с двумя вещами: а) согласен играть в проект декана ф-та политологии; б) какие будут его указания по поводу параметра технического задания – как он видит реформу или программу улучшений на ф-те. Видимо, так пока.

5. При этом держать наготове что?

а) Проект создания новой кафедры? Если да, то какой? Или кафедры и центра Федорова?

б) Проект реформирования имеющихся кафедр: вместо «Сравнительной политологии» – «Комплексное регионоведение и сравнительная политология», а вместо «Теории политики» – «Внешнеполитического процесса и теории политики».

в) Кафедру Лебедевой называть бы ни в каком контексте не стал. Если у АВ есть идеи, пусть он «проговорится».

6. У большинства кафедр ф-та политологии нет своих базовых курсов, каким для кафедры Наринского, скажем, является курс

ИМО. Поэтому общее «деканское» для всех кафедр факультета техническое задание, скажем, на два года сформулировать как разработку базового (титульного) курса. Курса, который будет задавать кафедральный угол зрения, соответствовать профилю кафедры. Заведующих это заставит доработать лучшие курсы или создать заново. Заведующие волей-неволей покажут, кто может, а кто нет. Всем полезно будет.

Студенту станет понятнее, специалистом «по чему» он окажется, написав диплом по соответствующей кафедре. Три–четыре «титульных курса» за оговоренный срок (сколько полагается, 4–5 лет?) – материал будущего отчета факультета о том, что он делал.

Это можно сказать.

7. Об интеграции факультетов не говорить. Или, что более сложно и опасно, нарисовать программу всего направления, но обозначить ясно возможность ее реализации силами двух факультетов. Можно такую штуку придумать. На ф-те политологии сделать отделения мировой политики и внешнеполитического процесса, а на факультете МО – отделения комплексного регионоведения и международной безопасности или в ином сочетании. Вопрос чистого административного произвола, вкуса руководителей. Если АВ в принципе воспримет идею комплексного, скоординированного подхода (а не интеграции) в строительстве двух факультетов, то хорошо.

8. Факультет магистерского образования можно строить по частям, начав с объединения только, допустим, русской, французской и немецкой программ, оставив чисто русскую магистратуру по мировой политике отдельной. Или любые иные варианты, которые покажутся АВ проходными по его соображениям политического и иного порядка.

9. Миша Ильин комплексным регионоведением командовать не сможет. Тоже надо учитывать. Может, Андрей поэтому его страшит. Можно в рамках Ф-та магистров в перспективе сделать красиво звучащее под названием «Международный русский институт» (попросту говоря, российское отделение) с Мишей во главе.

10. Одного русского отделения Андрею мало – School звучит лучше и прогрессивней.

АВ

17.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «...у нас впереди достаточно времени, чтобы хорошо обдумать». 24 апреля 2004. Вашингтон – Москва

Миша,

у нас впереди достаточно времени, чтобы хорошо обдумать. Гранта хватит на целый год, мы его немного протянем, как минимум до сентября 2005 года. По новому гранту разговоры начались, они пойдут активнее в июле-сентябре, вероятно. Однако Вам следует понять, а мне с Вами обсудить, важные вопросы, которые касаются Вашей карьеры.

Мы оба – лица заинтересованные, и поэтому имеет смысл, избежав пристрастий, *проанализировать* ситуацию.

Мне не влезть «в Вашу шкуру» и оценки жизненной ситуации – плод моего жизненного опыта и понимания перспективы собственной жизни. Вы гораздо моложе, опыт у Вас другой и Ваши жизненные задачи существенно иные – как в силу другого этапа, на котором Вы стоите, так и иного культурного основания Ваших жизненных воззрений. Ни хорошо ни плохо – ключевое обстоятельство, избавляющее от необходимости давать Вам советы, а Вас – им следовать.

По самому хладному размышлению, думаю, что работа в Форуме – почти идеальное место для человека, который не отягощен потребностью решать крупные (неповседневные) жизненные проблемы (жилье, кормление большой семьи, покупка дачи). Но при этом он хочет сохранить весомое присутствие в сферах деятельности, который представляются для него достаточно престижными, но малооплачиваемыми. Форум – идеальное место «профессиональной *поддержки*» ученого или преподавателя. Он позволяет получать гораздо больше денег, чем платят в сфере науки и образования, одновременно не отвлекая сил и энергии на области, заведомо «посторонние» для выбранной траектории карьеры. Я так его задумывал, конечно, интуитивно, нет математического склада, чтобы просчитать заранее. Оно и получилось. Наша схема и организация – близки к совершенству, несмотря на «технические» сложности, о которых Вы знаете. Думаю, что Фо-

рум – одна из лучших организаций своего типа не только в Москве, но и в России.

Но – не секрет – «поддерживающая стратегия» Форума не приспособлена для зарабатывания денег «рывком». Это не то место, работа в котором способна за короткий срок (бывает очень важно) обеспечить финансовое накопление «кулака», при помощи которого пробивать стену базовых жизненных проблем. Вы попробовали поработать, казалось бы, с «гибкими» деньгами НАТО – и быстро про них поняли. Честно разбогатеть на нашей работе нельзя. Можно жить не бедно – но «не бедно» в моей системе представлений и Вашей – не одно и то же.

Работаю в системе благотворительности десять лет. Но деньги на квартиру получил за счет исследовательского гранта от американцев и за выплаты от работы в газетах. Ничего, кроме своего опыта, Вам предложить не могу. Можете пробовать вырвать деньги у американцев один или с компаньоном. Попробуйте получить работу за рубежом. Можете освоить журналистику и консалтинг. Стопроцентного успеха ни одна сфера не гарантирует. Как получится и как повезет. Работая в нашей сфере, скопить за три-четыре года 25–30 тысяч, может быть, и можно, но в нашей организации – боюсь, нет. Спросите своих знакомых, может быть, они смогут пояснить вещи, которые я не понимаю.

Далек от мысли, что умею «хорошо устраиваться в жизни». Я не «везунчик»: в двадцать четыре не работал в «Независимой газете», как Суслов⁶⁰; в двадцать девять не имел денег, как Бордачев⁶¹; да и Ваши 500 долларов я получил лишь в сорок пять.

Это не аргумент для Вас – а только штрихи в пояснение понимания собственной перспективы. Шел по пути расширения «веера» возможностей зарабатывания денег, повышения «горизонтальной» интенсивности труда. Хлеб тяжкий, но другой не давался. Не рассчитываю разбогатеть и точно знаю – для себя – что если случайно и ухитрюсь урвать большой денежный куш, то сто процентов это бу-

⁶⁰ Сулов Дмитрий Вячеславович (р. 1979), работает на Факультете мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Окончил СПбГУ.

⁶¹ Бордачев Тимофей Вячеславович (р. 1973), окончил СПбГУ, к. пол. н., директор Центра в НИУ ВШЭ.

дет не через Форум. Форум хорошо бы не сгубить и идеально – немного расширить. Он – не для зажиточности, он – против бедности.

Про стратегию расширения по частям давно Вам рассказал. Вариант первый. *Второй стратегический спонсор*. Это не вопрос идей. Вопрос личных связей. Я не обладаю достаточным уровнем связей, которые дают выходы на *большие* деньги. Тусовка другая. Хоть умри, только не собираюсь умирать *из-за этого*. Хоть часто думаю о смерти вообще, впрочем, это началось не вчера. Не значит, что упущу возможность «кинуться на случай» и попробовать его «словить». Значит, что не могу его спланировать, не имею ясной стратегии ловли и, будучи перестраховщиком и занудой, исхожу из того, что в ближайший год такой второй *спонсор* на голову не рухнет.

Поэтому считал и пересчитывал сто раз всякие разные варианты. Мы в лучшем случае сможем сохранить штат. Придется сократить должность Вики⁶² и преобразовать ее в должность координатора, отказавшись от мысли иметь интернов. Даже при этом зарплатный фонд возрастает, так как придется накинуть самым мало оплачиваемым. С 1 июля, когда я снова официально вступлю в должность, Ваша зарплата останется такой, какой она является сейчас – 500. Но ничего сверх того в новом гранте Вам предложить, к сожалению, не смогу. Придется по «политическим» соображениям, как Вы понимаете, повысить до Вашего уровня зарплату ИГ⁶³. Даже в этом варианте зарплатный фонд «вылезет» за четверть гранта, а есть аренда, оборудование и на поддержку офиса. Дело будет непростое.

Вариант второй. *Осторожная коммерциализация*. Платная школа-студия. Не новая идея для Вас, ее обсуждали зимой. «Под сенью страховки» гранта можно рискнуть за три года что-то соорудить. Но это высокорискованное мероприятие. Можно прогореть и нажить много неприятностей со всех сторон – включая спонсорскую. Не представляю, сколько денег понадобится на аренду помещения. Первичные инвестиции – риск, вкладываешь свои и сегодня, а по-

⁶² Селиванова (Журавлева) Виктория Юрьевна (р. 1974), в ту пору аспирантка ИСК РАН.

⁶³ Виноградова Ирина Геннадиевна, главный бухгалтер в Форуме (2000–2012).

лучишь или не получишь послезавтра – не ясно. Вы рисковать не любите, как заметил – не осуждаю несколько, сам такой, поэтому не иду ни в бизнес, ни к ребятам типа Караганова⁶⁴ или Кортунова.

Вот почему за год Вам надо еще раз (к тем, ста тысячам раз, что были прежде) все оценить. Рывок к повышению материального благосостояния в рамках Форума Вы, боюсь, не сделаете. Неприятно Вам говорить, но это, скорее всего, так. Варианты поведения Вы знаете не хуже меня, скорее, даже лучше.

Сотрудничество может перестать соответствовать жизненной стратегии сторон. Что делать? Попытался честно Вам пояснить видение ситуации, Ваших объяснимых проблем и перспектив развития Форума. Дальше смотрите. Выше себя не прыгну, а Ваши лестные слова обо мне и Форуме – они ведь, как Вы знаете, ни во что материальное не преобразуются. Это рынок. Будет внезапный на нас запрос – постараемся просоответствовать. Но нет подходящего. Отпетый обманщик АВК пробует купить за гроши, причем меня. Весьма «непрозрачный», скажем, САК сулит нечто туманное, пытаюсь «приручить» к положению вроде помощника. Смешно, если б не грустно.

Нужен рывок в уровне связей. Это не получается, а на том уровне, который мне доступен, бегают «маленькие» деньги, которые все «хватывают». Получается структуризация проблемы. Добавить, кажется, нечего.

АБ

18.

А. Д. Богатуров – Д. С. Богатурову⁶⁵. «...угол зрения для молодых авторов должен быть хитрым...». 30 апреля 2004.

Вашингтон – Санкт-Петербург

Понятие такое, подозреваю, может давно на уровне словоупотребления существовать – не понятие, а словосочетание. Понятия, в строгом смысле, может и не быть. Поэтому угол зрения для мо-

⁶⁴ Караганов Сергей Александрович (р. 1952), д. и. н., профессор, декан факультета НИУ ВШЭ.

⁶⁵ Богатуров Дмитрий Сергеевич (1980), двоюродный племянник автора, к. г. н., доцент факультета географии СПб. гос. университета.

лодых авторов должен быть хитрым: не о понятии, а о содержании понятия или об уточнении его. Мягче и осторожней.

Но важно понимать: даже такая постановка вопроса требует проработки по литературе – русской и англоязычной. Иначе можно «пролететь», и все будут смеяться. Тут бояться нечего, но труда надо немало – читать. По своему опыту знаю, что употреблять такие выражения, скорее всего, и русские, и иностранцы будут, а пояснять и развивать содержание понятия – не станут. Поэтому надо дать достаточно полный набор вариантов словоупотребления нашей литературе и зарубежной, а потом сказать – «нас не удовлетворяет ни одно» или «никто не дает определения, а только называет» или еще как-то – и потом давать свое понимание. По-другому серьезного подхода не получится.

Вводить надо очень осторожно – существует огромная литература по: а) безопасности вообще; б) жесткой; в) мягкой безопасности. Вы берете из мягкой безопасности – один аспект. Надо, чтобы было ясно читателю: Вы понимаете место своей темы в широком контексте проблем безопасности. В этом смысле начало второго абзаца звучит очень «странно». Угроз – миллион, а вовсе не три. Это не устная скороговорка, а письменный текст. Иначе читатель подумает: опять студенты шалят.

Осмысление «нетрадиционных» аспектов безопасности (мягкой безопасности) началось раньше, конечно. Еще начало 1970-х годов с «нефтяными шоками» дало бешеный толчок «экономической безопасности», а очень скоро пошли прочие, а потом появилось понятие «комплексное обеспечение безопасности». Все – начало 1980-х годов. Начинать с 1991 г. – уязвимо.

Не совсем так, рост интереса к мягкой безопасности – во многом реакция на неверие в ядерный конфликт и, соответственно, в традиционную военную безопасность. В начале 1990-х либералы сами поверили и многих убедили в том, что теперь будет отлично и не будет войн. Про малые войны – конфликты с этническим измерением, что Вы и имеете в виду, они думать не стали.

Примерно с упоминания ООН в головах начинается каша. Надо пояснить цель своей работы. Если понял верно (не факт), то цель текста – уточнить понятие «этническая безопасность» и показать, отчего пользоваться им в анализе удобней и продуктив-

ней, чем не пользоваться. Значит, должна быть четкая структура. То есть несколько частей, отличаемых друг от друга и для написавших, и для читающих.

1. Современное словоупотребление по литературе. Вы как ставите диагноз ситуации, важная часть, ее все посмотрят, будут искать сноски на себя и тех, кого знают – русских и иностранных. Провалите – все будут говорить, что слабо.

2. Анализ того, в какой мере и в каких формах присутствует в «подразумеваемой форме» то, что соответствует вашему (еще не поясненному) пониманию «экономической безопасности», в иных материалах и документах. Смысл части показать: люди чувствуют, что надо бы ввести новое понятие, а сказать не могут или не хотят. А вы вот это тоже чувствуете, но сейчас в третьей части попытаетесь сказать. Про это в первом варианте текста написано просто сыро.

3. Ваше понимание СОДЕРЖАНИЯ понятия. Это главная и самая сложная часть. Надо сказать от себя, что Вы думаете есть содержание понятие. Ради этого весь текст, строго говоря.

4. Последние. Какие вопросы Вы будете анализировать при помощи Вашего нового или уточненного понятия.

В тексте вторая и третья часть представлены как «нерасчлененка». Вы эти два аспекта вопроса не различаете. Поэтому анализа не получается, получается попытка что-то нашарить в потемках. Развести два аспекта – задача для ума, да, трудно, не спорю. Но без этого АНАЛИЗА не получится. Писать про теоретические вещи – трудно. Это не просто рассказать байки на тему «на Кавказе живут лица кавказской национальности и говорят на кавказском языке». Но возможно. Вопрос вложенных сил и мозгов.

Следите за темой: этническая безопасность – одно, методы обеспечения – другое, роль этнических проблем в возникновении конфликтов – третье, регулирование этнонапряженности – четвертое. Логика расположения должна быть в каждом абзаце. В тексте больше «предчувствия концепции», чем концепции. Не страшно, но надо тщательно работать.

Общая задача: должен быть один абзац, в котором будет сказано нечто вроде «под экономической безопасностью предлагается понимать состояние политической ситуации, для которой характерно...». Можно схитрить. И написать «под обеспечением экономической

безопасности понимается...». В первом случае будете описывать состояния, во второй – действия. Выберите, что легче вам.

Примерно так. Сноски должны быть. Не ссылайтесь на популярную литературу. Обязательно должны быть иностранные работы.

Алексей Богатуров

19.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «...Европа произвела и продолжает производить культурную и гуманитарную традицию...». 30 апреля 2004. Вашингтон – Москва

Ха, европейское влияние, ничего себе.

Думаю, США забойщик по части битья по голове, а Европа произвела и продолжает производить культурную и гуманитарную традицию, удерживать за собой роль блюстителя традиции, школы и канона гуманитарности (все условно, конечно). Ее более мирная политика и теория политики, особенно сегодня, явно более универсальны, чем американские грубости. Поэтому есть культурное влияние (мирное, более мягкое, соблазн примером и показом), а есть политическое (Ваш культурный образец берется и навязывается при помощи силы или грубого экономического давления через санкции).

США экспортируют стандарты политики и военной мощи, Япония – бизнеса и менеджмента, Китай – опыт успешной консервативной трансформации в условиях Востока и Полувостока. Россия – типичный пример сугубо регионального влияния, хотя в начале прошлого века она успешно экспортировала модели художественного творчества исключительно успешно. Модели экспортировал в известном смысле результативно даже СССР. Попробуйте в этом ряду подумать о Европе в последние 25–30 лет.

Немного написал о том, что бросается в глаза: модель интеграции – чисто европейская вещь. Не знаю точно про НАФТА⁶⁶, но тихоокеанский регионализм, когда начинался в 1980-х, только твердили о Европе и сравнивали Тихий океан с ней.

⁶⁶ North American Free Trade Agreement – Соглашение о свободной торговле в Северной Америке.

Европа дала уникальную модель преодоления государственного эгоизма и замкнутости, невиданно высокую, неприемлемо высокую культуру компромисса. Идеальный стандарт – сравните культуру компромисса Японии, хотя она шла своим путем.

Насколько понимаю, сегодня США стоит на том, что импортирует образцы, исходно сделанные в Старом свете – посмотрите культурную жизнь Америки, от самих форм культурной жизни до исполнителей – уроженцев США среди них в лучшем случае 30%. Америка произвела свои культурные формы – мюзикл на основе германского кабаре-шоу и сверхиндустрию Голливуда. Но что еще?

Ведь производство культурного образца – не то, что Ващенко⁶⁷ подсмотрел, как мы делаем и сделал сам за такие же или большие деньги. А что у нас? Лаборатория, которая непрерывно изобретает новации и втихомолку посягает на создание нового жанра журнала-студии, например. Мы – Европа, а если технологию раскрутим, США в лице ИНОцентра постарается ее перехватить и сделать частью своей программы. Они сильнее и богаче.

Но отчего они раздражаются из-за нашего упрямства и несогласия работать на их условиях? Знают отчего. США знают, что Европа – не просто скопище музеев, но самый мощный (на удивление) источник культурный инноваций, для которых, видимо, нужна некоторая мера отстраненности от шума и желудочных интересов центров политико-экономической динамики, эдакая музейная затхлость, которая стимулирует творчество. Не могу идти глубоко в анализ причин, но вижу, что это так.

Все школы культурной жизни – в Европе (в России тоже). Почему-то все там учатся, впитывают, встают на ноги и едут за деньгами в США, а не наоборот. В США едут учиться политике и экономике. Разве не так?

Наличие школ – главное. Когда Кременюк⁶⁸ говорит прямолинейно, что Европа, а именно Франция – культурный гегемон мира, в этом есть передержка, но в этом и схвачена верная идея.

⁶⁷ Ващенко Александр Владимирович (1966), к. пол. н., проф., декан исторического факультета Кубанского государственного университета.

⁶⁸ Кременюк Виктор Александрович (1940–2017), член-корреспондент РАН, сотрудник ИСК РАН.

Культурный гегемон – не США. Американцы нехотя и раздраженно это признают, и больше – понимают.

Можно сказать, что неважно, подумаешь, культурное влияние. Но не думаю, что это убедительно. Категория канона, границы между условно черным и белым, порочным и добродетельным – вещь культурная на две трети как минимум. Важно, кто и как производит образец. Это связано с правом, в том числе международным, понятием преступления грани. Канон справедливости задают США, а все международные суды сидят в Европе – тоже на ровном месте?

Канон (неприемлемо рафинированные) прав человека – не США, а Совет Европы. От них считают – в Китае или Индонезии. Может быть, отталкиваются, отвергают, ругаются, но непрерывно соотносят себя с ними. Американцы сильнее давят, но задача дать или не вполне дать или не дать вовсе американскому действию культурно-моральную санкцию – скорее, функция Европы. Она дает американцам ложное или неложное, но ощущение «большинства цивилизованного мира». Она неформально легитимизирует американское хамство во всемирном масштабе, и когда он отказывается это делать – получается то, что сегодня. Вроде бы никто не может выгнать Буша из Ирака, слов нет. Никакая американская мощь пока не заставила большинство европейцев сказать американцам «ОК!» Формально-политически США не в изоляции, морально – они ее с большим недовольством ощущают. Это разве не сопротивление?

Я бы сказал сопротивление среды, но тут Вы завершите, что таковой нет. Ну нет, так нет. Сопротивление есть, а среды пусть не будет, тогда составьте ряды стран, которые активно «санкционируют США» и от этого уходят. Может, такой аргумент покажется убедительней Вам, но сделать из него обобщение достаточно высокого порядка будет трудно – логика фрагментирующей аргументации будет работать на де-генерализацию.

Влияет это на мир и США. Еще бы. Причем региональное влияние на недоносков из Прибалтики? Они просто сталинские колесики и винтики. Европейское культурное влияние, его глобальный аспект имеет к расширению НАТО отношение в самую последнюю очередь. Расширения и культурной экспансии ЕС в Румынию и на Украину до конца 1980-х было не так много, а влияние европейской культурно-политической традиции на мир – было колоссальным.

Хельсинский акт – вещь культурная в такой же мере, как политическая, если его читать в оригинале и полностью. Можно вообразить такого типа документ в Западном полушарии, особенно в США?

Там знают слово «разнообразие», но оно понимается иначе, чем в Европе. В США разнообразие – фрондерство штатов или индивидов под сенью федеральной конституции и Вашингтона. В Европе – из каждой щели идет *odor* неприкосновенности разнообразия суверенитетов, которые надо, с одной стороны, между собой примирить и умерить, а с другой – сделать это в неопишимо деликатной форме (люксембургский компромисс), чтобы не развалить целого. Совсем другое, чем в США, целеполагание политики и дипломатии, это другая стратегия и тактика, а значит, и протекание политического процесса. Неважно? Ха-ха. Важно или неважно, скажем, если бы оказавшиеся грабительскими реформы начала 1990-х гг. в России шли бы осторожней и медленней, чем они велись «гайдарельцинской»⁶⁹ полуворовской командой? Спросите родителей.

Не значит, что Европу надо идеализировать. Она много раз показывала себя злобной, трусливой старухой, которая натравливала американцев на неприятных идеологических противников *интегратазма*. Балканские войны 1990-х годов – исторический грех ЕС, а не США. Мы говорим не об оценках (хорошо – худо). Пытаюсь показать механизмы культурного влияния и противоречивость этого влияния. В общем, подумайте в этом разрезе и напишите, как считаете верным.

АБ

20.

И. Г. Тюлин – А. Д. Богатурову. «...у меня не очень радостные новости». 9 мая 2004. Москва – Вашингтон

Алексей, у меня не очень радостные новости.

Прежде всего сообщаю тебе о том, что наш общий добрый знакомый В. Г. Барановский⁷⁰ находится в тяжелом состоянии, так как

⁶⁹ «Гайдар-ельцинская команда». *Гайдар Егор Тимурович* (1956–2009), *Ельцин Борис Николаевич* (1931–2007).

⁷⁰ *Барановский Владимир Георгиевич* (р. 1950), академик РАН, зам. директора ИМЭМО РАН.

в минувший четверг он перенес тяжелейший инфаркт (две клинические смерти, семь остановок сердца) и сейчас в бессознательном состоянии на аппаратуре, трубках и т. п. находится в специализированной клинике. Врачи ничего не могут спрогнозировать. Настолько тяжелая ситуация. Они лишь полагают, что инфаркт он перенес не в четверг, а за 2 недели до кризиса и, видимо, ходил с ним «на ногах». Каждый вечер получаю от Дынкиных⁷¹ информацию, но она пока неутешительная. Видимо, результат глубочайшего стресса после гибели брата и его сынишки в «Норд-Осте»⁷², мучительной и продолжающейся до сего дня болезни его отца (рак), переезда на другую квартиру с попыткой соединиться с родителями, которая оказалась безуспешной (они не хотят уезжать с дачи в город). Мы очень переживаем случившееся и уповаем лишь на возможности его организма. Все-таки он не слабый, а тренированный, спортивный человек.

Этот год для всех в Москве очень тяжелый. Бесконечные перепады давления и скачки температуры. И Толя, и я постоянно пьем таблетки, которые мало помогают.

Теперь о главном. Как тебе писал, сложности возникли отнюдь не с твоей персоной. Теперь могу сказать о причине. Как выяснилось, факультет да сам Андрей, несмотря на посей день сохраняющиеся переживания об уходе, вели работу по поиску кандидатуры. В разговоре с Анатолием и мной была названа фигура Алексея Салмина⁷³, которую они держали до последнего «в кармане». Не скрою, блестящая кандидатура, но мы были обескуражены, так как в последнее время он тяжело болел (менее года назад у него умерла после длительной болезни – рак – супруга) и находился в абсолютно дезинтегрированном состоянии. Настолько состояние было плохо, что никому в голову не могло прийти его имя.

Однако обнаружилось, что три месяца назад он резко пошел на поправку, прошел специальный курс лечения, резко потерял

⁷¹ Дынкин Александр Александрович (р. 1948), академик РАН, директор ИМЭМО, возглавляет секцию РАН.

⁷² Нападение чеченских бандитов на Дом культуры «Московский подшиппник» в 2002 г. («Норд-Ост»). Было около 200 погибших.

⁷³ Салмин Алексей Михайлович (1951–2005), декан Факультета политологии МГИМО в 2004–2005.

в весе и даже выглядит лучше, нежели полтора года назад. После известной растерянности мы с Анатолием приняли решение переговорить с ним, предварительно выяснив правду о его физическом состоянии. Кроме того, известно, что он руководит мощным Фондом, и это могло бы рассматриваться как препятствие для принятия им предложения быть деканом в МГИМО. Однако после встречи с ректором выяснилось, что он настроен более чем положительно, намерен перенести трудовую книжку в институт и, не покидая Фонда, интегрировать его деятельность с факультетом. Единственное, о чем он попросил, – начать работу с 1 октября, а не с 1 сентября. Конечно, исход был неожиданным.

Алексей, дорогой, думаю, что тебе понятно чувство неловкости, которое мы испытываем перед тобой ввиду сложившейся ситуации. Но поверь, наше обоюдное с Толей желание, как он сам выразился, «сохранить Алексея для МГИМО». Не хотел сейчас излагать те соображения, которые высказывает Анатолий, дабы не создавать у тебя впечатления, что мы из МГИМОВского кармана вытаскиваем для тебя очередную морковку. Лучше обсудить после твоего приезда в Москву. Главное, чего мы бы очень хотели, – предотвратить с твоей стороны чувство обиды на нас и хотели бы быть уверенны также в незыблемости наших самых добрых отношений и незыблемости нашего сотрудничества.

Твой Иван

P.S.: Может быть, не очень уместно писать традиционную культурную страничку в этом послании, но все же. Посмотрел Алину Кожокару и Йохана Кобборга⁷⁴ (из «Ковен Гардена») в «Сильфиде». Она наделала в прошлом году много шума как лучшая Сильфида и Жизель в мире, но ни она, ни он меня особенно не впечатлили. Сегодня бегу в Большой на вечер, посвященный 80-летию творчества Игоря Моисеева⁷⁵. А 13-го хочу посмотреть первое выступление Цискаридзе в качестве феи Карабос. Последнее любители ожидают с нетерпением.

⁷⁴ Кожокару, Алина (р. 1981); Кобборг, Йохан (р. 1972) – солисты балета Ковент-Гардена (Лондон).

⁷⁵ Моисеев Игорь Александрович (1906–2007), видный российский балетмейстер.

21.

А. Д. Богатуров – Э. Г. Соловьеву⁷⁶. «Вы, конечно, одаренный человек». Не позднее 9 мая 2004. Вашингтон – Москва

Эдик,

прочитайте, исправьте, можете добавить 2–3,5 станицы по кусочкам в разных местах и пришлите обратно быстро.

Третий материал, который читаю. Разрешите некоторые замечания.

1. Вы, конечно, одаренный человек. Но тем выше требования к Вам.

2. Текст – не Вы (самый любимый и со всеми недостатками) и не механический слепок Вашей внутренней природы во всей противоречивой сложности и богатстве. Как ребенок или картина, которую Вы нарисовали. Пока рисовал – она была Ваша, а нарисовали – ушла и стала жить своей жизнью. Это текст и так надо его видеть и чувствовать. Вы его пишете не просто, чтобы убедить еще раз: у меня есть нутро. Вы ведь хотите часть этого нутра кому-то отдать (или навязать, заставить его взять часть Вашего нутра и сделать частью нутра своего). В этом механизм влияния авторов на читателей. А значит, Вы должны быть заинтересованы, чтобы читатель Вас «освоил», а не отторг, не дочитав.

3. Дальше начинается чистая технология «проскальзывания» в нутро читателя. Чем легче Вы в него проскользнете, тем больше шансов, что он Вам «попался». Пишите – думайте не только о своем отражении в мысленном зеркале, но и об этом читателе. Если он сквозь Ваш текст не «продерется», считайте, писали зря. Чем понятней ему будет, тем известней Вы скорее станете. Смысл – много, форма – не меньше. Она может задавить смысл или укрупнить его. Технология авторской работы, «ремесло поэта», как говорила Марина Ивановна⁷⁷, как сейчас помню, еще в Елабуге (шучу).

4. Читайте себя. Читайте и исправляйте. Выбрасывайте лишнее, спрямляйте мысль, избавляйтесь от ненужных куч словесного

⁷⁶ Соловьев Эдуард Геннадиевич (р. 1968), к. пол. н., зав. сектором в ИМЭМО.

⁷⁷ Цветаева Марина Ивановна (1892–1941), выдающаяся русская поэтесса.

мусора. Знаю, мусор, но свой – жалко. Да, жалко. Но если потребитель перестанет читать – будет жалче. Я не шучу. Читайте себя много раз, по ходу убирайте слова и фразу, которые Вам самому мешают следить за Вашей же мыслью. Все, на чем при чтении спотыкаетесь, в чем вязнете – либо выбрасывайте, либо упрощайте.

5. Статистика трех редактур: только на убирании лишних слов (цели и задачи, власть и ответственность, роль и место, велика и необходима, исчерпывающе и оптимально, нормы и правила) сокращаю Ваши тексты в 60 тыс. до 40 без ущерба для смыслов. Очень высокий «коэффициент многословия». Сыграйте с собой в игру: напишите текст (или возьмите готовый) и, внимательно почитав, уберите слова, без которых смысл не исказится. Посчитайте число лишних. Оцените – почему Вы написали эти лишние. Сформулируйте принцип: чего не надо делать впредь.

6. Вы зрелый автор и доказывать, что Вы знаете много слов, в том числе сложных и красивых, – наивно. Все и так это знают давно. Теперь надо писать ясно. Это разница между рококо и классицизмом.

7. Успехов. Не сердитесь. Жду,

АБ

22.

А. Д. Богатуров – И. Г. Тюлину. «Конечно, ничего приятного в этой ситуации для моей карьеры нет». 10 мая 2004. Вашингтон – Москва

Дорогой Иван,

по сути, это письмо тебе и Толе. Поэтому будет нормально, если ты его ему покажешь или перешлешь.

Конечно, ничего приятного в этой ситуации для моей карьеры нет. Сбой в ИКСРАНе остается проблемой, и ваше предложение казалось везеньем и разумным начинанием. Думал: еще 10 или 15 лет активной карьеры впереди и можно сделать большое дело. В этой идее был размах, азарт и привлекательность во многих смыслах. Спасибо, что вспомнили обо мне.

В то же время не думал и не думаю, что кто-то должен был или должен помогать в моей карьерной проблеме. Не случилось – значит, не случилось. Счастливыми случаями не избалован.

В обиду впадаю, как показывает практика, всегда и только в одном случае: если считаю, что у меня «увели» законные плоды моего труда. Не открою тайны – мы в 1998 г. перед моим уходом к Рогову с тобой об этом поговорили честно и без криков. Обида была в связи с магистратурой.

Факультет – детище Мельвиля, он придумал, пробил и сделал. Не было у меня прав на этот подарок, и поэтому он мог стать улыбкой судьбы. Но и только. Не улыбнулась дамочка, что поделаться – такой у нее нрав, не новость. Неприятно все равно, но это не повод для обиды. Это – повод для не очень веселых размышлений. С каждым из нас по жизни случалось, подозреваю, больше, чем один раз.

В то же время и по здравому рассуждению бывают ситуации, когда резкие движения вредны. Как в Библии – всему свое время, если ждать неприятно (всегда неприятно, ты знаешь). В Америке между писаниной (в декабре примерно) придумал смешную штуку – «теорию исключения средних уровней». Может, ее до меня придумал кто-то, но я не знал. Придумалась она сама и *вдруг* – в ходе нашей вяловатой переписки с Барановским по поводу планов в ИМЭМО (сектор-центр-отдел и прочее). Суть «теории» в том, что на определенном этапе карьеры может оказаться, что для тебя (меня) могут иметь практическое значение только высокие или рядовые уровни карьерной иерархии. Средние – не только бесполезны, но и вредны: теряешь существенно больше, чем можешь получить.

Высокие тяжелы, но они дают «условно уникальные» компенсации в виде престижа и разумной доли власти-влияния на интересное дело. Рядовые – потому что они обеспечивают свободное время для поиска компенсаций (еще – свободы, дополнительных денег, личной жизни, наконец). Средние уровни не дают ни первого, ни второго. Они привлекательны или для людей, не достигших зрелости, но явно идущих к ней (Воскресенский⁷⁸ – идеальный вариант, Мальгин – потенциально), или для людей, нацелившихся

⁷⁸ Воскресенский Алексей Дмитриевич (р. 1960), д.пол.н., профессор, зав. Кафедрой востоковедения (1999–2007) МГИМО, 2008–2017 гг. – декан Факультета политологии.

на покой (Уколова, Наринский, Печатнов⁷⁹). Я не вписываюсь ни в одну из этих категорий. Особенно сейчас, когда отгулял «отпуск» за предшествующие шесть лет сразу.

Либо найду большое дело (буду искать его и ищу), либо все равно найду, «составив» из нескольких дел, «менее больших». Прекрасно и не теоретически понимаю, как сложно. Потому, конечно, не жду, что кто-то кинется решать проблемы за меня.

У меня нет к вам претензий. Да и обиды нет. Больше скажу (говорил, кажется, тебе однажды): старая обида затерлась-забылась-затерялась. Может, потому что после 1998 г. было много хорошего – книжка-четырёхтомник, новый журнал, выживший форум (в 2005 г. проекту зимних и летних школ будет десять лет), факультет в ИСКРАНе, работа в газетах... Времени упиваться обидами не было, желания – тоже.

Иван, без ухмылок: не надо мне «морковок». Жизненные проблемы решены и много денег – на мой вкус, конечно. Нет дела «по плечу». А это – вопрос иного порядка.

Не собираюсь ничего менять в отношениях с институтом. Насколько помню, «Матвейч» меня в план вставил (он писал об этом). Про другие планы – не знаю. Полставки – нормально.

Спасибо, конечно, – без иронии говорю – что вам неловко. Больше, чем остальное. Но не нагружайте себя этим. Будет случай – когда-нибудь стечется удачей. А не будет – жизнь не кончается. Значит, все равно. Обнимаю.

Алексей

23.

И.Г. Тюлин – А.Д. Богатурову. «...твой ответ меня расстроил...». 11 мая 2004. Москва – Вашингтон

Алексей, дорогой,
конечно, твой ответ меня расстроил, но честно признаюсь, дру-

⁷⁹ Уколова Виктория Ивановна (р. 1944), д.и.н., профессор; Наринский Михаил Матвеевич (р. 1942), д.и.н., профессор; Печатнов Владимир Олегович (р. 1947), д.и.н., профессор – заведовали кафедрами и состоят в штате МГИМО.

гого не ожидал, хотя думаю, ты немножечко перегибаешь по части «роковых» тенденций на твоём жизненном пути. Не самоедствуй, прошу тебя! Кажется, нет серьезных оснований и вредит здоровью. Замечу, что даже те, кто, может быть, казался твоими недоброжелателями в институте (известная дама) искренне настроены к тебе очень положительно, а она призналась мне, что при иных обстоятельствах выступила бы в твою поддержку. Но, впрочем, не буду углубляться. Об одном прошу, как только приедешь, свяжись прежде, чем ты будешь принимать какие-либо решения.

О морковке, боюсь, ты меня не понял. В нашей голове (Толиной и моей) действительно вьются варианты достойного, подчеркиваю, уровня, диктуемые совершенно искренним желанием сохранить тебя в институте больше чем на 0,5 ставки!!! И то, что пишу, – не «морковка». Было бы легче сказать: «Ничего не получилось, прости». Но движет отнюдь не желание замазать «рану», а реальная высокая оценка тебя как специалиста и МГИМОВца. Буду ждать звонка по твоему приезду. Кажется, это произойдет 8-го июля? Уточни.

Иван

P.S.: У Володи Барановского совсем нехорошо. Сегодня должны «включить» сознание, потому что (чего не знает его супруга) появились подозрения по части состояния мозга. А позавчера пришлось подавлять антибиотиками воспаление легких и откачивать из них жидкость и гной. Все это ужасно!

24.

А. Д. Богатуров – И. Г. Тюлину. «...приехал час назад из Нью-Йорка». Не отправлено. 14 июня 2004. Вашингтон

Дорогой Ваня,

приехал час назад из Нью-Йорка. В «Мете» смотрел «Дон Кихота» с Дворовенко и Белоцерковским⁸⁰. Весь сезон «тащат» ре-

⁸⁰ Дворовенко Ирина Владимировна (р. 1973), Белоцерковский Максим Маркович (р. 1974) – были солистами балета «Метрополитен» (Американского театра балета) в Нью-Йорке после окончания Киевского училища.

пертуар. Оба не пленяют, хоть сильные и одаренные. Кто и как с ними репетирует – загадка. Трюков много, но пахнет таким «провинциальным» мылом. У нее очень гибкий торс и оттого красиво получаются большие позы. При этом отбарабанила 35 фуэте, «влепив» сумасшедший темп в начале (конечно, поперек музыки). По форме – ужасно, коленку не тянула, нога закручивалась и оттого казалась кочергой. Шаг большой, но прыжка нет.

У него – очень хорошее вращение, вроде прыжком. Но пируэты – с «торчащей» ногой, до единого. По форме за такие танцы – Ермолаев или Варламов бы убили. И Плахт⁸¹ тоже. Но трюки приводят американцев в восторг, все довольны, смеются. Мест в партере довольно много.

По части темперамента, каскадности – проблемы у обоих.

Сценография – слезы. Всегда над Горским смеялся. Но он гений рядом с ними. У них идет версия Макензи на базе «переноса» Барышникова⁸² – который сработал не очень удачно, во всяком случае, с точки зрения зрелищности и ансамблей.

Сцена «Сон» идет в полумраке – буквально сделали на лесной поляне и, вероятно, при свете луны. Самая красивая ансамблевая сцена плохо видна – что не так глупо, так как в полутьме не так видны спутанные ряды и нестройные «кучки» дриад.

Но венец режиссерской скудости – начало. Декорация и костюмы в отдельности гениально и красиво. Все вместе при расположении «фоновых артистов» («толпа»), которое словно нарочно придумано для того, чтобы танцы Китри и Базиля не были видны. Их заслоняют. Зрительно солисты сливаются с фоном, никакой отчетливой танцевальной канвы не удастся добиться.

Теперь понял, почему Петипа сажал миманс – когда он сидит, головы солистов зрительно возвышаются над головами сидящих

⁸¹ Ермолаев Алексей Николаевич (1917–1975), Варламов Алексей Алексеевич (1920–1978), Плахт Иоэль (Юлий) Иосифович (1918–1988) – солисты и педагоги балета Большого и Пермского государственного театра оперы и балета.

⁸² Горский Александр Алексеевич (1971–1924), Макензи, Кевин (р. 1954); Барышников Михаил Николаевич (р. 1948) – балетмейстеры, солисты русского и иностранных балетов.

(вид из партера) и это сразу придает рельефность композиции. Когда все стоят, то солисты просто хуже видны, внимание рассеивается, их приходится «рассматривать» на общем фоне. Еще смешней с костюмами. В принципе – они понравились – сделано на игре оттенков одного и того же цвета – получается нежно, переливчато и по гамме очень красиво. Но когда солисты танцуют на фоне такой цветовой гаммы и с учетом того расположения, в котором сказал выше, их видно хуже. Глаз «мучается», «отмахиваясь» от второстепенностей, чтобы сосредоточиться на главном – впечатление не успевает сложиться.

В общем, отставные плясуны в роли постановщиков – история известная.

После размышлений могу сказать лишь то же, что писал раньше: не надо суетиться. Давай отложим поспешные беседы годика на пол. Живы будем – поговорим и о делах, если конкурентоспособный сюжет возникнет.

АБ

2005

25.

А. Д. Богатуров – Н. А. Коробий⁸³. «...идея в том, что представление о системе МО неадекватно реальности...».

31 марта 2005. Москва – Ставрополь

Наташа, здравствуйте.

Помню, про Вас написали в последнем номере.

Так понял, что идея в том, что представление о системе МО неадекватно реальности, так как оно построено на представлении о системе «государств-полюсов» – государств, к которым примыкают или приоритет которых оспаривают новые акторы. Новые, по нашим представлениям, «врываются» в систему государств,

⁸³ Коробий-Батищева Наталья Анатольевна (р. 1978), к. и. н., работала преподавателем Ставропольского госуниверситета, потом переехала в Санкт-Петербург.

хотят ее захватить. Но определяют себя по отношению к системе государств через нее, через свои отношения с ней.

Вы предполагаете:

1) систем много, и они могут быть фактически равноправными не по букве закона, а по факту,

2) мысль о том, что государства главенствуют – продукт государств и тех, кто чувствует комплекс неполноценности по отношению к ним, хочет с ними стать вровень,

3) система негосударственных акторов может быть давно и хорошо сложившейся, хотя нераспознанной мышлением политологов-государственников и политологов-антигосударственников (политологов «негосударственников», то есть тех, которые считают правильным просто игнорировать «государствоцентричный» уровень анализа – просто нет, Вы может быть первая).

Соответственно, Вы предполагаете, что транснациональный терроризм с системной точки зрения – не субъект, стремящийся покорить систему традиционных и пост-традиционных МО, а просто некий субъект, относящийся к иному ряду. То есть иному классу – не систем (терроризм – система), а иному классу мировой системы, с позиций которой может представлять в существенно иной перспективе, чем о том повествуют ВСЕ русские и иностранные книги по МО.

Это то, что уловил, хотя не уверен, что уловил все.

Не просто комментировать, так как, с одной стороны, логика Вашего рассуждения мне кажется верной и предположение вовсе не пустым. С другой стороны, заявить такую позицию – мало. Ее надо исследовать. Определить черты системы, попытаться определить систему традиционных и посттрадиционных МО через систему негосударственных акторов.

Вполне допускаю, что работа может получиться и будет она, если получится, оригинальной и новаторской. Но не простой.

Если интерес не пропал, может поиграть. Сформулируйте свои мысли и пришлите их в более структурированном виде. Отвечу Вам более пространно. Мы поставим в журнал как обмен мнениями.

А если сможете развить с цитатами или аргументами, сносками и прочим в статью – прекрасно. Мысль в этом есть.

АБ

26.

А. Д. Богатуров – Н. А. Коробий. «Но порядок надо в голове навести». 3 апреля 2005. Москва – Ставрополь

Думаю, не глупо. Но порядок надо в голове навести.

1. Система – это а) элементы, б) взаимоположения, в) взаимосвязи. Теоретически (везде написано) это равноценные составляющие. При этом системный подход и настаивал на том, что надо больше учитывать роль связей-движений.

2. Но Ваше предположение может быть умно в том смысле, что в версии системы, которая Вас занимает, именно связи будут доминирующим, определяющим элементом. Или они будут таковым в большей степени, чем они таковыми являются в обычной, так сказать, системе. А при рассмотрении «обычных» систем действительно де-факто больше внимания уделяют составляющим – элементам-компонентам, игрокам, а не их связям. Это наблюдение, думаю, вполне верное.

3. Не вполне понял про стрелочки. Но рассуждение о потоке кажется рациональным. Как и про то, что не элементы регулируют, а потоки регулируют элементы. Только немного отвлеченно звучит без примера-иллюстрации, трудно воспринимать тупому читателю. Поищи пример.

4. Хаос – синергетика и хаос – совсем не хаос в обыденном смысле. Синергетика – теория хаоса и теория самоорганизации одновременно. Читал два раза на школах лекции, в которых говорил, что транснациональный терроризм, в частности, все его нынешняя эпоха составляет больше думать не просто о регулировании системы, а о ее саморегулировании, не об организации порядка МО, а его самоорганизации.

Тогда ты была не готова это «схватить», а сейчас своим путем к этому возвращаешься, что хорошо. Есть авторы и книги. Они сложные и среди них нет международников, но кое-что читать нужно. В номере седьмом будет статья Бородкина⁸⁴ – там кое-что есть, первый подход. Из молодых об этом пробовал писать мой

⁸⁴ *Бородкин Леонид Иосифович* (р. 1946), член-корр. РАН, автор трудов по истории, о путях и формах развития.

аспирант Темников, но бросил. Думать пытался Офицеров⁸⁵, ты его, может быть, знаешь. Из известных фамилий – Пригожин, Хаген, а русские – Курдюмов, Князева⁸⁶ (была у нас на школе в Светлогорске, так ее наши дурачки чуть не осмеяли!).

Так что хаосология – не дурацкая теория, а типичная «наука о сложном». Она не говорит о том, что порядка нет. Она говорит, что порядок – может быть, крайне сложно организован и момент начала его самоорганизации предельно трудно уловить, потому что этот момент может возникать в недрах самого что ни на есть хаотического состояния. Поэтому главная идея – не хаос, а порядок – из хаоса.

5. Полное засилье в теории американцев, британцев и французов заставляет остальных говорить их словами и оперировать их категориями. Не знаю ни одного китайского теоретика МО. Знаю одного японского – Акихико Танака⁸⁷, его цитировал в одной из ранних своих работ. Он пишет по-английски, но он нормальный японец и работает в Токио.

АБ

27.

Н. А. Коробий – А. Д. Богатурову. «Давайте схематично (примитивно) поместим систему МО...». 6 мая 2005. Ставрополь – Москва

Здравствуй, Алексей Демосфенович!

Помните, я Вам писала. Потом не было времени жить, не то, что думать. Дождалась следующей командировки. Можно Вас опять помучаю? Не скажу, что продвинулась в своих мыслях, но попробую более четко представить их, хотя большую часть Вы не просто уловили, а доступно и кратко объяснили. Вот моя идея.

⁸⁵ *Темников Денис Михайлович* (р. 1977), к. пол. н., работает в системе МИД РФ; *Офицеров-Бельский Дмитрий Владимирович* (р. 1979), к.и.н., доцент Пермского государственного университета.

⁸⁶ *Пригожин Илья Романович* (1917–2003); *Хаген, Герман* (р. 1927); *Курдюмов Сергей Павлович* (1928–2004); *Князева Елена Николаевна* (р. 1959), д. ф. н., проф., работает в Институте философии РАН.

⁸⁷ *Танака, Акихико* (р. 1954), японский ученый-международник.

Давайте схематично (примитивно) поместим систему МО в пространственно-временную плоскость α (рис. 1), где x – пространство, y – время, A_n – субъекты МО.

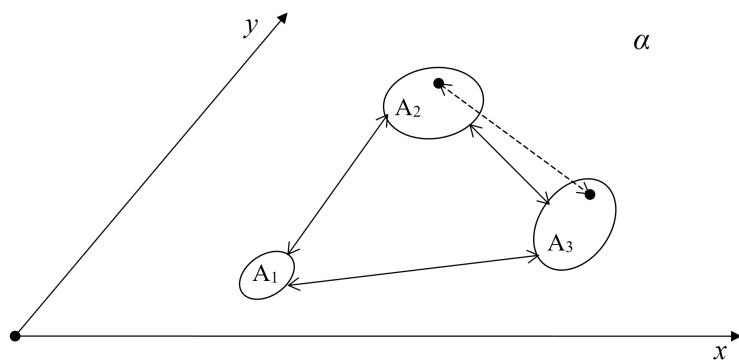

Рис. 1

В этой плоскости по идее (и происходило) формирование, трансформация различных систем МО. Причем последней была биполярная, а основными акторами выступали государства (или + новые акторы).

Причем не так просто, не можем сказать, что взаимоотношения между акторами выстраиваются в этой плоскости. Существует и некая ось «Z», которая характеризуется как «качество» (не знаю, как сказать точнее) взаимоотношений основных элементов международной системы (рис 2). Ввожу координату, чтобы легче было понять дальнейшие рассуждения.

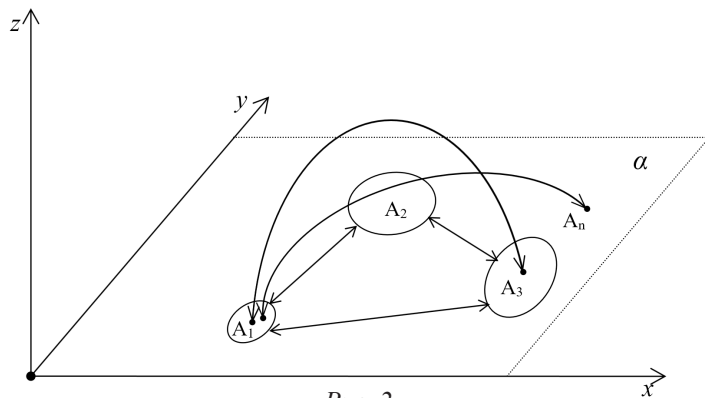

Рис. 2

Основные параметры оси Z – сумма таких факторов, как за-конспирированность, неподконтрольность властям государственной власти или негосударственным субъектам МО, отсутствие информации о таких связях и другим примером. Взаимоотношения между элементами МО выстраиваются в трехмерной системе координат (одни процессы мы можем уловить и прочесть о них, о других догадываемся, и страшно подумать, насколько они вне поля исследования). Простой пример – СМИ разных стран, спецслужбы, Интерпол, ТНК, неправительственные организации, которые, находясь на территории государства, выстраивают взаимоотношения с другими акторами МО системы исходя из количества интересов. Причем взаимоотношения вписываются в существующую систему МО, контролируются государствами и некоторыми, и некоторые из них называются как «новые акторы».

Но! Чем выше по оси Z их координата, тем меньше контролируются они государствами.

Однако с крушением биполярной системы МО произошел выброс свободных радикалов или «новых акторов» из-под контроля и влияния государств (но не всех). В этот период начинают говорить о хаосе, синергетике, построении новой системы, невозможности определить ее черты. Неважно. В период, когда нет новой, но не функционирует новая происходит мгновенный, но достаточный взлет взаимоотношений по оси Z , «потеря» государством многих элементов.

Появляется некая плоскость β , за пределами которой государства или негосударственные акторы не могут контролировать вновь возникнувшие или старые, но изменившиеся взаимоотношения между отдельными субъектами (рис.3).

Например, государства могут бороться с терроризмом или международной преступностью, но! Воздействуя на их центры лишь до плоскости β по оси Z . Дальше не хватает информации. Можем объявлять войну терроризму, но также на уровне того, что о нем знаем. Но это забегаю вперед.

Причем эти «сети» (не знаю как назвать качественно изменившиеся взаимоотношения) не являются застывшими и постоянно меняют амплитуду по оси Z . Я думаю, что сейчас на этих сетях сложились самостоятельные центры, элементы, группы,

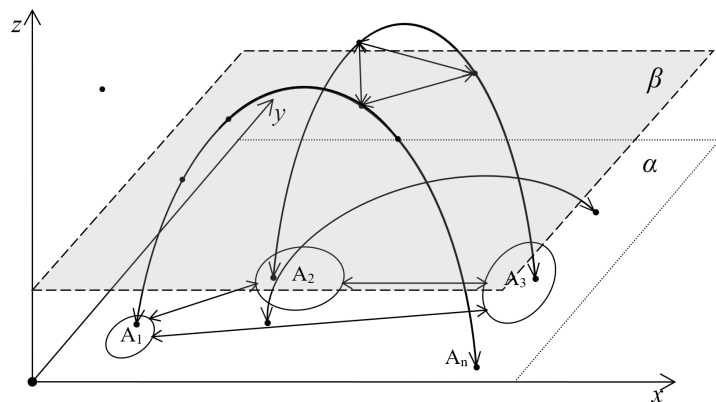

Рис. 3

индивиды, которые могут выступать самостоятельными субъектами сети, налаживать взаимоотношения с другими такими же субъектами, но другой сети (международная преступность, терроризм, СМИ и взаимодействуют между собой на каком-то уровне). А мы говорим о тесном или нетесном сотрудничестве между мафией и терроризмом, последнем и ЦРУ. Качество и глубина таких взаимоотношений различны, но они-то есть! Таким образом, можем говорить о существовании еще одной системы МО, имеющей самостоятельные элементы и взаимоотношения между ними и функционирующей по своим законам. Значит, можно говорить о ее структуре.

Причем она выходит за границы старой, но имеет на нее проекцию. Государства вписывают элементы системы как «новых авторов», «новые вызовы» и пытается втянуть в свою с целью контролирования. Они втягиваются, но порой сами влияют (не регулируют) на старую, они существуют за ее счет.

Почему не могу рассматривать их просто как «акторы в тени», а считаю, что это элементы другой системы? Могу выделить различия.

Во-первых, новая система существует за счет множественности, старая пугается неупорядоченности.

Во-вторых, слишком много появляется «новых угроз», «новых субъектов», но со старой историей. Причем говорим, что терроризм существовал всегда, а глобальной угрозой стал только

сейчас. Почему? Стал неуправляем. Признаем, что он дисперсен, имеет прочные связи и «сети», втягивает отдельные элементы старой системы, «питается» за счет как отдельных индивидов, так и государств. То есть признаем, что у него есть структура и неконтролируемые взаимоотношения с другими субъектами системы. То же можем сказать о международной преступности. Но отлавливаем только мелких сошек и не можем избавиться, так как они находятся по оси Z выше плоскости β – они неконтролируемы. Чем выше координаты относительно Z, тем меньше государства способны воздействовать на них. Но новая система появилась не ниоткуда. Она сложилась как «паразит» и тем сложнее, чем больше «гнилых» субъектов старой системы.

Каждый субъект системы стремится к двум: выжить и добиться больше влияния (расширить среду, пространство; в идеале – добиться общемирового господства). Введем переменную общемирового влияния, максимальное значение которой – 100. При этом сумма влияния всех акторов не превышает максимального значения, $A_1 + A_2 + \dots + A_n = 100$.

В старой системе добиться мирового господства (максимально приблизиться к этому) можно:

- поглотив остальные субъекты или уничтожив их,
- сделать так, чтобы их влияние в сумме было не больше двадцати.

Методы – та же самая глобализация, втягивание в экономическое поле. Старая система стремится к гомогенности. Новая же существует лишь за счет множественности центров и обратно пропорциональна существующей. При гомогенной старой системе она погибнет. Терроризм, преступность останутся, но их деятельность будет в рамках «допустимого» (как раньше) и контролируема.

1) Новая система не стремится ни к покорению, не к «вписыванию» в старую и существует автономно.

Вот приблизительно так.

Не знаю, зачем так думаю, что могу из этого извлечь. Но вот думаю...

С уважением,

Намаиша

2006

28.

А. Д. Богатуров – А. А. Сушенцову⁸⁸. «...и не хотите ли Вы соблазниться переходом в МГИМО на тех или иных условиях». 16 мая 2006 г. 13:55. Москва – Москва

Андрей, хочу спросить Вас о нескромном.

Как Вам живется и не хотите ли Вы соблазниться переходом в МГИМО на тех или иных условиях. Мне нужен толковый человек-международник.

Дело непростое. В смысле рабочего времени. У нас есть потребность не только в свежем профессиональном человеке, но и в его присутствии в учебных планах. Есть, по сути, только один живой молодой парень (Журавлев⁸⁹), который многое тянет, но он не может все закрыть и всюду мне ассистировать (он – кандидат наук). В то же время не хочу брать молодых, в перспективах и соответствии которых профилю работы не уверен.

В идеале Ваша роль – не просто сильного ученика, но и активного молодого преподавателя, а главное, человека, который целенаправленно готовится стать преподавателем после аспирантуры, а не начнет им становиться после защиты диссертации.

Отсюда трудность – Ваша занятость в Фонде, где Вы работаете. Понимаю, конечно, что это деньги. В этом и сложность. Вопрос – сколько времени Вы сможете отдавать институту, чтобы Куликов⁹⁰ нас с Вами не убил.

Вопрос о перезачете, думаю, разрешим. Не очень помню, как звучала Ваша тема – может быть, в этом смысле придется «подвинуть», мы более ориентируемся на современность и анали-

⁸⁸ Сушенцов Андрей Андреевич (р. 1983), к. пол. н., доцент МГИМО и сотрудник Валдайского форума.

⁸⁹ Журавлев Алексей Викторович (р. 1976), к. пол. н., ушел из МГИМО.

⁹⁰ Куликов Александр Борисович (р. 1957), к. и. н., работает в разных местах.

тику (Кафедра прикладного анализа международных проблем). В принципе, в ректорате говорил, но процедуру конкретно не уточнял. Надо Вам подумать – выгоднее переводиться на второй год или на первый – с точки зрения армии и прочего.

Напишите, что думаете. Сегодня буду в МГУ на лекции в ауд. 10, кажется, в 15.20.

АБ

2007

29.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «Кудрявцеву надо планировать». 12 апреля 2007. 11.14. Москва – Москва

Сс: Кудрявцев⁹¹ Андрей

Миша,
что решили по курсу для новой магистратуры – ставить вас с Пановой⁹² или нет.
Кудрявцеву надо планировать.

АБ

30.

М. А. Троицкий – А. Д. Богатурову. «...он не считает, что у нас по кафедре есть недостача часов». 12 апреля 2007. 12.53. Москва – Москва

Алексей Демосфенович,
мы обсудили с Наринским – он не считает, что у нас по кафедре есть недостача часов. Но самое главное – ее совсем нет у меня. Поэтому, честно говоря, учитывая другую загрузку, я не планировал

⁹¹ Кудрявцев Андрей Владимирович (р. 1959), полковник в отставке, работал в МГИМО.

⁹² Панова Виктория Владимировна (р. 1977), к. и. н., доцент Кафедры ИМО МГИМО, с 2016 г. декан, проректор по международным делам Дальневосточного государственного университета (Владивосток).

делать новый 16-часовой лекционный курс в ближайшее время. Для меня это потребует минимум полутора месяца дополнительной интенсивной работы при сохранении прежней зарплаты. Пожалуйста, не обижайтесь на меня, но мне кажется, что на данный момент я выполняю все свои обязательства перед институтом и даже делаю несколько больше. Вырисовывается перспектива те-хасского проекта, по которому придется работать. Был бы очень рад выступить и перед политологами-магистрантами, но, может быть, не со следующего года.

Надеюсь на Ваше понимание.

Троицкий

31.

М. А. Троицкий – А. Д. Богатурову. «Перечитал Вам ответ по поводу курса и понял, что Вас могло задеть». 13 апреля 2007. 14:50. Москва – Москва

Алексей Демосфенович,

спасибо Вам еще раз за совет. Перечитал Вам ответ по поводу курса и понял, что Вас могло задеть. Но не имел в виду делать акцент на деньги совершенно. Могу заработать их помимо МГИМО (чем иногда занимаюсь – ведь согласитесь: иначе бы мой доход составил 11 тыс. в Форуме плюс 15 тыс. в МГИМО = 26 тыс. Можно при такой зарплате, например, жениться – при том, что однокурсники бывшие зарабатывают в два–три раза больше). Но хотел бы, чтобы Вы точно знали (другие могут ошибаться, оценивая меня): деньги не имеют для меня большого значения. Я не рос в нищете, чтобы ее бояться, и мои родители никогда не работали ради денег, что не омрачало их жизнь. Вчера (после очередных утверждений Артема, что в зарплату получу хоть что-то за мои британские расходы) я получил на карточку 6 тыс. рублей. На секунду только поморщился, но потом сказал себе: найди лучше работу, если хочешь и можешь, а потом войей с ветряными мельницами. Никаких проблем, не важны деньги настолько, чтобы устраивать скандалы и прочее.

Очень важно, что Вы говорите: со мной у начальника (у Вас) возникает впечатление, что «все плохо». Может быть, не замечаю, но никогда не жаловался ни на что ни Наринскому, ни Вам (мне

кажется), ни кому бы то ни было. Напротив, создалось впечатление, что мыслят обычно примерно так: парень сделал два новых курса, ведет по субботам по три семинара – наверное, ему это нравится, пусть дальше ведет, а мы уж тут с должностями разберемся и без него. Мотивированный, хороший преподаватель. Но никому не говорил об этом. Про выражение лица, которое сложно контролировать, Вы правы. Но и лицом стараюсь ничего не отображать. И значит, есть незримая манера поведения, которая Вас наталкивает на мысль, что хочу Вам сказать: «все плохо». Постараюсь с этим разобраться и понять, как нужно двигаться и говорить, чтобы считали за своего парня.

С курсом по глобальным проблемам так получилось, что ну совсем силы нет делать 16 лекций с колес при том, что придется обновлять остальные курсы. Написание такого курса могло бы, конечно, подтолкнуть к книге или квалификационному труду со временем. Задумку понимал. Но лекции пока, правда, даются с таким трудом, что не могу силы даже найти на этой части работы к своей нагрузке взять лекционный курс. Например, мне придется доделать курс по третьим силам в СНГ полностью за Болгову⁹³ (отличная, своя девушка, только не работает пока, да и раньше без энтузиазма проверяла работы студентов) – он будет мой полностью. Два с половиной лекционных курса осенью уже обеспечены. Понял, что для Вас было обидно, что не выполнил Вашего поручения, не пошел навстречу. Но дело совершенно не в деньгах – хотел бы, чтобы Вы об этом знали. Я неправильно сформулировал в первом письме. Энтузиазма у меня достаточно, бывают задачи, которые начальник формулирует одной строчкой. Только одна из них (подготовь письмо кому-нибудь) требует одного часа на выполнение, а другая (подготовь лекционный курс) – месяца непрерывной работы. А результат от позитивной или негативной реакции сотрудника – один и тот же. Один пишет письма, им начальник доволен, а другой делает три курса, но им все равно недовольны.

Не знаю, что из этого выйдет, но Печатнов сказал, что ректор у него спрашивал про меня, интересовался характеристикой. Он сказал, что дал наилучшую характеристику. Это не в смысле, что

⁹³ *Болгова Ирина Вячеславовна* (р. 1979), к. и. н., доцент МГИМО.

его характеристика или рекомендация может сравниться с Вашей. Просто к тому, что интерес некоторый был. Может быть, надо чаще приезжать в институт – у меня много занятий по субботам, когда никого нет. Но ехать долго, за это время можно написать что-нибудь.

В общем, спасибо, не обижайтесь на меня за ответ и за курс – Вы стали выражать недовольство гораздо раньше разговора о курсе, и замену найти не сложно. Энтузиазма у меня достаточно, и работаю вообще без выходных. Буду стараться создавать правильное впечатление у начальников.

Троцкий

32.

А. Д. Богатуров – М. А. Троцкому. «Если начальник совестливый...». 13 апреля 2007. 16.20. Москва – Москва

Ни один сотрудник и тем более руководитель не будет хорошо себя чувствовать, если все время говорят о том, что он недооценивает сотрудника, даже если тот его в самом деле недооценивает. Сознательно или подсознательно люди ждут или благодарности (хотя вроде формально никто не ждет), или – не знаю, как точнее сказать – сопричастности, понимания. Если начальник совестливый, то его укоры сотрудника или в связи с сотрудником расстраивают и угнетают. Если циничный – просто злят. В том и другом случае реакция на уровне подсознания одинаковая: желание перестать это слышать и видеть. Остальное посчитайте сами. Можно ситуацию «передать» посредством рекомендации сотрудника из тех, кому ты склонен помочь?

Формальную рекомендацию дать можно, как американцам. Реальную – Вы и на новом месте будете вести себя примерно так же. И новый Ваш соратник будет ощущать себя рядом с Вами, как прежний. Не очень уютно. Вот в чем дело. В психологии. Все хотят хорошего сотрудника. Но все хотят вокруг себя на работе наименее травматической обстановки. Я свое время не женился на одной ПРЕВОСХОДНОЙ даме по главной причине: она все время от меня хотела «чего-то еще» – изобретательности, например. Это полностью лишало потенциальный очаг духа расслабленности и уюта. Понимаю, что аналогия слишком прямолинейна, но

она точна. Людям рядом с Вами, должно быть, работать если не приятно, то не тягостно. А если «все время все плохо», то просто реагируешь, как страус – «лишь бы этого не слышать». Вам это честно говорю, но говорю в надежде, что Вы что-то усвоите. Другие, подозреваю, думают примерно тоже, но молча.

Я не рассердился из-за курса, Вы напрасно упрощаете. Давно думал и раза три–четыре мелкими порциями пытался до Вас донести. Сейчас в МГИМО, к примеру, переломный момент. И выбор «основных» кадров всегда субъективен – эмоционально, лично сильно мотивирован. Вам бы надо об этом подумать. Вы – хороший во всех смыслах. Но временами Вы невыносимы. Я сам такой, но с годами научился быть более гибким или осмотрительным. Поэтому не пытаюсь Вас судить или ругать, думаю, в последний раз, так как уже стыдно Вас поучать в силу возраста, пытаюсь Вас обратить внимание на субъективно-психологическую сторону карьеры. Она зависит не только и не столько от того, что Вы есть, а от того, что думают (что кажется) по поводу того, чем будто бы Вы являетесь.

Перестаньте считать – вслух хотя бы. Это отпугивает людей. Логику Вы вряд ли измените.

Все остальное – про то, что хотел Вас ударить по больному – позвольте отнести на счет эмоций. Совсем не то хотел сделать – если обидел, то не желая того. Подозреваю, Вам никто больше такое не скажет, просто некому говорить.

Плевать на отказы от курсов – потери, которые Вы не видите, нежелание продвигать Вас на должности в МГИМО, которые создаются на изломе и будут создаваться. Ведь всякий будет думать – парень опять начнет «качать права», возьму кого-то попроще. Вот и все. Может быть, работа в МГИМО и те должности, которые Вам могут предложить, кажутся Вам мелочью. Охотно допускаю. И твердо знаю: все стараются сто раз проверить, а потом предлагать и не много сразу, а самый минимум. Моя карьера здесь началась с цепи жульничеств, как Вы знаете, а не с честования. Может быть, у Вас будет иначе. Судить могут только на базе того опыта, который мне известен.

Миша, это не нападение на Вас. Должен был когда-то Вам нечто подобное сказать. У Вас – важный жизненный этап. Выбор стратегии очень сложен. Не знаю, как для Вас лучше, только (не-

прошенно) пытаюсь по глупой «шкрабовской» привычке показать на то, что мне кажется уязвимыми местами в концепции. Терпеть, ждать, улыбаться – доблести, данные мне в малой мере (как и Вам). Скорее побуждает сопереживать Вам, чем просто ругаться. Но лично-эмоциональное отношение к этому тоже есть. Вы слишком хорошо меня знаете, чтобы этому удивиться.

Перестаньте считать – губительно иногда. Извините. И попробуйте сделать так, чтобы люди вокруг заметили, что Вы перестали. А некоторые – просто об этом никогда не знали. Даже если на самом деле Вы будете считать по-прежнему.

Извините.

АБ

33.

М. А. Троицкий – А. Д. Богатурову. «Вашу логику обычно очень хорошо понимаю...». 13 апреля 2007. 17.21. Москва – Москва

Алексей Демосфенович,

спасибо за откровенное письмо. Понятно, что мнение Ваше сформировалось и трудно на него влиять. Вашу логику обычно очень хорошо понимаю, но в этот раз понял не совсем.

Ведь вопрос в одном курсе – или Вы думаете, что я что-то делаю неправильно? Ваши советы всегда полезны, поэтому и стараюсь понять, почему Вы думаете, что что-то не так и говорите мне, что диверсифицируете кадры и риски. Почему опять довольно обидно Вы мне говорите, что не хотите меня никому рекомендовать? Разве уклонялся от порученной работы или подводил Вас? Действительно прозвучало обидно – особенно если было вызвано только моими соображениями относительно курса у Вас на факультете.

Понимаю Вашу логику, когда Вы давали мне возможность самому проявить себя и выйти из Вашей тени. Всегда стараюсь делать и уж, конечно, вовсе не навязываю себя Вам в качестве сотрудника. Поэтому у меня не было ожиданий, что Вы пригласите меня на ФП или куда-то еще.

Готов признаться в ошибках и даже (мне кажется) издеваюсь над собой больше, чем заслуживаю. Но последние годы работаю

именно в кредит, не требуя никакой наличности. Если бы требовал, давно бы ушел в бизнес, куда звали и не раз – хотя бы попробовать. На кафедре точно не уклоняюсь ни от какой работы – работаю на ставку плюс замены, сделал программу конференции. При этом за Британию мне так и не заплатили и даже не дали никаких денег по проекту БиПи (хотя стал работать на кафедре по этому проекту). По первому призыву Тюлина делаю все, что он хочет. Поэтому не понимаю, почему ректорат может думать, что на меня ставить рискованно.

Совсем не пытаюсь оправдываться, но не понял совершенно искренне, какого рода черты в СИВИ (CV) Вы имели в виду. Способность к общению с людьми, налаживанию контактов? Кажется, что у меня в целом получалось обычно. И перерабатывать готов (чего только не сделал в последние дни по тexasскому проекту). Если вопрос только был в этом одном курсе – понимаю, что, наверное, не очень хорошо отказывать Вам. Но, правда, сделал фактически два полных новых курса в этом учебном году (не знаю, заметил ли это ректорат) и буду готов делать их в дальнейшем.

Спасибо за важные мысли по поводу карьеры. Только показалось, что Вы напрасно так рассердились по одному только вопросу и решили поддеть меня очень болезненным для меня способом: фактически сказав, что Вы во мне разочаровались. Не знаю, чем в целом заслужил такое, и самое главное, в чем причина разочарования (кроме разговора об этом конкретном курсе). Далек от того, чтобы навязывать себя Вам, но также не понимаю, почему Вы говорите о том, что давно не хотите меня приглашать на работу.

Извините, что стал Вам отвечать на критику – но был задет за живое, поэтому стал писать ответ буквально автоматически.

Троицкий

34.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «Вы совершенно взрослый, самостоятельный человек и вполне активно сами работаете...». 13 апреля 2007. 22.39. Москва – Москва

Пересылать не буду по двум причинам. Во-первых, вообще не ясно, зачем пересылать (иногда делаю по ошибке). Во-вторых –

больше вообще не буду с Вами говорить о подобных вещах, Вы совершенно взрослый, самостоятельный человек и вполне активно сами работаете на рынке интеллектуальных услуг, в чем желаю Вам успеха.

Лично я здесь интереса не имею по простой причине: работая с Вами давно, стал делать предельно сильный акцент на диверсификации всего, включая кадры. Не та тема, на которую сложно найти замену.

Ваша проблема (теперь почти уверен, что она есть) – Ваша стратегия карьеры и Ваш характер. Вас поздно учить жизни. Но ошибочен, уверен, принцип: Вы рассчитываете сделать как на рынке наличности. А карьера делается на кредитном рынке, где все друг друга немного обманывают или стараются обмануть, но все странно идет вперед. Стратегия (не идеальная, а реалистическая) состоит не в попытках исключения рисков и переработок (на основании моего опыта скажу, что то и другое совершенно неизбежно), а в том, чтобы риски, потери и издержки удерживать на каком-то определенном каждом для себя уровне.

Не моя задача уровень за Вас и для Вас определять.

Но почти уверенно скажу: у меня давно нет желания Вас куда-то приглашать на работу и кому-то Вас в этом смысле рекомендовать (поэтому я не приглашал Вас на ФП, побуждая Вас, выйдя из тени моего ученика, самому попробовать продвигаться по собственной логике).

Не потому что Вы не сильный сотрудник, а потому что от сотрудника нужна не только его профессиональная сила. В сферах, в которых работал и работаю я. Может быть, за границей иначе. Но и там (хоть там об этом строго молчат) эти неопиываемые в СИВИ черты и черточки играют огромную роль для карьеры.

Мальгин двигается не только потому, что он сильный профессионально, но и потому, что он научился превозмогать потери, которых у него за эти годы был миллион. Но он продемонстрировал азарт, глубокую вовлеченность в предприятие, способность выбивать карьерные уступки, не переводя их в финансовые и в расчеты (только отчасти оправданном, но оправданном, что карьеры рано или поздно конвертируются в деньги). Это *human relations* – они, сто раз Вам говорил, для карьеры важнее, чем блестящая голова.

Можно сказать, что две разные стратегии в бизнесе и в карьере нашего профиля. Первая, американская, рассчитана на максимальный, ясный успех сейчас. Вторая – на небольшой успех сейчас в надежде на большой успех позднее. Есть сочетания первой со второй, конечно. Но в тенденции – всегда видно предпочтение или первой, или второй.

Выбор Ваш Вы, кажется, сделали, хотя, может быть, Вам страшновато себе это сказать.

Свято место пусто не бывает. Вы знаете, что с моим уходом ИСК РАН продолжил существование по той же траектории, по которой он жил бы и при мне. С малыми отклонениями.

Дело не в курсах, а в карьере, это больше, чем курсы, и больше, чем нагрузка. Вы совсем не понимаете: вопрос не в нагрузке, а в подспудно протекающих смотринах. И ректорат, и деканаты, и кафедры решают простой вопрос (все – один и тот же): на кого ставить. На Вас ставить рискованно. И я, как Вы заметили, стал подобных рисков избегать.

Вовсе на Вас не сержусь. И не раздражаюсь, Вас не в чем упрекнуть. Ваша жизнь и Ваша карьера. Мне ее за Вас не прожить. Скорее, оправдываюсь или поясню Вам себя. У меня мало времени, и ошибаться не хочется. Вы когда-то мне благородно и вовремя посоветовали расширить круг общения с молодыми. Последовал Вашему совету (потому, что появилась такая возможность). Их еще долго надо растить, и не из всех получится толк. Но закон жанра научения. В нем много риска. Но не меньше, чем в том, чего я стараюсь избежать.

Не вздумайте письмо принимать как плач или упрек, еще раз повторяю. Объяснения двух взрослых людей, коллег, которых связывает много общего и хорошего. Но которые поэтому не обязательно должны все делать сообща. Все.

Кстати, думаю, на ФП в новом году часов по курсу 1991–2008 будет меньше, судя по всему. Но независимо от Вас, само получается.

35.

Письмо в больницу. А. Д. Богатуров – И. Г. Тюлину. «...даже вряд ли понимаешь, как нам тебя не хватает». 16 июня 2007. Послано с передачей в больницу

Дорогой Ваня,

даже вряд ли понимаешь, как нам тебя не хватает. Вроде бы, когда ты на месте, то не ясно, в чем твоя функция, а когда тебя нет – ощущение пустоты и беспорядка.словно самым фактом присутствия регулируешь жизнь страшенной институтской машины – там слегка подкрутил, тут – смазал, где-то подновил, а где-то, наоборот, восстановил потерянные детали. Все слегка оглушены, а две трети просто не понимают, куда ты девался, да еще в разгар приемки (как-то мы ее пройдем при таком положении дел?).

Телефон не берешь, примерно ясно почему, да и правильно делаешь – если бы все, кто меня о тебе спрашивал, взялись звонить, то с ума сойти было бы легко просто от одних соединений.

В институте – обычная полуинтрижная суета – сессия, передачи, конфликты, жалобы на «не те оценки» и так далее. Приказы по новым управлениям прошли. Сейчас идут бумаги на Олейнова, Троицкого и Худайкулову⁹⁴, и на Кудрявцева есть приказ. Постепенно двигается, но, как всегда, не быстро. Комнаты им я тоже успел выпросить, теперь надо их ремонтировать, подводить телефоны и Интернет. Вчера только объявил о назначении Шаклеиной⁹⁵ и.о. зав. моей кафедрой – главный шок был у Лебедевой. Но она мне ничего не сказала, говорила другим. Теперь во всех комиссиях они сидят вместе, и ММ явно сердится от того, что ее монополия на слово нарушена – на факультете появились международники, а не только психо- и сексопатологи, как прежде. Ничего, привыкнет. Внешне у нас с ней корректно, беседуем, но по углам она ругается.

В Париж съездили. Взяли в этом году всего 13 студентов. Шесть русских, семеро французов. Парни и девушки (6 и 7). Но француз-

⁹⁴ Олейнов Антон Геннадьевич (р. 1978), д.э.н., профессор, работает в МГИМО; Худайкулова Александра Викторовна (р. 1977), к. пол. н., доцент, работала проректором МГИМО (2011–2016).

⁹⁵ Шаклеина Татьяна Алексеевна (р. 1947), д. политол. н., профессор, зав. кафедрой МГИМО.

ские студенты – слабоватые и по мотивации, и по русскому языку. В этом году впервые поставил два «неуда» француженкам – одной из нашей программы, а второй – стажерке из Сорбонны (последняя – особенная разгильдяйка, кажется, приехала [только] потрахаться с русскими парнями). Поразительно, что мои двойки никого не поразили. Словно они того и ожидали. Да бог с ними.

Заставил Олейнова писать план его направления – интересно, что у него получится «с ходу». То же делает Худайкулова.

Не знаю, как ты себя чувствуешь физически. Но если тебя не утомляет телевизор, то повторю старое: у меня есть маленький дивиди-плеер. Он простой, с моим врожденным инженерным идиотизмом смог его подключить к телевизору. При этом я привез из штатов весной балеты Баланчина с Барышниковым, «Щелкунчик» классический с Максимовой и Васильевым и набор классических па-де-де – Уланова с Сергеевым, Плисецкая с Фадеечевым, Фонтейн с Сомесом, Нуриев с Березовой, Ананиашвили с Фадеечевым-младшим⁹⁶. Иногда смотрю хорошие старые вещи для тренировки глаза. Могу притащить по первому свистку или передать с шофером. Может быть, тебя развлечет. Приду, как только разрешишь.

Знаю, что в больнице лежать ужасно – тоскливо и вообще. Обнимаю. Выздоровлявай.

АБ

36.

А. Д. Богатуров – А. А. Байкову⁹⁷. «Две лекции и два выступления на Ученом совете». 25 сентября 2007. Москва – Москва

⁹⁶ Уланова Галина Сергеевна (1910–1998), н.а. СССР; Сергеев Константин Михайлович (1910–1992), н.а. СССР; Плисецкая Майя Михайловна (1925–2015), н.а. СССР; Фадеечев Николай Борисович (р. 1933), н.а. СССР; Ананиашвили Нина Гедевановна (р. 1963), н.а. РФ; Фадеечев-младший Алексей Николаевич (р. 1960), н.а. РФ – артисты советского балета. Фонтейн, Марго (1919–1991); Нуриев Рудольф Хаметович (1938–1993); Березова Светлана Николаевна (1932–1998) – артисты западных балетных театров.

⁹⁷ Байков Андрей Анатольевич (1984), к. пол. н., аспирант Богатурова, доцент, с 2016 г. – проректор МГИМО.

Две лекции и два выступления на Ученом совете. Оба вопроса склочные, но все было менее склочно, чем могло быть. Почти удачный сумасшедший денек.

Есть несколько авторов, в оценке которых я не совпадаю ни с кем из своих знакомых: Томас Манн, Марсель Пруст... Камю⁹⁸ из этого ряда. Не выношу страданий и проблем, высосанных из пальца. Попорченная логикой голова не способна постичь: сам мужика завалил и самого себя надобно жалеть. Отчего? Оттого, что ты одинок. Загадка. А что, кто-то не одинок? И отчего не все одинокие валят арабов – просто оттого, что нет пистолетов под рукой? Мир абсурден, не ново. Не живи, если не нравится. Зачем палить почем зря? По фабуле с сюжетом.

А если по автору – не странно ли, что тему одиночества приходится раскрывать так нечеловечески и ненатурально вычурно? От чрезмерности таланта, убогости воображения, отсутствия личных жизненных впечатлений? Не ясно. Тема одиночества – вещь глубоко личная, без оговорок интимная и почти всегда волнующая. Версий ее раскрытия – несть числа. В таком сравнительном ряду вариант Камю вызывает разве что недоумение – он не сопрягается не с моим разумом, ни с тем, как много для меня в этой теме. Низвести ее до сомнамбулической замутненности сознания персонажа? Ум которого проясняется только в моменты секса – к тому же так поразительно блекло описанного, словно сам автор от секса ни разу восторга не испытал? Можно. Только разве не это примитив?

Зря все это пишу. Тебе писанина понравилась, а я ворчу и умничаю. При этом, а вдруг я ничего не понял. Именно так мне обычно говорили почти все из моих приятелей, которые находили такое хорошим.

Про цепочки казуальности, соскальзывание к чистым идеям (их так и не нашел), смысловые отрезки (во, че выдумал) – врать не буду, я просто ничего не понял. Скучный, вычурный, неестественный текст. Причуда съела и мысль, и эмоции. Бывает цветная музыка (ее не все слышат как цветную). Бывает, может быть (не знаю), и цветная ритмика текста. Если допустить, что бывает, то этот текст серо-желтого цвета. И это его единственное в моих

(бесстыжих) глазах достоинство. Потому что дело происходит в пустыне, и там такой цвет и должен преобладать. Импрессионизм удался. Зрительно-подсознательный. Художественного события в смысле события литературного, мне кажется – нет. Как если бы художник-любитель взялся писать рассказ. Слова знает, фразы строить умеет, и вроде фабула в голове вертится, а получается не рассказ, а цветное пятно, выведенное словами.

При желании можно сказать, что имеет право. Конечно, имеет. Только это в качестве словесного творчества воспринимаю так, как оно есть. Для цветоощущения музыку включу или, там, картинку посмотрю.

Второе твое (Ваше) соображение серьезней. «...читаешь не столько книгу, сколько себя». Пугающе. То, что ты ТАК себя читаешь. А попробуй себя почитать через, ну, хоть Боргена⁹⁹, что ли. Он такой одиночник – уууу. Таких и не сыскать, может быть. А какой изощренный, изломанный, перверсный (у него есть три романа, полтора из которых я когда-то счел гениальными). Литература – дело личное и вкусовое. Каждый выбирает из встреченных версий описаний одиночества те, который ему созвучней. Поэтому говорить, что лучше или хуже – смысла нет. У Боргена в рассказах одиночество рвущее своей внезапной тишиной, я бы сказал. У него кульминации – безмолвные. А плакать хочется все время (хотелось, сейчас не знаю – помнишь в «Виктор-Виктории»¹⁰⁰ тот ей гениально-грустно говорит: «Сколько бы я отдал, чтобы сейчас смочь так плакать...»).

В романах – иначе, там он выворачивает по-вагнеровски длинными гармониями выворачивания наизнанку правдой интимнейших переживаний. Вернее, их какой-то безнадежностью, обреченностью человека, даже ребенка, плохому концу с самого начала. Одиночество, слитое с любовью одиночеству при всей драматичности любви и неспособности вырваться из ее тисков. Ум и страсть – к себе. Эгоизм, который рвется преодолеть себя и не умеет этого сделать. В общем-то, симпатичный человек, который может быть мерзким, отвратительным, но одновременно трогатель-

⁹⁸ Камю, Альбер (1913–1960), французский писатель.

⁹⁹ Борген, Юхан (1902–1979), классик норвежской литературы.

¹⁰⁰ Американский фильм «Виктор/Виктория» (1982).

ным. При этом оставаясь с реальной жизни – понятной, горькой, сложной. Зачем изобретать сложности «из головы», когда жизнь (которой я жил эти годы и отчасти продолжаю жить, к примеру) полна настоящими?

Один мой бывший приятель из бывших русских – он из этого странного ряда. Он талантливый стилист (литератор), умный, образованный, пишет завлекательный тексты на исторические темы в популярно-научном жанре. Написал милую трехтомную стилизацию «Богатырские хроники» про русских былинных богатырей. Но как только он начинает думать, что он писатель – получается курьезное. Жизненных впечатлений – как в стакане с водой. Страсти, высосанные из пальца. Какая-то кастрированная будто-бы любовь. И такая же вроде-бы-ненависть. Но все – эдаким элегантным красивым слогом. Вот, если бы еще мысли немного и чувства настоящего...

Опять вот ругаюсь. А это не хорошо.

В литературных направлениях я слаб, как брезглив к направлениям политологическим. По сермяжной мерке – дело не в постмодернизме, а в созвучности или несозвучности. Волнует или не волнует. Если книга заставляет плакать – хорошо. Так что, все это...

Цветаева никак не постмодерн. Только от «Поэмы конца» можно не то, что реветь, можно повеситься, если резонирует с жизненной ситуаций. Такой у девушки был удар.

«...В сем христианнейшем из миров
Поэты – жида».

Может быть, вне контекста не уловится по одной фразе. Это одиночество. Но это еще и избранничество в одиночестве – «Гетто избранничества». Видишь, я о своем. Но тоже о нем, проклятом.

Мне кажется, что дело не в том, что Камю описал «несреду» и героя этой «несреды», которая не может сделать себя средой. А в том, что у него трудный путь художественного описания в художественном смысле и не очень получился. Мало, мне показалось, там добавленной интеллектуальной, энергетической и всякой иной «стоимости». Логика привлекательная (хоть и претенциозная), а исполнение недостаточное.

Проблемы анклава и адаптации выходящих (временами) и возвращающихся в них мне вполне созвучна. Более чем. Только,

опять же, разработка в версии «Постороннего»... ну никак меня не удовлетворяет. Дело не в чудаковатости (я сам куда как чудаковат), а слабости, как я думаю, разработки темы в конкретном тексте. Взялся за гуж... А то получается как в японской поговорке «Рю то да би» – «Голова дракона, а хвост змеи».

Парень не умеет любить. Готов его за это пожалеть. Но не отождествить с собой и не полюбить. Автор не дал минимума такого, за что бы мог его счесть за своего – еще одного одиночку, только в иной «не-среде», но с общими для всех одиночек человеческими проблемами. Дело не в том, что он циничен. Кажется, кстати, что он вовсе не циничен. Он целен в примитивности. И примитивной цельностью так сильно раздражает. Думаю, Камю просто спекулировал эпатажем. И сам ничего всерьез этим текстом сказать не хотел (да таким текстом и не мог, думаю). Вообще-то, думаю, что он написал посредственный текст. И не уверен, что он не средний писатель – таких много – скорее экзальтированных, чем сильных и писательски талантливых.

Твою ситуацию (это финал) мне «читать» сложно. Мало тебя знаю. Но чувствовать себя «немного странным в этом мире» – для нормального человека, вообще-то, не патология. Так примерно и должно быть, мне кажется. Во всяком случае, думаю, иначе я лично себя никогда и не ощущал с тех пор, как научился думать.

Среда не предполагает, что ты ходишь без кожи или ты не имеешь права строить между собой и ней перегородку. Вообще-то, наоборот, все строят и носят кожу. Это при советской власти такое было запрещено или осуждалось морально. Человек не должен быть прозрачным и открытым. Раздеваться прилюдно противостественно. Разные манеры поведения и разные языки (в широком смысле) общения – мембраны, которыми ты выгораживаешь себе автономное пространство privacy, intimacy. Радуйся, что можешь и что есть. В свое пространство и пустишь (пускаешь), кого хочешь. By invitation only. Это же благо, нормально. Радуйся.

У тебя было нежное лирическое настроение. Тоже знак здоровья. Интуитивная тоска по несбыточному (несбывшемуся – еще не сбывшемуся, не сбывающемуся). Ностальгия без особого повода, которая нахлынет просто от тумана с балкона, валяющего снега сквозь окно, ярких, блестящих желтых листьев, когда их много...

Это хорошо, что ты можешь это переживать. Ты – здоровый и нормальный. Немного утомленный, тонкий и... слегка влюбленный. По большей части в себя. И очень собой интересующийся, что скорее похвально, чем нет. Главное, не впадай в роман с собой до самозабвения. И почитай Боргена. Там кое-что не только про меня, но и про тебя тоже.

Не сердись, не хотел ворчать, но, как всегда, получилось.

АБ

37.

А. А. Байков – А. Д. Богатурову. «До Факультета политологии вообще сторонился администрации...». 16 ноября 2007.

Москва – Москва

Алексей Демосфенович, добрый вечер!

Трудно комментировать Ваши недавние упреки в свой адрес. Не могу сказать, что Вы полностью не правы: кажусь бездельником всем, кто со мной знаком, и, наверное, не случайно.

Всегда грустно это слышать, поскольку отношение тех, кто имеет на мою жизнь ту или иную степень влияния, определяет и мое отношение к себе самому, а часто и формирует его, как бы ни пытался от внешнего влияния на «нутро» отмежеваться. В одной из своих статей в «НГ»¹⁰¹ Вы высказались в том духе, что современная *глухота* российского общественного мнения к оценкам западных аналитиков, журналистов и политиков так же пагубна, как *слепое* согласие с ними. Слушая других, мы действительно получаем новый ракурс видения себя, и это в известном смысле – вернейший путь к самокоррекции. В МГИМО с этим было все парадоксально. Я всегда привык соглашаться с мнением окружающих, так как слышал лишь хвалебное, а не соглашаться с ним нелепо, хотя иной раз это и настораживает. Другое дело, что похвалы были обезличены. Противоположные же оценки обезоруживают, особенно если они исходят от тех, уважение к которым безмерно...

До Факультета политологии вообще сторонился администрации и всего, что с этим было связано, хотел пойти сперва на Ка-

федру философии, потом в лингвистику, попробовать ремесло переводчика, на худой конец – податься в дипломатию. За четыре года не встретил ни одного учителя, нет, не преподавателя, именно учителя, объяснившего бы мне, где я могу пригодиться. Человечек до этого доходит сам, это ясно. Но личному примеру порой принадлежит в этом главная роль. Учитель раскрывает то, что запрячено в самой глубине, не проявляется открыто. На Факультете политологии в принципе нашел себя и – такого учителя. Порхал, как одуревший от весеннего тепла птенец, радуясь тому, что мне нравится все, за что бы ни брался. Вроде бы и преподаватели были часто те же, но что-то изменилось и изменило мой взгляд на жизнь. Изменился я сам.

Вам некогда это читать, поэтому буду краток, хотя и не хочу краткости.

Очень устаю. Это не жалоба, я, правда, устаю. В моей усталости есть физический компонент, но он не доминирует. На младших курсах было по пять пар, море письменных работ, два языка, один из которых восточный (Вам это прекрасно известно), но такой усталости, как сейчас, я не испытывал прежде. Вам кажется – ною. Нет. Через это письмо я пытаюсь обнаружить причины усталости. Сейчас идет переукладка жизни. Мне мало что понятно. Встает гора проблем, которые кажутся трудно решаемыми. Прежде всего, на личном фронте. Вам известно, что мы с Анн¹⁰² хотим быть вместе. Отсюда, быть может, мои проблемы. Оказался заложником этих отношений, но и отказываться от них не хочу, потому что таким отношениями не разбрасываются, ими дорожат. Вы все время намекаете, что я уеду. Поверьте, это не так. Там жизни для нас не будет, это ясно и мне, и ей. Ей даже больше, чем мне. Она никогда всерьез не говорила о возможности переезда, поскольку там как мужчина я буду несостоятелен, и такой союз не сможет быть ни надежным, ни долговечным, ни психологически удовлетворительным.

Здесь мне интересно то, чем занимаюсь, а ее приезд сюда, по существу, немного изменит в ее жизни. У нее толком нет дома: семья разбросана по двум странам, и нигде нет места, которое она назвала бы своим, а здесь оно будет. Поездки, за которые Вы меня

¹⁰¹ НГ – «Независимая газета».

¹⁰² *Виньо, Анн Софи Луиз*, жена А. А. Байкова.

ругаете, сейчас необходимы. Необходимы – для того, чтобы определить мою жизнь на будущее. На этом этапе это для меня важно. Впервые осознал ответственность за другого человека, ответственность не формальную и отчетную, а *ответственность за покой* по крови чужого, но фактически близкого и родного человека. Взрослею, этот новый опыт меняет меня внутренне и качественно, меняет, думаю, к лучшему. Когда Вы иронизируете на этот счет, мне, честно говоря, не до смеха, хотя улыбка – естественное состояние. И то, что ответственность перед Вами успешно конкурирует с ответственностью за то, как сложится жизнь и жизнь человека, который мне безгранично доверяет, говорит лишь о том, что ответственность перед Вами для меня как минимум не менее значима, хотя иногда мне кажется, что Вы обвиняете меня в обратном.

Ваши слова про то, что делаю все за пять минут, верны. По-другому не могу работать. Но зато нахожу и обдумываю каждое дело в голове. Так устроен, не могу рассусоливать. Делаю – и все, дальше иду: в бассейн (три раза в неделю), читать, фильмы новые смотреть, музыку слушать, люблю готовить. Не пять минут, конечно, но это образное сравнение. Понимаю. Вы проницательны. Вы разбираетесь в людях. Хочу быть похожим на Вас, но не знаю, насколько это возможно и нужно. Но точно знаю, что у Вас нет никаких оснований сомневаться в моей обязательности, исполнительности, надежности и лояльности. Я Вас не подведу, и для меня, правда, важно, что Вы говорите и думаете обо мне. Я не ребенок. Циничный, самодовольный и самовлюбленный тип, наглый и над всеми издевающийся. Порочен больше, чем это позволительно аспирантам и преподавателям. И объективен в оценке себя. Есть люди, знающие меня только или в основном с этой стороны. Большую часть времени мне скучно, окружающие люди мне как будто известны. С Вами я другой, Вы видите меня насквозь, но для меня Вы – неразгаданная загадка, и я стихаю, у меня путается речь и мысли, но при этом мне удивительно спокойно. Иду к Вам в кабинет как на сеанс восстановления душевного равновесия, что бы там ни услышал. Вы на меня действуете как удав на кролика, и это мне нравится, в этом есть элемент мазохизма, здорового, допустимого. Учусь у Вас, иногда просто наблюдая за Вами, поэтому мне нравится просто сидеть в кабинете и молчать.

Вас прошу отнестись к тому, что написал, снисходительно, Вы старше и бесконечно мудрее, иногда плохо чувствую социальный контекст и могу выговорить то, что, может, в письме аспиранта научруку выглядит мало уместным. Иначе не могу. Вы стали для меня близким человеком, одним из тех, советоваться с которым – условие принятия важных решений, даже в вопросах, далеких от МГИМО.

Диссертацию напишу к концу учебного года. Вам это гарантирую. Мне нравится тема, люблю писать, думать, увлекаться. Это мне поможет.

Сравнение с Павловой¹⁰³ лестно, хотя Вы и упомянули ее для того, чтобы доказать мысль иную. В нашей и зарубежной прессе о ней продолжают выходить материалы. Не так давно была годовщина ее смерти. На это откликнулись *Economist*, *New York Times*, *BBC World* и наши СМИ. *Economist* разразился большой хвалебной статьей. Согласитесь, чего-то да стоит.

С уважением,

Андрей

2008

38.

А. А. Байков – А. Д. Богатурову. «Вы никогда не читаете двух одинаковых лекций». 15 марта 2008. Москва – Москва

Вы никогда не читаете двух одинаковых лекций. Сходство можно уловить, особенно с непривычки, но оно имеет внешний характер. Тот, кто слушает Вас хотя бы не один год, это знает. Есть люди, которые ездят за суперзвездами и посещают все их концерты, даже в пределах одного турне, утверждая, что в каждом новом выступлении замечают новые нюансы. Знаю фанатов Элтона Джона¹⁰⁴, которые умудрились побывать на 50 с хвостиком концертах,

¹⁰³ Павлова Анна Матвеевна (1881–1931), великая русская балерина.

¹⁰⁴ Джон, Элтон, сэр (1947), британский рок-певец.

и на этом не останавливаются. Здесь речь идет о песнях, много лет одних и тех же, и об исполнителе, репертуар которого обновляется ежегодно от силы на полпроцента. Что уж говорить о монологах лектора, тем более лектора такого (какого не поясню: обвините в идеализации)!

Я бы Ваши лекции поделил как минимум на три вида.

Первая: лекции, которые Вы читаете давно и по излюбленным, почти запатентованным темам: они воодушевляют, сражают, подавляют. В них всегда есть элемент импровизации и инновации. Но они вплетаются в уже отточенную схему и только усиливают ее. Это лекции – совершенство.

Вторая: лекции, которые Вы никогда до этого не читали, для Вас они новые, и тем более они новы для аудитории. Интересно и Вам, и слушающим. Они не воодушевляют, не сражают и не подавляют. Они завораживают (необычными ходами), интригуют (неясностью конечных выводов). Непонятно, чем Вы закончите (либо, точнее: на чем закончится лекция, что не одно и то же). Если во время лекций первого типа думать не получается: успеваешь лишь следить (бежать, поторапливаться) за логикой, то здесь можно думать вместе с Вами, акт сотворчества в этом смысле обогащает сам по себе – и в какой-то мере выравнивает позиции аудитории и лектора до формата дискуссии, пусть и неявной. Всегда почему-то очень волнуюсь на таких Ваших выступлениях (их слышал всего несколько, включая ваши доклады). И они в этом смысле психологически и интеллектуально трудны (для меня).

Третий: лекции, которые Вы никогда (или почти никогда) не читаете, но в Вашем сознании контуры тематики четко прочерчены. Прелесть этого типа рассуждения (как Вы это именуете сами) происходит от того, что Вам интересно проговаривать и формулировать то, что Вы знаете, чувствуете, во многом сами придумали, но редко произносите перед аудиторией. Это дает таким лекциям ни с чем несравнимую энергетику и рождает восхищение и желание развиваться и расти. Вот именно такую лекцию Вы прочитали в среду. И за это впечатление Вам очень благодарен.

Андрей

P.S.: Не судите строго мою маленькую бредоподобную зарисовку.

39.

А. Д. Богатуров – А. А. Байкову. «Но малые рассказы – в чем-то сильнее по удару...». 8 июля 2008. Москва – Москва

Если по твоей логике, то, ясно дело, нет Шекспира, а есть Маршак, Щепкина-Куперник и в крайнем случае Пастернак. Что правда – их переводы лучше оригинала, насколько могу судить как иностранец.

Ситуации бывают разные. Образный мир Боргена на меня «надевался» или пугал близостью, что просто не успевал подумать про перевод и оригинал. Еще и потому, что норвежский язык совсем не представляю, а при чтении английских переводов думаю о том, как это или то звучит по-английски. Борген обескураживает своей точностью, ударом наблюдения, проникновением в твои (мои) глубокие и почти постыдные секреты, раздевает по сути, но так, что не заставляет чувствовать стыд от раздевания и само раздевание не происходит – сокровенное высмотрел, «вычувствовал», вызнал, а потом сам словно устыдился проникновением в твою наготу и незаметно вышел вон, чтобы тебя в самом деле невольно не раздеть. Вот это да – даже и слова не знаю, каким это назвать.

В большом его романе – тоже так. Но малые рассказы – в чем-то сильнее по удару, полнейший интим, на грани фонтанной сексуальности, но непонятно каким образом сдержанно, не хочу говорить целомудренно – он не претендует на целомудрие. Он не рисуется. Он так культурен (так кажется) изнутри и снаружи. Он проникает, словно и не касаясь тебя (меня). И все играючи, не натужно. Немного горестно, но без тайного наслаждения горем-предвкушением неизбежного.

Камю слаб по мысли, духу и слову (на последнем не настаиваю по незнанию его языка). Он жидок. Борген – упруг, извивист, наэлектризован – при этом без искр. Когда «за кадром» больше, чем в словах. Соплей нет вовсе (Камю весь истекает соплями, потом и кровью – которую он добавляет не к месту, угадывая скоромным своим инстинктом непоэтичность двух первых типов биологических отделений). Там того и жди, что герои начнут писать, там это предопределено логикой погружения в нечистоты.

Борген пишет (в романе особенно) о чудовищно грязных временами вещах, не погружая в них читателя. Диалог – дело интимное. Наш с тобой временами, например. Может быть, дело в волне, на которую оба или настроены, или нет.

Любишь ты Камю свою – и слава богу. На мой сырмяжный вкус – чистая «кардона». Но и Борген мой – на любителя. Да и время тоже что-то значит. Его читал лет в 30: тема одиночества меня пугала и волновала больше, чем теперь. Лучше сказать – острее. Сейчас – приученной к неизбежному. А у него тема любви к одиночеству – своему. Тема мне тогда была в новики, я только начинал ее ощущать и поразился тогда, как он точно схватил. Одиночество – кусочек мира, который ты не хочешь и не можешь отдать даже тому, кого любишь. Оно страшное, оно есть – страшная цена, но оно и источник гармонии, сосредоточенности, удовольствия быть одному и думать, ощущать себя умным и наслаждаться придумыванием или постижением.

Все последнее додумал, но тема защиты своего самого сокровенного даже от любимых – тема в художественном смысле разрешенная только у него – из тех, ясно дело, кого мне довелось прочитать. Вот почему те двое в рассказе коротеньком любят вроде друг друга и сближаются, но одновременно он так боится (забыл – или она), что он (она) до всего догадается, все его сокровенное отгадает, лишит тайны, пространства его загадки (пусть бы и пустой), разденет больше, чем он готов раздеться. Тема раздевания меня донимает, видишь. Бессчетное число раз это делал – но по собственной воле. По неволе раздеваться – вещь чудовищная. Не случайно большевики всех перед убийством новорили раздеть, скоты.

Ты меня спровоцировал на странный выплеск. Давно сам его не перечитывал. Написал по памяти. Ближе к сердцу не принимай. Люби, кого любишь. Перемелется – может быть, мука будет.

Жалко Нонну Мордюкову¹⁰⁵ ужасно. Стопроцентно не моя героиня, но такая жизненная, настоящая. Жалко.

В институте помойка. Пиши, в общем.

АБ

¹⁰⁵ Мордюкова Нонна Викторовна (1925–2006), выдающаяся актриса, н. а. СССР.

40.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «У Вас для себя ирония находится?» 30 августа 2008. Москва – Москва

У Вас для себя ирония находится?

Спрашивал конкретно, и вы уверенно пробовали конкретно отвечать. В этом интервью не сказано ничего о том, что я спрашивал. Он выразил – при этом явно свое собственное – мнение о том, что сожаления достойно все, что сделала Грузия. Я же спрашивал о заявлении официального лица о том, что администрация США не была в курсе. Понимаю, что спросить еще точнее – давала ли она рекомендации провести операцию – было бы слишком смело. Но параллель с Корейской войной – стопроцентна.

Все-таки странно: Вы читаете столько всего и разного (например, хамство в лондонском «Экономисте»). Почему Вы не вычлениваете значимую информацию? Ведь все остальное – «шум», помехи в канале. От этих ключевых вещей, а не мелких и уводящих в стороны деталей, зависит правильность фокуса анализа. Методологически это называется «проблема выборки».

АБ

41.

М. А. Троицкий – А. Д. Богатурову. «Вашу иронию понимаю». 30 августа 2008. 23.43. Москва – Москва

Вашу иронию понимаю. Но зачем искать что-то, чего можно легко не найти, а оценку ситуации это никак не изменит. Если американцы и дали прямое указание напасть на Осетию, то они могли это отрицать при необходимости. Зачем молчанием сознаваться в преступлении? Кажется, они не считали необходимым делать подобные заявления, они бы подорвали веру в то, что они поддерживают Грузию в любом случае. Ведь и Сталин давал или нет указание напасть на Южную Корею – поддерживал Ким Ир Сена. Думаю, американцы не делали заявлений о том, что не знали не потому, что на самом деле знали, а соврать было стыдно. Они не делали таких заявлений потому, что те бы не ввязались

с их позицией поддержать Саакашвили¹⁰⁶ (хотя бы на словах). То есть давали указание напасть или не давали – зачем отмежеваться от союзника? Сталин, наверное, по той причине не давал никаких объяснений своей позиции.

Троицкий

42.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «К вопросу о контексте». 31 августа 2008. Москва – Москва

Верно. Только посмотрите на свой текст ответа мне. К вопросу о контексте. Вы вошли в совершенно иной контекст, чем тот, в котором говорили со мной в кабинете. Там для Вас – казалось – было очевидно: США де-факто отмежевались. А сегодня иначе: США не хотят отмежеваться точно так же, как не хотел Сталин. Правда ведь, смысл рассуждения, политическая семантика поменялись. Разговор с чисто оценочных, эмоционально-оценочных позиций не получается. Для разговора с иностранцами такая контекстовая вещь сплошь и рядом оказывается ключевой – смогут они тебе ввести в свой круг подразумеваемых ложных оценок или ты их вытаскиваешь на гораздо более сложное поле безоценочных, неаприорных суждений. На втором – ты можешь спорить на равных и здесь победит более умный. На первом – они всегда задавят массой большинства, как всегда правого, как известно, в демократически организованных авторитарных обществах. И не демократически – тоже. Это вопрос о честной и нечестной интеллектуальной конкуренции, помимо всего прочего. Не надо им позволять себя душить. Сначала четко отбить: вы ведете себя абсолютно так же цинично, как вели себя в 1950 г. советские (например), а что из этого следует – давайте спокойно, деловито обсуждать как нашу общую проблему. А если этого не сделать, то вы (я, мы) всегда будем в позиции оправдывающегося.

И самое главное – уже уровень не околонучной полемики, а правительственной рекомендации: США использовали Грузию

¹⁰⁶ Саакашвили Михаил Николозович (р. 1967), президент Грузии в 2004–2013 гг.

как инструмент прощупывания прочности военных позиций России на Кавказе и военно-политической решимости ее руководства, процесса принятия решения по военной политике или не использовали. Если они так или иначе, но подобно Сталину, использовали – вопрос оценки вероятности реальных военных приготовлений против России. Если нет – вопрос, относящийся к старой парадигме анализа, нарастание противоречий в рамках неуживчивого партнерства.

Только похоже, что старая парадигма не работает. А это аналитически и политически – совершенно разный тип анализа и выводов.

А Вы спрашиваете, зачем искать то, что «просто можно легко не найти оценку, если она ситуации никак не изменит». Все еще думаете, что не изменит? Это и есть смысл анализа: анализировать реальную ситуацию по «голым фактам» или комментировать и пересказывать прочитанное.

Это разные работы. Этому, по идее, учит «школа Хрусталева» (меня она научила в той мере, как умею, конечно), и мы пробуем в студии.

АБ

2009

43.

А. А. Байков – А. Д. Богатурову. «...зачем Вы беспокоитесь по пустякам». 3 января 2009. 19.21. Череповец – Москва

Алексей Демосфенович,

зачем Вы беспокоитесь по пустякам. Сноски делаю с красной строки. Обычно. В данном случае Ирина все вбивает в свой шаблон. В журнале красная строка сносок, кстати, не очень явно выражена. Текст как будто начинается с небольшой красной строки, а знак сноски от края идет. Вам говорил, что ей наше форматирование «до лампочки».

Годы пишу, как Вы сказали. Усвоил с первого номера. В месте, о котором идет речь, это оправданно: с 2001 по 2007 годы. А как еще написать?

«Висячие» слова и абзацы зависят от того, как у Вас выставлены в «Ворде» поля, есть ли у Вас функции переноса и так далее. У меня может не быть висячих строк, а в том режиме, в котором Вы просматриваете документ, они появляются. В журнале их не будет, или будут, но в других местах, поскольку там ширина колонок другая и количество помещающихся слов тоже другое.

Склонился над статьями.

Андрей

44.

А. Д. Богатуров – А. Д. Байкову. «Доделявайте свой текст». 3 января 2009. 23:17. Москва – Череповец

Пришел из театра. Так себе танцы были.

Андрей, сноски с красной строки делай. Не надо писать «годы» полностью за редкими случаями: смысловыми, вместо «гг». И перед знаками препинания. Смотрится по-деревенски (сноска «прим. ред.»). По возможности смотри, чтобы не было висячих слов и строк в конце абзацев – смотрится ужасно. Я всегда убираю. Остальное – на твоей совести. Отдавай. Доделяваю свой текст.

АБ

45.

А. А. Байков – А. Д. Богатурову. «Проходится просто переформулировать...». 3 января 2009. 23.36. Череповец – Москва

Вы любите балет. Гретхен¹⁰⁷ пятнадцать лет занималась классическим балетом. С раннего детства. Может, Вы ее за это будете больше любить. Хотя вряд ли.

Сию, редактирую без усталости. Вы такой великий. Мне открываете на все глаза. Читал рецензии Лебедевой и Бредихина¹⁰⁸. Это жуть, хотя Бредихин вроде должен быть умный. Текст ничего, но

¹⁰⁷ Супруга А. А. Байкова, немецкий вариант ее имени.

¹⁰⁸ Бредихин Олег Николаевич, к. пол. н., сотрудник системы министерства иностранных дел России, ученик М. А. Хрусталева.

написан... Какой ногой писали, непонятно. У Лебедевой, мне кажется, проблема в том, что она половину текста не поняла, отсюда парадоксальные наблюдения по книге.

Приходится просто переформулировать, а в некоторых случаях додумывать, что хотел сказать автор рецензируемой книги. А что делать? Ведь вообще ничего непонятно. А Вы меня ругаете. Теперь понимаю, зачем. Вы меня просто тянете высоко-высоко. Если удовлетвориться своим уровнем, буду писать страшный бред, как тот, что читаю последние недели. Вы знаете, некоторые студенческие справки были лучше. А потому что сдают халтуру, и ведь не стыдно совсем. Знают, что мы подчистим и будет красиво. Если буду в возрасте Алексеевой писать как она эту так называемую статью, где ни начала, ни конца, бессмысленно и повторяется, то лучше повеситься сейчас.

С Вами расту, кажется, как на дрожжах. Спите спокойно.

Андрей

46.

А. Д. Богатуров – А. А. Байкову. «Там педагог изводит артиста до самого конца его (артиста) карьеры». 4 января 2009. Москва – Череповец

К вопросу о балете. Там педагог изводит артиста до самого конца его (артиста) карьеры. Галя Уланова – девушка невероятно сложная, но, насколько можно судить, лично изнутри гениально одаренная, примерно так изводила Максимову с Васильевым и всех остальных.

Не видел ее на сцене танцующей. Но в «нижней ложе дирекции справа» на любом спектакле ее учениц (Максимова, Тимофеева, Адырхаева, Семеняка, Прокофьева¹⁰⁹) во втором ряду (чтобы

¹⁰⁹ Тимофеева Нина Владимировна (1935–2014), н. а. СССР; Адырхаева Светлана Дзантемировна (р. 1938), н. а. СССР; Семеняка Людмила Ивановна (1952), н. а. СССР; Прокофьева Ирина Сергеевна, з. а. РФ – занимались в классе Улановой в Большом театре. Васильев Владимир Викторович (р. 1940), н. а. СССР, выдающийся классический танцовщик, партнер по танцам.

не было видно), прямо у занавески (чтобы тоже не было видно из зала), сидела женская фигурка, которая казалась блондинкой (скорее седая, что ли, или полуседая). Это была она. Ненавидела сидеть вместе с другими. Предпочитала большую пустую лужу. Никогда не хлопала, и выражение лица не меняла. Обычно пробирался в левый первый ярус (знакомая билетерша – разрешала бросить цветы, что было запрещено по причинам безопасности), и с моей стороны это было видно.

Потому что чистить танец нужно каждый день. Тело все время норовит «подзабыть» однажды найденную позу или технику движения – потому что оно само биологически все время меняется. Поза или движение – «изнутри» того, кто его делает – всего только набор запомненных ощущений артиста, напряжений его мышц, сочетания этих напряжений. Он может видеть себя не все время, а только в зеркале и статике. В динамике может контролировать только по чередке комплексов привычных болей от напряженных мышц (алгоритм болей, их порядок, последовательность). Если тело стало больше или меньше (вес) или мышцы стали менее или более эластичными (тренировался или отдыхал), если просто мышечная ткань поменяла структуры (возраст) – комплексы болей меняются.

Артиста надо постоянно «подтягивать», давать запоминать новые комбинации болей, который «удерживают» зашифрованный (в болях) вариант совершенного движения. Нескончаемо и только оно дает сохранение уровня исполнения. «Старухи» (Плисецкая, Стручкова¹¹⁰) делали класс по полной программе и репетировали, когда им было по 55 лет (на пенсию полагается идти в 37!) и когда на них смотреть было не всегда *приятно*, скажем так.

Сама Уланова делала его в облегченном виде по меньшей мере до 70 лет.

Тексты писать у нас не учат. Человек или сам научается кустарно, как получается (Мальгин, Клочихин, Шишкина, из старших – Зонова¹¹¹). Или не научается вовсе (большинство). Марк

¹¹⁰ Стручкова Раиса Степановна (1925–2005), н. а. СССР, балерина Большого театра.

¹¹¹ Клочихин Михаил, выпускник МГИМО, не защитился, ушел из

учит думать, но не учит писать – сам писать не любит (он – писатель-самоучка). Бредихин – ученик Марка. Его можно научить, но не учили. Ольга – никакой школы не прошла в этом смысле.

Рецензии писать в каком-то смысле сложнее, чем статьи. Рецензия гораздо жестче требует от автора подчиненности текста – мысли (по Улановой: прыжка – эмоции). Рецензии научился писать Троицкий. Там мысль властвует над материалом. В основном – наоборот.

Переделка чужого текста – каторга. Но именно она вывела журнал к его уровню, который можешь теперь оценить. В хороших журналах сидела армия таких безвестных переписчиков-редакторов, поколение которых почти вымерло. Редактор советской эпохи – совершенно особая порода, люди оставшиеся неизвестными и иногда очень талантливые, умные и блестящие. Случайно попал в компанию таких в Отделе памятников Главной редакции восточной литературы. Там печатали мои переводы, а потом много лет ходил в дом к одной старухе такого рода из редакции «Экономика» (мой *Брокгауз* – из их домашней библиотеки)¹¹².

Мне стыдно, что на тебя переваливаю свою работу. Некоторое утешение – умение быть редактором – тоже дар и высокая квалификация.

Алексеева в нашем случае – откровенная халтура, думаю. Она умеет писать. Ей было лень, и она понимала, что у нас нет портфеля текстов. Был случай, когда я ей вернул текст и не напечатал его. Она потом подошла, правда, и даже извинилась, соврав, что будто бы что-то перепутала и не то послала. А на самом деле, как и в этот раз, просто сложила вместе два разных текста и не стала их «сливать».

Если не тянуться, то и не будет совершенства. Хотя кто знает, где надо или не надо остановиться. Я не знаю. Фененко тоже не знает. Его рывок – спазм, но со стороны видно, как он «прет» в смысле текстов и познаний. Такого рывка у Троицкого не было. Он вышел на свой уровень и постепенно его усовершенствует. Но его

МГИМО; Шишкина Ольга Владимировна, к. пол. н., доцент; Зонова Татьяна Владимировна, д. и. н., профессор МГИМО.

¹¹² «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». Имеется в виду библиотека Ноземии (1918–1982) и Нелли Яковлевны Маркович (1908–2011).

проблема (если это проблема) – он не работает по-русски. Его заботки – за английские тексты, и он учится все лучше их писать. Русская составляющая его мастерства развивается медленно, и она страдает от влияния со стороны англоязычной. Но это его предрассудок и его выбор одновременно. «Зато» не люблю писать по-английски, писать довольно хорошо на нем не умею и не заставляю себя это делать. Иначе давно надо было, как Воскресенский, написать на английском хотя бы третий том или куски из «Очерков».

Пока.

АБ

47.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «...не ясно, когда у нас получится поговорить по смыслу». 1 февраля 2009. Озёры – Москва

Миша,

не ясно, когда у нас получится поговорить по смыслу. На всякий случай поэтому пишу.

Давно не слышал Вас (вообще не особенно много Вас слушал). Может быть, поэтому Ваш семинар так меня разволновал. Говорил о том, что по ремеслу семинар был очень хорошим. Вы выросли во всех смыслах и видна полная свобода владения материалом и аудиторией. Это замечательно.

Но тем огорчительней остальное. Получается, что Вы с возросшим уровнем мастерства учите... тому, чему Вы их учите. Идеология научения – дело, конечно, индивидуальное и вкусовое. Идеология есть в каждом. И у меня тоже. Идеология Ваших занятий меня и расстроила.

Старался максимально деидеологизировать рассуждения и, во всяком случае, делать их максимально плюралистичными. Терпеть не могу глупости ММЛ¹¹³, но все равно побуждаю студентов ознакомиться с ее бредом. Рассказываю об американских взглядах, даже когда мне они отвратительны. Но не это главное.

¹¹³ Лебедевой.

Главное – в двух частях. Во-первых, стараюсь не упустить интерес России и русского человека. Это значит, что России – значит соизмерять рассказ с тем, что я считаю ее интересом и попытаюсь найти обязательно место для ее интереса в моей схеме. Во всяком ином случае я буду думать, что не справился с задачей.

В той мере, которой могу судить о лекционной работе американских коллег (от Хагена и Розмана, до Стент, Хилл и Пэррота¹¹⁴), они работают абсолютно так же. И если нет достойного места для встраивания интереса твоей страны в тему, то и тема становится непривлекательной, они (как и я) стараются ее избежать, уклониться от нее, заменить другой или просто переформулировать. Думаю, тема, в которую интерес твоей страны нельзя встроить не выигрышна для страны, или нейтрально – такая тема мне кажется либо неудачной, либо неудачно раскрытой. Это как минимум.

Если бы Стент рассказала тему политики США в Западном полушарии так, как Вы тему СНГ, ... я думаю она бы просто отказалась делать такую тему вообще, если бы поняла, что у нее может получиться вывод о безнадежности интенций США в Латинской Америке. Ей было бы стыдно, что ли. И мне было бы стыдно. Мы международники, а не «химологи» и «политхимики» (бывает, как видно, химико-биологическая политология), как Лиля Шевцова¹¹⁵. У нас есть политическая оценка, а химологи притворяются, что они могут без нее работать, хотя на самом деле химология Шевцовой – чистая «идеология» и «заданность».

Теперь, во-вторых, что еще важнее. Вы работает с молодой аудиторией, от которой Вы сами как преподаватель уже оторвались и будете отрываться все более. Это неизбежно и нормально – Вы растете. Но Вы должны о них думать и их любить, вообще-то. С точки зрения ремесла это, мне кажется, предполагает, что Вы должны обязательно давать им чувство позитивной перспективы. Вы не можете их обезнадеживать, обескураживать – хотя в этом состоит идеологическая цель обучения в любом западном университете

¹¹⁴ Хаген, Марк фон; Розман, Гилберт; Стент, Анжела; Хилл, Фиона; Пэррот, Брюс – ведущие американские ученые 1990–2010-х гг.

¹¹⁵ Шевцова Лилия Федоровна (1940), д. и. н., с 1994 г. работает в западных фондах.

для русских студентов там обучающихся. Отвратить иностранца от идеи действовать независимо от твоей страны или вопреки ей. Азы педагогической психологии при работе с иностранцами.

А у Вас – русская аудитория, смешанная с иностранцами. Вы первых убеждаете в априорной бесполезности попыток сделать путное из СНГ, а вторых – в том, что с СНГ и Россией по поводу СНГ дело иметь бесперспективно. Контекст Вашего занятия был именно таким.

Как после этого ожидать, что наши студенты захотят включиться в конструктивную работу, говоря высоким языком, на благо не только самих себя, хотя и себя тоже, – не ясно.

Они слушают Вас и выбирают: чем стоит заниматься, чем нет, что обречено на полную бесполезность, а что трудно, но важно и может быть полезно; что выгодно, а что полезно и твоей стране. (К вопросу об архетипе примыкания к сильному – индивидуально всегда полезно именно.)

Если Вы постулируете предреченность распада («предназначенные расставанья»), то Вы обезнадеживаете аудиторию и выводите ее из игры в том смысле, что она не станет хотеть работать в той сфере, которой Вы посвятили занятие. Или, еще хуже, слушатели станут работать в парадигме «доламывания», «подыгрывания разрушению», логике «заработать на распиле».

Должна быть ответственность за эту сторону дела тоже. «Цимес» нашей школы был в том, что она всегда постулировала позитив, критично, сдержанно, но всегда позитив. У нас тоже были «монстры»: Паин¹¹⁶, который упивался рассказами о том, как он разрушал Россию при помощи Чечни. Но это были эпизоды и курьезы. Он «не наш», и мы его больше не звали. А Вы наш, а идеология Вашего занятия – идеология иностранных книг, которые Вы читаете.

Книги, конечно, нельзя не читать, особенно иностранные. Но в 31 год их надо бы читать не для самообразования как в 20 и 25, а для проверки своих мыслей. Вы оспариваете себя через книги и книги – через себя. В 31 год это две равнозначные части процесса.

¹¹⁶ Паин Эмиль Абрамович (р. 1948), д. пол. н., участвовал в деятельности российских организаций.

Как пишутся книги по международным отношениям? Ни один здоровый автор не относится к чужой стране лучше, чем к своей. Лиля в этом смысле тоже «здоровая», просто она – иностранный автор, который притворяется «отечественным».

Любая иностранная книга в этом смысле подсознательно, на уровне исходного посыла, постулирует отработку некоей гипотезы, отражающей интерес той страны, с которой себя автор ассоциирует – подсознательно или сознательно. Если бы я был бельгийцем или немцем, то о Центральной Азии я бы думал: что в тамошних реалиях позволит ЕС «встать прочнее ногой» в этом регионе. Старательно отыскивал признаки того, что действующие структуры региона не могут со мной конкурировать, они слабы, пусты и бесполезны. Давал бы дополнительные обоснования попыткам ЕС закрепиться в регионе. Если там у русских все плохо, значит, у ЕС есть шансы «вложиться» в регион – включить его в систему связей и на своих условиях.

Книги авторов из ЕС патриотичны. Это нормально. Логика американских авторов аналогична. Они подсознательно подбадривают себя: то, где у китайцев и русских может получиться, – принизить, а то, где есть шанс для США, – укрупнить. Вот оно фокусирование анализа. Это тоже профессионально, грамотно и правильно. Они – американцы и отработывают свою версию.

Когда иностранцы заказывают нам анализы, они всегда хотят прежде всего прочесть то, что им нужно и понятно. Хорошее о себе и специфическое о нас. Они не хотят, чтобы мы за их деньги думали над тем, как сделать русскую политику лучше. Но это заказные работы. Особый жанр. Их пишут «как надо». А учить-то надо по совести – «как есть».

Пархалина¹¹⁷ «приклеилась» к логике ЕС в силу болезненности состояния мозга или подлинной профессиональной несостоятельности, которая выражается в неспособности совершить акт «рефлексии о рефлексии». Не трогаю вопрос о заданности как таковой.

Не думаю, что Вы это имели в виду. Думаю, Вы, вероятно, взяли из головы те слова, которые запали Вам туда при чтении

¹¹⁷ Пархалина Татьяна Глебовна (р. 1950), к. и. н., зам. директора ИНИОН.

американских книг. Если Вы об этом просто никогда не думали, то подумайте. Если думали и со мной не согласны – ну, мастера учить – только портить. Делайте, как знаете. Никто из Ваших учеников темой СНГ заниматься не будет иначе, как если его примут на работу в компанию по его разрушению.

Конкретно по технике. В принципе, надо бы было выйти за рамки «дихотомии» или саму ее построить из других слов. «Идея», «оболочка» – оба слова негативные, постулирующие обреченность. Но СНГ и ЕврАзЭС – нечто содержательно более наполненное и, может быть, относительно перспективное (если приятнее, скажите, менее бесперспективное). Надо было поискать слово другой тональности, другого семантического ряда, позитивное. Иначе в чем плюрализм научения: выбор из двух не-вариантов, как Путин из Путина и Ельцин из Ельцина.

Пусть бы слово было корявым и менее красивым, чем «идея» и «оболочка». Но пусть бы оно намекало на позитивную перспективу. Ясно, что придумывать тяжело. И думать над тем, что вынесут слушатели после общения с тобой тоже тяжело. Пересказывать проще. Но только когда, если не теперь? Вы – в отличной форме. Рубеж в чем-то сложнее, чем кандидатский.

Я бы взял слова «символ» (это и есть идея, цель, кстати, было сказать точнее по-русски, подозреваю Вы и здесь просто калькировали) и «действие». А потом можно градировать, используя слова «интерес» и «ресурс». Сразу перевело бы рассуждение в плоскость конкретного анализа и подвело бы к пониманию причин отсутствия или наличия успехов, без которых как раз и получается или «оболочка», или «идея-образ».

Обидно не то, что слово не сразу находится, а то, что примененные слова «ведут не туда», куда надо нам. Или ведут туда, куда надо не нам.

Есть слова-пары: «блокирующая функция» и «конструирующая функция», «полная функция» – «неполная функция». Наконец, можно было просто вставить третьим слово «функция», разобрав дальше функции и проградуировав их эффективность.

ЕЭП функции не имеет (характеристика ноль), это может быть институт – символ. Но другие начнут приобретать конкретные смыслы. И будет видно, что у каждой своя судьба. В Европе ва-

риантов сближения было относительно мало. В Восточной Азии их было – около сотни на уровне проектов и примерно пять на уровне формальных структур, если не ошибаюсь.

А в принципе – спору нет, через институты можно многое проанализировать. Если цель в анализе, а не в чем-то другом.

Извините за нотацию. Это возрастное, наверное.

АБ

48.

А. Д. Богатуров – Ф. Г. Войтоловскому¹¹⁸. «...по новой процедуре ВАК посылаем тексты на рецензирование». Москва. 2 февраля 2009. Москва – Москва.

Федя,

по новой процедуре ВАК посылаем тексты на рецензирование. Это не страшно, в принципе текст Ваш берем. Но замечания, вероятно, будут.

Если позволите, то, как и в книге, есть вопросы по, скажем, этике библиографической работы. Вы беретесь за узловые темы – и прекрасно. Но за узловые темы брались и до Вас. Вас никто не понуждает с кем-то соглашаться. Но нет впечатления, честно говоря, что Ваши искания – на ровном поле, с чистого листа. Посмотрите работы предшественников. Не знаю, есть ли у Вас моя уже старая книга про стабильность и порядок 1997 года. Если нет, с удовольствием подарю. Она есть на сайте форума. Там много написано про тех, кто из иностранцев писал до меня. Не думаю, что Вы не знаете тех имен. Но, может быть, Вам будет полезно обратить внимание на то, КАК МОЖНО (хоть и не обязательно) «вводить» других авторов. Это не такое простое дело, и в чем можно блеснуть «походя» и лаконично. Старая школа, конечно, но мне она по-прежнему мила. В 1980-х годах переводил Грюнебаума¹¹⁹ – старый был немецкий еврей, спасшийся в

¹¹⁸ *Войтоловский Федор Генрихович* (р. 1970), член-корреспондент РАН, и. о. директора ИМЭМО.

¹¹⁹ *Грюнебаум, Густав Эдмунд* (1909–1972), видный австрийский и американский востоковед.

Америке. Он писал об эллинизмах в арабских текстах «1000 и одной ночи». Абсолютный блеск. Искусство сноски само по себе невиданной высоты – просто колдовство, чародейство. Можете не следовать, конечно, но обратите внимание, что такое возможно. Вы – уже не выюнош.

При этом с 1997 г. вышло немало русских книг. По порядку – прежде всего Шаклеина и Баталов, в нашем журнале статьи – моя и Гаджиева¹²⁰, в книге под редакцией Торкунова – главы. Еще раз повторю: Вы не обязаны цитировать и соглашаться, но уже существует объективно литературный контекст. Довольно толстый. Вы его просто игнорируете. (Это, кстати, было главным упреком стариков по части Вашей книги и рецензии, которую мы на нее напечатали.) Упрек, честно говоря, справедливый, хоть дело и прошлое.

Мы так делали, были вынуждены делать, после распада СССР, когда многие книги предшественников утратили концептуальную легитимность. Но тогда авторы старались найти форму указать на тех из предшественников, которые были выше уровня просто партийной пропаганды. Просто элемент культуры ремесла. Или Вы пишете стопроцентно новые темы – или, если беретесь за темы многожды тронутые, смиритесь с необходимостью учитывать (негативно или позитивно) всех своих вольных и невольных конкурентов. Иначе либо будут думать, что Вы ничего не знаете (конечно, знаете), или – что Вы никого не считаете достойным даже безмолвной сноски (тоже форма ссылки, не бог весть какая сложная). Посмотрели бы старые работы – хоть русские, хоть иностранные: искусство сноски – сколько ума, изыска, изобретательности в этом может быть у интересного автора. Сноски классической школы вперемешку с комментариями часто читаются интереснее основного текста (Мелетинский, Мейлах-младший, Фрейденберг¹²¹).

¹²⁰ Баталов Эдуард Яковлевич (р. 1935), д. пол. н., проф.; Гаджиев Камалудин Серажудович (р. 1940), д. и. н., работает в ИМЭМО.

¹²¹ Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918–2005), Фрейденберг Ольга Михайловна (1890–1955), Мейлах-младший Михаил Борисович (1948) – ученые и деятели российского литературоведения.

Вы достаточно ярко о себе заявляете, и к Вам в принципе все хорошо готовы относиться. Стоит ли раздражать публику? Вас же с такой темой обязательно почитает и Баталов, и другие тоже.

Извините за дидактичность. Надеюсь на Ваш ум.

АБ

49.

Ф. Г. Войтоловский – Богатурову. «Конечно, я читал работы...». 3 февраля 2009. Москва – Москва

Здравствуйте, Алексей Демосфенович!

Спасибо за критику. Принимаю полностью и согласен на все 100%.

Конечно, я читал работы Шаклеиной, Баталова и Ваши. Главу Вашей книжки «Великие державы на Тихом Океане», посвященную понятийному аппарату и историографии изучения проблем стабильности, помню очень хорошо и считаю ее классической. Книжка Баталова «Мировой порядок и мировое развитие» всегда у меня под рукой и в ней штук 70 закладок, как и в книжке Гантмана¹²², как и другая моя любимая книга «Очерки теории и политического анализа международных отношений». Работы Т. А. Шаклеиной тоже читал с большим интересом, хотя и часто с ней не согласен. И книжки Позднякова, который тоже писал о стабильности (один и с Прохоренко). Кстати, с Поздняковым у меня прекрасные человеческие отношения, но готов спорить по каждому тезису как с ученым. С восторгом читал блестящие работы Трофименко и очень глубокие исследования историографии изучения «биполярности» Филитова. Пожалуй, только на труды Гаджиева у меня «аллергия» – читал, но цитировать не буду (кроме, пожалуй, его книжки 1982 года).

Конечно, я читал то, что писали о стабильности Кеннет Уолтц и Джеймс Розенау и Клаус Норр, хотя мне их идеи достаточно

¹²² Гантман Владимир Израилевич (1925–1988), Поздняков Эльгиз Абдулович (1929–2016), Прохоренко Ирина Львовна (1965), Трофименко Генрих Александрович (1929–2005), Филитов Алексей Митрофанович (1938) – ученые российской науки о международных отношениях.

чужды. Монография Розенау «*Turbulence in World Politics*» стоит у меня на книжной полке рядом с «*Power of Nations*» Кнорра и двумя книжками Пола Кеннеди. Знаю работы Гэддиса¹²³, хотя считаю их достаточно невыразительными.

Не поставил ссылок на эти работы в статье, потому что очень спешил доделать ее и не задумался о научной корректности. А стоило бы! Честно Вам скажу – очень стыдно. Это профессиональный прокол. Спасибо, что обратили на это мое внимание.

Слышал критические замечания глубоко уважаемых мной коллег, считающих, что в «Единстве и разобщенности» мало ссылок на отечественные работы. Но позволю себе не согласиться с этим мнением. Моя книжка действительно построена преимущественно на анализе западных источников и литературы. Это предполагает жанр. Но методологию, подходы и аналитические принципы разрабатывал, опираясь преимущественно на отечественную литературу. Там много ссылок на советские и постсоветские исследования. Более того, когда мою диссертацию, а потом рукопись книжки обсуждали в ИМЭМО, критиковали за излишнее внимание к отечественной историографии. Кстати, Вы тоже тогда высказали мне это замечание. После этого я изъясил из диссертации, а спустя три года из книжки много ссылок на российские и советские монографии и статьи, хотя в книжке их осталось немало. Видимо, нужно искать «золотую середину».

Алексей Демосфенович, очень прошу Вас повременить один день с отправкой рецензентам – хочу добавить необходимый справочный аппарат. Исправленный текст пришлю Вам завтра.

Искренне благодарю Вас за подробные, обстоятельные замечания и рекомендации!

Кстати, читал, знаю и люблю работы двух из тех филологов, которых Вы упомянули в письме – Ольги Фрейденберг и Елизара Мелетинского. Правда, работ Мейлаха и Грюнебаума, к сожалению, не читал. Поищу.

С уважением,

Федор

¹²³ Уолтц, Кеннет, Розанау, Джеймс; Норр, Клаус; Кеннеди, Пол; Гэддис, Джон Льюис – ведущие американские ученые по вопросам теории и истории международных отношений.

50.

А. А. Сушенцов – А. Д. Богатурову. «...как же тяжело заниматься нашим ремеслом». 30 мая 2009. Москва – Москва

Дорогой Алексей Демосфенович,

как же тяжело заниматься нашим ремеслом. Диссертация превращается в муку, когда подумаю, что вышел из всех графиков. Не покидают тревожность, постоянное ощущение уязвимости, подавленность. Сейчас работаю над материалом для главы по Ираку: его так много и весь необходимо осознать, что кажется неподъемным, наконец, приступить к тексту. Так меня учили на истфаке и Вы – быть требовательным к себе и своему труду. Но одиночество съедает. Не с кем поговорить: Андриюштина гордый и колкий, Татьяна Алексеевна отвечает сантиментами, Марку Арсеньевичу нужно уметь задать вопрос, Вы заняты, и сложно говорить о теме без текста. Чувствую упадок сил, никто меня не любит и не понимает. Приходят сомнения в том, что этот труд кому-то нужен. Будущее кажется страшным и неизвестным, нет на него надежды. Работа стоит.

Болит сильнее от того, что нас (молодых) не слушают всерьез. Чужие смотрят с подозрением. «Свои» воспитывают как спартанских детей в боевых условиях. Выжившие закалятся, остальные покаленные издохнут.

Помогите, учитель.

Андрей

51.

А. Д. Богатуров – А. А. Сушенцову. «Хитрый, какой парень». 31 мая 2009. Москва – Москва

Хитрый, какой парень. Я его ругать – а он сразу плакать. Стратегия профилактики или упреждения. Надо бы спросить у Фененки. Он все про привентивность знает. Да, быть умелым, дорогой мой, это не только козырь, но и бремя. Экклезиаст имел в виду не вполне это, но, может быть, и это тоже. Во всяком случае, когда ты умней окружающих, то тебе всегда тяжелее. Острее чувствуешь абсурд, просто больше его замечаешь, борешься с постоянным желанием исправить и пониманием невозможности обогреть со-

бой весь белый свет. Особенно не очень белый и не белый вовсе. С этим не надо бороться. Уже случилось. Ты – умный. Смирись и носи свою ношу. По возможности, не теряя себя.

В любой аналитике выборка – важнейшая часть операции. Не надо и нельзя прочитать все. Категорически не надо и решительно нельзя. Надо нюхать воздух и прислушиваться к себе. (Не рассказывайте Боришполец¹²⁴, она не поймет – умнее в книжке одни контент-инвен-исследо-операционные... – как будет, интересно, множественное число от слова «ху...ня»?) Тоже студентам не рассказывайте пока. Так вот, надо прислушаться к себе, повторяю. Если твердо ощущаешь, что понял суть (напитался) – переставай читать. Почти всегда, если такое чувство есть, очень большой шанс, что все крупные всеми замеченные факты и обстоятельства, ты тоже заметил. А заметить все мелкие – невозможно. И это хорошо. Позволяет авторам оставаться индивидуальностями. Разные авторы замечают разные мелочи и пишут разные работы. Не этого надо бояться.

Теперь об общении. Не против него – но сам знаешь, я часто бываю загнанным. Общение – метод познания только в начале и не главный. Скорее – метод ориентации в пространстве. Набирать и начитывать все равно надо самому. «Надумывать» (производить добавленную интеллектуальную стоимость) – надо самому. На этом этапе общение важно, но все равно факультативно: то уточняешь, обогащаешь, но основа – твоя собственная. Выстрадавшая, продуманная и «надуманная» (в смысле, что прояснен выше). Скажу и тебе: умственный труд требует одиночества. Как-то сказал это Андрею. Он в лице изменился. Не понравилось, или, наоборот, я что-то из него самого угадал и тем его «вспугнул». Не это важно. Думать надо одному. Думаю, лучше всего при равномерном физическом встряхивании – при ходьбе, езде в троллейбусе (но не в метро или за рулем), в электричке. Не шутка, в самом деле так. За столом оформляется уже «предпридуманное», или просто словами облекается то, что на клочках и записной книжке по сути придумано и понято во время, ска-

¹²⁴ Боришполец Ксения (Оксана) Петровна (р. 1951), к. и. н., проф., работает в МГИМО.

жем, поездки в Серпухов и обратно (нет, не совсем с ума сошел, я не езжу в электричках специально).

Андрюша при всех его достоинствах в этом смысле – вряд ли правильный собеседник пока что. Хрусталеv – он факультативен как собеседник в силу экономного отношения к себе, благодаря которому он так долго «тянет». Не упрекай его за это, как Андрея за колкость. Какой он колкий – просто немного неврастеник (как Вы и я, все Близнецы такие). Потом, мне кажется, он просто от природы то ли более закрытый, то ли менее открытый, чем Вы. Это не плохо и не хорошо. Это просто так.

Поговорить о жизни – да. Если сделать не с кем – вот когда плохо, и одиночество приобретает со всей определенностью дурной смысл, значение острого страдания. Страдание, наврала классики, облагораживает. Это правда. Человек, не страдавший, – потенциальный человек, предчеловек, так сказать. Но они забыли пояснить, что все в количестве страдания. Чрезмерное страдание (в частности, от одиночества) разрушает личность. Это, кажется, точно знаю. Во всяком случае, точнее, чем хотелось бы.

Поэтому не вполне понимаю, что Вы в этом случае имели в виду. Интеллектуальное одиночество или одиночество. Это разное. О первом сказал (попытался сказать) в начале.

По диссертации говорить без текста нельзя. Просто нельзя. Неправильно. Методически и логически. Мы предварительно все проболтали сто раз. Серьезный текст можно строить на первичном фундаменте, его Вы только и можете заложить из материалов, проделав хотя бы операцию выборки. Не страшно, если ошибетесь. Но раздражает, если ученик предлагает учителю проделать выборку за него. Это не по правилам. Учитель поправляет, показывает, как месить глину, как работать на круге и как обжигать. Но он не носит глину в мастерскую. И не обсуждает до начала работы (то есть когда глина лежит недобытая в карьере) о том, как из несуществующей глины сооружать амфору и как потом из нее пить и спаивать ближайших одалисок на предмет их употребления по прямому назначению, например. Не сердитесь, это Ваша часть работы.

Но согласен, мы мало видимся. Вы ездите в Калугу и общаетесь с друзьями-подругами. У меня дней, когда я один дома, тоже

не очень много, и возникают они непредсказуемо стихийно. Уж об этом думал не раз.

Про будущее, которое Вас пугает, думаю, Вы написали иронично. Слушать молодых всерьез будут, да их и слушают – не понял, кто, как Вы говорите, их не слушает. Другое дело, следуют ли все безоговорочно их советам. Но ведь и нет уверенности, что надо всегда следовать. Если бы, скажем, я делал по преподаванию то, что рекомендует Андрей, то принес бы много вреда и путаницы. Что Вы имеете в виду?

Работа может стоять по многим причинам. 1. Нет мужества себя заставить писать. 2. «Заболтал тему»: не знаешь, как начать, чтобы не было банально. 3. Общее истерическое состояние от лени или подавленного сексуального желания. 4. Низкая приоритетность работы – кажется, что сейчас важнее не она, а тушканчики в Аджарии или девушки в койке.

Но боязнь стола – общая проблема интеллектуалов, склонных к рефлексии. Только поверхностные авторы пишут легко, даже когда блестяще. Остальные мучаются. Всегда мучился и всегда корчился в истериках, не умея себя заставить начать. Но не знаю другого способа, кроме преодоления. Кто-то из моих друзей давным-давно сказал мне, ссылаясь на Толстого: жизнь без нравственного усилия – есть сон. Умным быть трудно, Андрюша. Это – сила, сладострастие, упоенность превосходством. Но это же – тайные муки, вечный голод неудовлетворенности, интеллектуальный *непокой*, неспособность перестать думать ни ночью, ни днем. Такая судьба.

Это серьезно. И не фатально. Плохо представляю свою жизнь в роли неумного. Это как отказаться от своей сексуальности ради того, чтобы успокоиться и не тратить время и энергию на секс. Ну мне так по-прежнему кажется. Нельзя выбрать жизнь дурака, если тебе выпало быть умным. Пробуй быть на уровне этой данности.

И меньше фантазий. Начинай писать.

АБ

[P.S.:] Только что с самолета. Просто п...ц. Два выходных потерял, время полдесятого вечера, а завтра снова на пашню.

52.

*С. М. Труш*¹²⁵ – *А. Д. Богатурову*. «Ты сегодня родился, поздравляю». 24 мая 2009. 1:20 АМ. Москва – Москва.

Ты сегодня родился, поздравляю.

Хочу, чтобы тебе везло, и здоровье не подводило как можно дольше. Всё остальное ты прекрасно умеешь и достигнешь сам. Только постарайся помогать здоровью отсутствием чрезмерного напряжения – этого только и хочется врагам.

С удовольствием читаю твои тексты, какие есть. Последним особо понравилась статья в журнале (INTERTRENDS) про кризис доверия. Чёткие, глубокие мысли и ясность слога.

Жалею, что разошлись. Есть иллюзия, что с тобой рядом, с твоим советом жизнь сложилась бы удачнее.

Сергей М. Труш

53.

А. Д. Богатуров – *С. М. Трушу*. «Прочитал только вчера...». 1 июня 2009. Москва – Москва

Спасибо. Прочитал только вчера, когда приполз из аэропорта.

Трудно сказать, Сережа, как лучше могло или не могло быть. Это в самом деле иллюзии, скорее всего. Не думаю, что в твоей жизни было и есть случайности больше, чем полагается. Ты делал выбор, мне кажется, всегда более или менее сознательно, долго думая и всегда, насколько могу судить, сообразно своей натуре. В этом твоя сила и есть. Ты цельный. Ты не смог бы жить в моем ритме, да ты и не смог в нем жить, поскольку он тебе решительно неудобен, не присущ. Это не твой путь, и ты по нему не пошел. Когда это понял, я от тебя «отстал» – перестал пробовать давать советы. Потому что в той жизни, которую выбрал, ты сам мог бы подавать советы мне. Выбрал семью и жизнь не для карьеры. Мне никогда не приходило в голову, что ты сделал неправильно. Просто принял к сведению, что ты выбрал другое. Да ты сам отлично знаешь, что выбор твой не был случайным, и то, что у тебя есть,

¹²⁵ *Труш Сергей Михайлович* (р. 1957), к. и. н., в. н. с. Института США и Канады РАН.

тебе важнее того, что могло (или не могло) быть по части академических дел. Склонен думать, что прав скорее ты, чем я. Но с той ясностью я понимаю, что никогда не смог бы жить так, как ты. Данность другая. Во всех смыслах. Смысла печалиться нет с любой точки зрения. Разве что в порядке общей русской ностальгии – мечты о несбывшемся-несбыточном-несбывающимся...

Обнимаю. АБ

54.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «Вопрос, конечно, очень серьезный». 22 сентября 2009 г. 19.40. Москва – Москва

Вопрос, конечно, очень серьезный. Деньги, как понимаю, главное в том предложении, о котором идет речь. Важный очень фактор – Вам надо строить семью, расширить жилье и все жизненное. МГИМО в этом помочь практически не может. В такой ситуации трудно Вас удерживать.

Вы сами знаете, например, наблюдая Жданову, да и самого Зевелева¹²⁶, что назад пути нет. Работа дает много новых возможностей – поездки, общение с разными людьми (заявителями, что неприятно, и грантодателями, что может быть интересно), неограниченность в расходах и связанная с ней иллюзия (отчасти и не иллюзия) резко возросшей свободы. Это много. Мощный соблазн. Полная смена круга общения. Во всех смыслах другая жизнь. Я не знаю, что Вам мог бы посметь советовать.

Для меня самого этого мало. Но я человек честолюбивый до тщеславности. Для меня важно и сладко думать, что влияю на то, как начинают думать другие небезразличные мне и в перспективе, возможно, влиятельные люди – лестно, приятно, волнующе. Мне нравится учить и писать статьи и книги, хотя времени для этого мало. Работа на месте Ждановой после ее ухода (в свое время был недолгий разговор такого рода) меня всего бы этого лишила на-

¹²⁶ Жданова Татьяна Дмитриевна (1956), к. пол. н., в 1990–2010-х гг. директор Московского филиала Фонда Макартуров; Зевелев Игорь Александрович (р. 1955), д. пол. н., ее преемник по руководству Фондом.

всегда. Риск есть в любом выборе, а я не люблю риски. Поэтому всегда медленно полз вверх и страховался. Поэтому никогда не уходил с государственной службы. Я ценил престиж. Для меня – значим Диоклетиан, а не Диоген. Сначала овладей сокровищем, а потом – можешь его презреть, отдать, отринуть. Но сам, без принуждения. Поэтому старался приблизиться к тому, чтобы стать Диоклетианом «по закону». Не понимал, как Жданова (которая мне симпатична) или Кортунов (с которым у меня все намного сложнее) могли бы стать диоклетианами в теории и не по закону. Образы глупости, но это так. Мне важно перед окончательным уходом оглянуться и увидеть плоды – книги, лица учеников-последователей, дипломы, медали и звания. Благотворительность ничего такого мне бы не принесла. Вижу Тренина¹²⁷ – лучший вариант из возможных. И что же? Не хочу. Совершенно точно.

Но в Вас своя голова и своя жизнь. За Вас не прожить.

Проректор, если он не берет взятки и не ворует, вряд ли получает у нас больше, чем Жданова получала вполне легально. Она получала больше намного. Труд преподавателя и исследователя – конечно, подвижничество. Можно подсластить скромность финансовой стороны его жизни, но революционно изменить ее вряд ли. Я уговорил начальника прибавить Вам 10 тыс. – но это не решает вопроса. По текущей ситуации не видно возможности освобождения деканских мест. В самом лучшем случае может оказаться место начальника управления вместо Олейнова. Но на него вроде бы давно есть кандидат – Веселовский¹²⁸, который юлит и капризничает, но не отказывается от него. Пока Вы не доктор, нет ясной перспективы кафедры. Да и какую кафедру иметь в виду? Совсем новые – вроде по политической психологии или экономической политологии, это от Вас далеко. Старые – это ИМО, да, кажется, и все. Момент сложный.

Шансы просто повысить Ваши доходы в стенах института есть, но они не кажутся блестящими. Может быть, через год зара-

¹²⁷ Тренин Дмитрий Витальевич (1955), к. и. н., директор московского Фонда Карнеги.

¹²⁸ Веселовский Сергей Сергеевич (р. 1979), к. пол. н., доцент МГИМО (по совместительству).

ботаает английская магистратура. Может быть, свалится на голову какой-то проект вроде БИПИ, но Мальгин вряд ли его упустит или захочет поделиться в смысле управления. Значит, можно думать только о работе с ним – что не просто у Вас получается, как я заметил. В общем, не чувствую себя волшебником в этом разговоре совершенно – ни добрым, ни жадным.

Уйдя в Макартур, Вы не сможете работать и в Форуме. Не ясно, как быть со школами, но ясно, что продолжать их я не буду. Просто не могу уже. Впрочем, не в этом дело. Ваша жизнь важнее этих дел, да и как-нибудь они сами разрулятся.

В общем, все плохо, как помочь делу, плохо вижу.

АБ

55.

М. А. Троицкий – А. Д. Богатурову. «...спасибо за Ваше мнение и время...». 23 сентября 2009. 1.05 АМ. Москва – Москва.

Алексей Демосфенович,
спасибо большое за Ваше мнение и время, которое Вы уделили – очень важно. Решение принять не просто, и я совсем не хотел вступать с Вами в полемику – на это не имею права. Важность некоторых Ваших аргументов в моем сегодняшнем положении не могу оценить.

Могу только честно совсем сказать о реальной мотивации. Мотивируют три фактора, которые в порядке убывания важности выстраиваются так.

Возможности самореализации. Статус. Деньги.

Сильнее всего в нынешней ситуации смущает невостремленность того, что я действительно умею хорошо, и негарантированность той общей оплаты труда, которую я имею. Но это «структурные недостатки» – у меня нет оснований кого-то в чем-то упрекать. Вы сделали для меня больше, чем было возможно.

Мне очень приятно работать с Алексеем Дмитричем – порядочным и открытым человеком, хоть, наверное, и нелишенным многих недостатков. Вместе с тем мне ясно, что относительно безмятежное существование в институте связано с Вами и Вос-

кресенским. Без Вас и его не уверен, хотел бы дальше работать на моей позиции или нет. Конечно, повышение зарплаты в институте имеет большое значение – особенно если останусь. Пока просто на всякий случай хотел предупредить, что рассматриваю предложение. В ближайшее время определюсь, а пока – все по-старому.

Троицкий

56.

А. Д. Богатуров – М. А. Троицкому. «...или не вполне ожидаемый ответ». 23 сентября 2009. 8:43 АМ. Москва – Москва.

Не вполне ясный или не вполне ожидаемый ответ. Я пока еще не ушел и отчетливого плана не имею (как всегда: если – то...), а он и точно никуда не пойдет.

Вопрос о самореализации – очень важный. Но именно о нем, кажется, мы с Вами почти никогда не говорили. Может быть, поэтому (скорее всего, поэтому) я не понял. Ваше положение, вернее, его прочность – разрешите ухмыльнуться не особенно весело – разве Вам кажется, что мое положение прочнее Вашего или оно менее зависит от – даже не двух – а всего одного человека? Разве это для кого-то секрет? Есть другое – приобретенная, хотя и, как Вы знаете, вовсе не безоговорочная известность. Она – поплавок, позволяющий думать, что не так и гарантированно, что я утону, если снова... Далее, Вы знаете, как это было, а значит, и как бывает.

Но это актив – не от бога, а от каторжного труда. Это ведь тоже на Ваших глазах, не скрывал свои творческие и карьерные неудачи, хотя и старался лишний раз о них не говорить, чтобы не напрашиваться на жалость. Сколько моих статей напечатано – сейчас точно и сам не знаю, но про 50 текстов, так никогда и не увидевших свет, Вам рассказывал, мне кажется. Пробриться в печать трудно, но не невозможно. Признание в России дороже признания вне ее. Но у Вас есть признание вне ее, мне кажется, более очевидное, чем известность не только Ваших ровесников – хахахаха, даже сравнивать не с кем – и людей намного старше, опытней Вас.

Другое дело, что никогда не знал, насколько это для Вас – «то, что надо». Это дело личное и почти интимное. Знаки-символы

признания лично для Вас (про семантику успеха написал Вам вчера). Если бы я понимал менее мутно, чем и кем в этом смысле Вам хочется стать – может быть, я что-то дельное и смог сказать. Пока просто «по факту» думал, что известность в США – это и есть то, что Вам хочется. Не чувствовал себя в праве высказываться по этому поводу, а Вы – не приглашали.

Наверное, что-то есть такое, что не понимаю. Вопрос стратегии успеха – серьезный вещь. Там просчитать в деталях нельзя, мне кажется. Но понять, куда рулить в целом, – можно и в Вашем возрасте нужно. Пора зрелости и наполненности силами. В чем источник Вашей неудовлетворенности (в сущности, Вы о ней написали) – Вы не любите учить, Вы не хотите руководить, так как это Вас отвлекает от другого, Вы хотите делать что-то еще, что не приходит мне в голову... Не ясно.

Ясно, что не желаю Вам «маршрута Загорского» (a failed state). Но зависит от того, с какой точки зрения смотреть. Повторю то, что написал: неоспорима привлекательность этого предложения только в деньгах – я лично так думаю. Остальные аспекты двусмысленны для человека на подъеме. Но все познается в сравнении, а построить адекватно сравнительный ряд за Вас невозможно. Лучше бы Вы попробовали сказать, кем Вы хотите быть через 10 лет. Может быть, было бы проще.

В общем, молчу.

АБ

57.

М. А. Троицкий – А. Д. Богатурову. «...просто ничего нового по моему вопросу сказать не мог бы сейчас». 23 сентября 2009. 19.41. Москва – Москва

Алексей Демосфенович,

извините, что не пришел сегодня к Вам, как собирался, – просто ничего нового по моему вопросу сказать не мог бы сейчас. Вас понимаю, спасибо еще раз за Ваши соображения и лестные характеристики. Если и соберусь уходить, то не потому, что меня в МГИМО сильно не устраивает, а потому, что считаю, что новая работа может дать дополнительные возможности профессиональ-

ной самореализации. Недостатки работы в МГИМО заключаются в том, во-первых, что занимаюсь как администратор совершенно достаточно простой работой, которая не дает хорошего круга общения – интересные люди заняты по понятным причинам. Подписание пропусков, разбор случаев со студентами, служебные записки по поводу торжественного вечера... И при этом работа поглощает практически полный рабочий день, писать диссертацию в таких условиях сложно. Если я не буду замдекана, а только доцентом, то жизнь не будет такой интересной (дома сидеть тоже не хочется) и потерю в зарплате, думаю, от половины до трети. Тоже не вариант.

Второй недостаток – ненадежность оплаты труда (что бы я сказал семье, например, принеся за сентябрь 23005 рублей – как в расчетном листке?). Подход «все воздастся в свое время» мне нравился в 25 или в 27 лет, но не в 32. Полный доход в МГИМО за 9 месяцев составил 466 000 рублей, примерно по 50 тыс. в месяц – около тысячи евро... Это опять ни в коем случае не упрек, а просто констатация реальности, которая не очень приятна. Вы делаете для меня больше, чем могли бы. Возможно, что я и останусь (должен дать ответ до понедельника) и продолжу работу. И меньше всего хотелось бы сейчас педалировать недостатки сегодняшней работы – какая работа без недостатков?

Задаю себе вопрос, кем я бы видел себя через 10 лет. Думаю, в качестве заведующего кафедрой, например, руководителя интересной образовательной программы, который занимается одновременно политическим консалтингом или другой творческой подработкой и имеет хорошую репутацию в России и за ее пределами. Известность для меня важна как в России, так и в конкурентном международном экспертном сообществе. Но есть талантливее меня в России и за ее пределами ученые и писатели, без сомнений. Моя международная известность, как международный опыт и умение писать по-английски, в МГИМО не востребованы. И главное, на пути к цели, о которой только что сказал, возникают три препятствия: надо написать докторскую, что сложно, работая замдекана, надо получить кафедру, что проблематично, как Вы справедливо заметили, и в течение самих этих 10 лет хотелось бы жить не очень бедно – особенно если жениться.

Понятно, что Тренин должен был бы испытывать дискомфорт от того, что является сотрудником иностранной организации в России. Но было бы ему морально комфортнее, если бы он работал в ИСК РАН за 20 тысяч рублей? С точки зрения пользы, которую могу приносить даже в зарубежном фонде, имея некоторое мое (полученное во многом от Вас) понимание того, что нужно научному сообществу, – кажется, польза тоже значительна, как и та, которую я приношу в качестве преподавателя. Об учениках думать пока рано – не так и много мог бы им передать. Есть только единственный аспирант.

Больше всего мне неприятно, что подвожу Вас в Форуме, где точно нельзя оставаться. Но, может быть, найдется другой человек в качестве директора института – например, Фененко?

Если Вы не рисковали никогда, то тогда я неправильно понимаю, что такое риск. И Вы работали в фонде и возглавляете организацию, которая существует только на зарубежные деньги...

В общем, буду думать пока. Спасибо Вам большое за Ваши важные соображения.

Троицкий

58.

*А. Д. Богатуров – А. А. Байкову. «Никак не успокоюсь».
17 октября 2009. 4.32 АМ. Москва – Москва*

Никак не успокоюсь. Нет политического животного ужасней, чем «бывший русский». Не пройдет и нескольких лет, как Миша начнет впрямую «писать» на иностранные, скажем, исследовательские центры в открытую, анализируя, как лучше нас «прижимать». В точности то, что в самом начале больше всего пугало. Он не сможет и не захочет жить в России, так как уход в иностранную лавку – интеллектуальная маргинализация смысла. Человек вытесняется на край русской интеллектуальной среды – он из нее выходит. Среда из русской становится – собачье слово – русскоязычной. А в американскую интеллектуальную среду он не попадает до смерти – остается в прихожей, в информ-приемнике-предбаннике. Иммигрант – маргинал по определению. В частности, иммигрант из России. Дети иммигранта – в США – нет.

А он сам – конечно, да. Митя Симис, ставший Дмитрием Саймсом¹²⁹, – подтверждение. Не настоящий американец, не русский и не еврей. Мысль о том, что я научил «нового Симиса», меня изводит изнутри.

Думаю, Вы понимаете, что меня изводит больше, чем это. Кто-то проболтался вчера, что есть какая-то бабища из «русскоговорящих», которая сидит в Лондоне то ли с прицелом там остаться, то ли с намерением «шестерить» на иностранную лавку в России, где больше платят. Ясное дело, против такого «остро пахучего предмета» Троицкий пройти не мог. Допускаю, что это и есть главная «довершающая» причина его ухода. От этой мысли – понятней, но не лучше. Ощущение обмана и помойки остается.

Лучше никого не учить совсем. Вон, скажем, Клочихин – прошел по касательной и гуляет-шестерит себе. Ни он нам ничем особо не обязан, ни мы его всерьез не приняли. Хотя бы по-честному. Или его приятель Артем Акинфьев¹³⁰ – тот способней Женьки, но сам все честно заранее сказал: буду, мол, драпать за границу, не тратьте на меня время.

А Миша – нет. Все изощреннее и оттого намного хуже. Он все-таки старательно учился. Этого не жалко, жалко – что сработал на конкурентов. Учил сотрудника, который теперь будет работать против – в широком смысле – меня. Сюжет в мировой истории, ясное дело, не нов. Случаев таких – как болезней, миллиарды. От этого не лучше опять-таки. Это при том, что интеллектуальная связь с Мишей, в сущности, стала распадаться довольно давно, и он не был включен в текущие и будущие творческие планы, например. На секунду представить себе, что он работал бы на Кафедре. Подозреваю, что мое инстинктивное недоверие к нему сработало в 2006 г. на то, чтобы «не связываться с ним». Правда, Болгова позавчера походя сказала другое: он, мол, потому и ушел, что его не взяли на кафедру. Взять и заложить бомбу под здание или не взять и ускорить движение к побегу из страны. «Дилемма ПАМП».

¹²⁹ Саймс, Дмитрий (1949), работал в начале деятельности в России в ИМЭМО РАН (Симис Дмитрий Константинович), в 1973 г. эмигрировал по еврейскому каналу и сделал карьеру в США.

¹³⁰ Акинфьев Артем, выпускник МГИМО.

Его не взяли в виду его опыта общения с Фененко в Форуме. Было совершенно очевидно, что едва только Фененко стал заявлять на какую-то самостоятельную роль, Миша стал его тихо сначала сторониться, а потом просто «притапливать». Поскольку организационно их ничего не связывало, кроме Форума, то они не поссорились, а просто разошлись. Для Фененко это было выигрышем, поскольку он получил уникально благоприятные условия стать ведущим сотрудником сразу в МГУ и в Институте Кокошина. Если бы они оказались на одной кафедре, они неминуемо сцепились бы.

Миша придерживается высоко-конкурентного поведения. Он в принципе – типично потребительский тип, а в интеллектуальном смысле (который для него определяющий) – особенно. Это устройство, совершенно определенно настроенное на прием-перехват информации, ее переработку и продажу в прямом и переносном смысле. Отдавать-передавать он не то чтобы не умеет, но это ему органически и глубоко отвратительно сама идея «отдачи», дарения, разбрасывания. Эта, по Веберу¹³¹, модель экономического поведения полностью противоречит его внутренним инстинктам. Он – кто угодно, но не даритель и не щедрый человек. Думаю, поэтому он плохо относится к студентам: он не хочет их общения с собой. А студент – потребитель по жанру. Он понимает, что ему ничего не дают, а только показывают издали, и сердится на преподавателя. Студенты тоже Мишу не жалуют.

Представить такого Мишу на кафедре, сплошь состоящей из начинающих ребят, было сложно. Не говоря о том, что я был уверен, что его психологическое влияние на молодых людей в точности не соответствует тому, которое мог счесть благотворным я сам. Довольно было одного Олейнова. Но у того было достоинство по сравнению с Мишей: Олейнов гораздо более самодостаточно, у него нет потребности распространять свои взгляды, ему в этом смысле, кажется, вообще не нужны собеседники. Он, как и Миша, стопроцентный потребитель. Более жесткий и намного более циничный. У Миши есть переживания, стыд, неуверенность, комплексы традиционных добродетелей, с которыми он борется.

¹³¹ Вебер, Макс (1864–1920), немецкий социолог.

Олейнов – более цельный. У него есть любовь к себе, и она, кажется, почти всё ему заменяет (у Миши любви к себе нет или меньше, он себя корит и мучается, прежде чем делает вещи, сомнительные по смыслу; у Олейнова сомнений такого рода либо вовсе нет, либо он за пять лет их не проявил ни разу).

Но суть не в этом, а в том, что заобеденное общение Миши с Олейновым в МГИМО породило эффект взаимного индуцирования потребительства. Разговоры с Олейновым помогли Мише (менее циничному, как я сказал, и отягощенному определенным комплексом переживаний, например, по части отношений со мной – от которого Олейнов был свободен полностью) легализовать в своих глазах идею «перехода на ту сторону», глубоко отвратительную, как он не сомневался, в моих глазах. Эти разговоры повредили мышление Веселовского – самого слабого в их четверке «обедающих вместе». Он, не любя, вероятно, их обоих, тем не менее не мог не испытывать их влияния, например, потому что оба – в известных смыслах и явной мере ярче и сильнее его. Именно такой эффект мог получиться на Кафедре. Конечно, в 2006 г. не мог этого детально представлять. Сегодня так отважно рисую картинку и даю оценки. Но, похоже, инстинктивно тогда подобного боялся и не захотел рисковать. Можно себе представить Мишу частью нашего шоу в среду с Совбезом? В принципе можно, только это было бы другое шоу, другая группа, абсолютно другая атмосфера и не вполне (или совсем не) наша нынешняя кафедра.

Всегда признавал за Мишей право на непохожесть, но никогда не разделял никаких его жизненных установок и не хотел распространения его влияния на кого бы то ни было, тем более на своих новых потенциальных учеников. В этом смысле Миша не виделся мне не представителем моей «традиции научения», не потенциальным продолжателем «моего дела». Ни тени сомнений на сей счет у меня не было к 2004–2005 году. Искал «новую струю» и думал о школе: годы быстро бегут и понимал, что воспитать многих учеников не успею, откладывать было нельзя, надо было с кем-то работать, но желательно не в такой мере накала идеологических борений, как это получалось с Мишей.

Он после защиты, естественно, стал смелее, и его позиция «внутренней отстраненности» не трансформировалась. С трудом

и после ругани отучил его говорить «в этой стране»; он перестал говорить (но со своей бабушкой в Лондоне, подозреваю, как раз так и говорит). Кстати, теперь понятно, может быть, почему наш общий знакомый Макфарлейн¹³², прислав мне предложение работать по проекту с британцами, не упомянул Мишу, а Миша то ли не знал, то ли сделал вид, что не знает о предложении Макфарлейна.

Осталось теперь только понять, зачем это пишу Вам. Формально – потому что некому больше написать такое. На самом деле – Вы знаете, зачем.

Уже утро, в 7 придет машина ехать на Оку.

АБ

59.

А. В. Мальгин – А. Д. Богатурову. «...мне придется выступить Вашим оппонентом...» 11 ноября 2009. 2.45 АМ. Москва – Москва.

Алексей Демосфенович,

[...] полагаю, что в связи со следующими сюжетами мне придется выступать Вашим оппонентом, в том числе административным.

1. В Институте в очередной раз воспроизводится ситуация, когда факультет политологии при покровительстве курирующего проректора превращается в некий искусственный приоритет. Приоритет, жестко противопоставляемый факультету МО. Факультет МО фактически находится в ситуации игнорирования, сознательного выведения (недопущения) туда сколько-нибудь интересных проектов, кадров. Параллельно в ваших референтских группах, а также во внешних кругах Вашего общения и общения Ваших «референтов» укрепляется критично-ироническое отношение к факультету, который является центральным элементом идентичности МГИМО. Абсолютно уверен в том, что отсутствие аспирантов очного обучения на ведущих кафедрах факультета МО в этом году – в огромной степени результат той скрытой (смешно, но зачастую невольной, так как это делают несмышленные, ёрни-

¹³² Макфарлейн, Нил С. (р. 1954), видный ученый, работает профессором в Оксфордском университете (Великобритания).

чающие с Вашей подачи аспиранты) контрпропаганды факультета МО, которая ведется среди магистрантов.

2. В настоящий момент под Вашим руководством воспроизводится, в гораздо более концентрированном виде, чем в период Мельвиля, система узкой клиентелы в виде молодых преподавателей/аспирантов кафедры ПАМП и нескольких ассоциированных с ними преподавателей других политологических кафедр. Убежденность этих лиц в своей «гениальности» в сочетании с форсированным карьерным продвижением, а также иронией в отношении своих коллег по МГИМО, в частности по цеху международников, приведет к неизбежному «песковскому» сценарию.

3. Мне предельно жаль, что я опекал, возможно, параллельно с Вами, многих из имеющихся в виду лиц. Фактически же Вы создали ситуацию, когда эти люди должны выбирать между Вами и общением с другими коллегами, в том числе со мной. Показательны в этом плане отказы от поездок за рубеж, манкирование обязанностями по официальному месту работы/совместительства, утаивание кадрово-карьерных планов. Особенно печально скрытое использование в том или ином виде курируемых мною подразделений/проектов в качестве инкубатора/резервуара (поэтому Дундич¹³³ не будет работать в ЦПСИ!). Сложилась просто нездоровая ситуация, когда Ваши сотрудники, даже которые работали со мной дольше, чем с Вами, боятся Вашей реакции в случае публичного (замечаемого Вами) общения со мной или работы в проектах, которые Вами не поддерживаются.

4. Стремление сконцентрировать все сколько-нибудь перспективные начинания вокруг указанной узкой клиентелы зачастую напрямую сталкивается с интересами дела. Так мною фактически насильно, вопреки Вашему сопротивлению к подготовке ситанализа для Совета безопасности, были подключены сотрудники Центра кавказских исследований, а также Д. Дегтерев, Борисогребченко. В отличие опять-таки от ПАМПовцев, в этой ситуации

¹³³ Дундич Алексей Сергеевич (р. 1981), преподаватель МГИМО; Дегтярев Денис Андреевич (р. 1980), к. э. н., работал на Кафедре мировой экономики МГИМО, с 2013 г. заведует Кафедрой теории и истории международных отношений ФГСН РУДН.

Вас не интересовали вопросы материальной компенсации указанным лицам (я им выписал премии, и они их получили).

Наверное, можно и дальше продолжать это письмо, перейдя к тематике других факультетов, Управления магистратуры, кафедр, страновых предпочтений при развитии международных контактов и проч., но полагаю, что и так я уже вызвал Ваше серьезное раздражение. Потом все-таки нужно идти спать.

Позволю себе вывод, который я несколько раз произносил в форме некоего оптимистичного призыва к Вам: «Проректор, тем более приближающейся по своим компетенциям к первому проректору, имеет огромный простор для позитивных экспериментов, с задействованием ВСЕХ факультетов, ВСЕХ кафедр, ВСЕХ сотрудников». Подмена же этого простора для творчества неким любимым лабораторным столиком ведет к поражению на этом, предоставленном Ректором в Ваше распоряжение, поле.

В стратегии и тактике поражения, во всех для меня крайне неприятных издержках этой тактики я не намерен быть Вашим союзником, каковым был до последнего времени.

С уважением,

Артем

2011

60.

И. А. Истомин¹³⁴ – А. Д. Богатурову. «...но меня очень затронула Ваша вчерашняя лекция...». 25 февраля 2011. Москва – Москва

Уважаемый Алексей Демосфенович, прошу прощения, что в очередной раз беспокою Вас, но меня очень затронула Ваша вчерашняя лекция, особенно схема в ее финальной части. С Вашего позволения, хотел бы поделиться теми вопросами, которые она у меня вызвала.

¹³⁴ *Истомин Игорь Александрович* (р. 1985), к. пол. н., доцент МГИМО, ученик М. А. Хрусталева.

В первую очередь она заставила меня вспомнить о схеме, предложенной Марк Арсеньевичем в его монографии «Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза», которую он развертывает во втором разделе первой части. Ее графическое описание, как Вы помните, приводится на странице 65 (простите за столь пространное указание, но оно лишь для того, чтобы было понятнее, о чем хотел бы написать ниже). Боюсь вновь навлечь Ваши обвинения в религиозных чувствах и идолостроительстве, но дело в том, что эта та схема, которой мы учили студентов первый семестр и продолжаем сейчас в рамках практикума. И она достаточно последовательно разбирает ситуацию сверху вниз: от интересов, через ресурсы, цели и образ действия к проблемам и соотношению сил.

Предложенная Вами схема диагностики конфликтной ситуации предполагает альтернативную логику анализа. В ней, например, понятия интересов и целей появляются лишь ближе к концу, по сути, вытекают из соотношения сил. Отсюда у меня возникает вопрос: не создаем ли мы путаницу в головах у студентов, предлагая две альтернативные и конкурирующие схемы? Не теряют ли они в этом случае ориентир?

В дополнение хотел бы затронуть еще один аспект, который менее явно упоминается Марк Арсеньевичем, но, как мне кажется, вытекает из его работ. Более того, он подтверждается в работах западных исследователей, таких как П. Сабатир¹³⁵. А именно, что выявление коалиций, особенно реальных, а не формальных возможно преимущественно, если не исключительно, на основе анализа совпадений, противоречий и взаимной дополнительности в интересах субъектов. Но в соответствии с Вашей схемой выявление коалиций производится гораздо раньше рассмотрения все тех же целей и интересов.

Еще раз приношу извинения, если не уловил внутренних оснований Вашей схемы, но ответы на возникшие вопросы кажутся мне бесполезными как с педагогической, так и с исследовательской точек зрения.

С уважением,

Игорь

¹³⁵ *Сабатир, Пол* (1868–1928), французский ученый.

61.

А.Д. Богатуров – И.А. Истомину. «Не сразу понял, о чем речь». 25 февраля 2011. 21.13. Москва – Москва

1. Не сразу понял, о чем речь. Посмотрел с. 65. Вы имеете в виду «схему 4» раздела «Векторы взаимных отношений»?

Я не думал о ее применении (и применимости к тому), о чем говорил вчера. Вообще эту схему воспринимал как наиболее общее теоретическое обобщение, которое применимо к любой ситуации. Как бы зарисованная логика всей главы «Внешняя политика». Зарисованная логика. Итожащая и цементирующая. Все, что сказано на предшествовавших примерно 35 страницах.

Никогда не пытался по ней работать и не воспринимал ее, честно говоря, как рабочую схему. Всегда соглашался с тем, что настоящая наука может быть «зарисована», и эту вещь видел как замечательное (еще одно) доказательство правоты этого тезиса. Теория в графике.

Ни на что подобное в смысле уровня обобщения не посягал. Мне важно было сделать сугубо частный и прикладной абрис того, как можно строить рассуждения по поводу готовности или неготовности ситуации к урегулированию, в том числе переговорному, но не только ему. Может быть, и к силовому – если, например, видно, что к переговорному стороны не готовы в силу отсутствия фактора усталости от войны. Короткий логический отрезок по конкретному поводу.

2. Стал бы (и смог ли бы) я работать со схемой 4 ради той задачи, которую обрисовал выше? Не думаю. Во-первых, начать с уровня интересов-целей легко и рационально, если речь идет о государствах. Там легче, логичней работать по трехчленке «порядок-интерес-цель». Там вопрос «кто» как бы остается за кадром, он подразумевается. Кто? Как кто – государство.

В ситуации конфликта вообще, особенно современного (его сложной, слоистой, превращенной и т.п. природой), часто ключевым бывает вопрос «кто». Не могу сообразить, как можно начинать не с этого.

Во-вторых, если пошла субъектность, логично все ее собрать более или менее в одно место. Отсюда вторые и далее места

оказываются связанными с субъектами – вот откуда берутся коалиции.

Не анализирую структуру ситуации вообще, у меня направленный анализ. На втором курсе я рассказываю иногда детям тему «Фокусированный анализ». В общем курсе такой темы мы не читали. Возможно, надо было, но не до того было. Может быть, это бы Вам пояснило разницу. У Марка Арсеньевича в схеме 4 анализ не фокусированный, а, напротив, обобщающий, генерализирующий, типологизирующий. Такая аналитическая схема незаменима на этапе общего аналитического научения. Но она не идеальна в равной степени для всех аналитических задач и ситуаций. В зависимости от цели анализа ты не только можешь, а должен профилировать общую схему, приравливая ее к специфике задания или аналитической задачи.

Теперь, в-третьих. Раз моя задача – выход на оценку зрелости-незрелости ситуации для урегулирования и рекомендации о типе вмешательства «заказчика» (переговоры или сила-принуждение), то меня и интересует, кто будет сильнее сопротивляться больше, чем почему. Сразу исхожу из того, что, скорее всего, придется преодолевать сопротивление и тех, и других, и надо посмотреть, кто МОЖЕТ сопротивляться сильнее. Готовлюсь рассчитывать свои силы (переговорные ресурсы и просто силы).

А теперь могу себе позволить подумать о мере непримиримости всех к моей интервенции – по какому вопросу и в какой мере жесточенности они могут сопротивляться, а где есть шанс их уговорить. Пришли к характеру интереса, который в данном случае (по моему предположению) у тех и других участников состоит в чем угодно, но не в готовности договориться.

Почему финальная строка раздела «анализ» – наличие или отсутствие усталости. Это направленный анализ, фокусированный, сугубо прикладной, суженный. Намного менее теоретичный, чем имеется, думаю, в виду на с. 65. И не посягающий на универсальную объяснительную способность в отношении любых внешне-политических ситуаций.

3. Не знаю, правильно ли Вы предполагаете по части того, что вытекает из логики Марка Арсеньевича. Просто не знаю. Мне кажется, что все-таки он был гораздо более озабочен построением

общей теории, чем частных аналитических схем. Но мне также кажется, он не был против последних. Просто он считал, что на базе его общих построений построения частные умный последователь в зависимости от ситуации будет в состоянии построить сам. Честно говоря, это самое всегда студентам и говорю, полагая, что следую в этом логике Марка Арсеньевича. Так что интерпретации возможны разные.

Еще думаю, что логика коллеги Сабатира сугубо ситуативна. Это в его тексте удобно (нет, целесообразно, у него такой фокус) анализировать коалиции по совпадениям целей. Вероятно, в этом фокусированность-направленность его анализа. На самом деле в жизни о коалициях 2000-х годов приходилось судить прежде всего по действиям. Мы ежечасно видим эффект «сходящихся-расходящихся» коалиций (Россия–США в Афганистане, ФРГ и США там же и подобное). Современные коалиции имеют мало общего с коалициями XIX и XX веков. Они и есть и нет одновременно. Важно не то, насколько Москва любит-нелюбит Вашингтон, а то, дала она право пролета или не дала. Коалиция вроде ненадежна и цели – судя по документам – ох, разные. Но ведь работает. Та оглядываться на опыт Священного союза или учесть, что в силу трансформации самого времени (как категории) поменялась смысл категории «устойчивость»?

Фактор времени, моментальных срезов ситуации может быть более показательным для оценки ситуации и выработки практической рекомендации, чем фактор устойчивости-неустойчивости коалиций, о котором действительно можно надежнее судить лишь на базе анализа целей и интересов. В случае динамичных и неустойчивых коалиций анализ базовых сходств и различий может быть безрезультатным или даже контр-продуктивным в практическом отношении.

Это вовсе не значит, что не надо его проводить. Но это значит и то, что разные типы анализу могут быть в одинаковой мере важны в разных ситуациях – точнее, в ситуациях разных запросов на оценку. Хочешь ты понять, что будет через год, или ты хочешь понять, что надо делать в ближайшие три недели.

4. Я никогда Вас ни в чем не обвинял. «Идол» – не из моего лексикона. Но у меня есть прочувствованное убеждение в

эволюционной недолговечности почти всех интеллектуальных схем, включая мои собственные и в первую очередь их. В моем (или нашем) ремесле текучесть – закон жанра. Прикладная теория подвижна, поэтому она до бесконечности вариативна. Ее можно профанировать, как любую другую часть любой другой науки, особенно гуманитарной. Такая опасность есть. Но каждый год я рассказываю тему «среды» по-разному. Не только по конкретному наполнению, но и немного по методу самого рассказа. И чем с большим числом аналитических ситуаций я сталкиваюсь, тем яснее возможность и необходимость разнообразия в аналитических приемах и схемах. Задача, как ее понимаю, не в том (не столько в том), чтобы обучить студента правильной схеме. Задача в том, чтобы думающий студент научился строить аналитическую схему сам – применительно к бесконечному многообразию возможных ситуаций, которые ему, может статься, придется анализировать. Собственно, и все.

АБ

2016

62.

А. Д. Богатуров – М. Ф. Багатурову¹³⁶. «Очень витиевато написали о сути того, что Вам нужно». 16 сентября 2016. Москва – Санкт-Петербург

Здравствуйте, Михаил!

Очень витиевато написали о сути того, что Вам нужно. Но я предположил, что Вас как-то интересует фабула четвероюродных братьев? Если это то, можно вспомнить одного из них по имени Федор Ба(о)гатуров. Он развелся со своей первой женой, дочерью того замминистра Кириякова, не сказав (?), что развелся без детей или у него от первого брака есть дети. И сейчас он предпочитает

¹³⁶ Багатуров Михаил Федорович, дальний родственник в пятом колене. Узнал о публикации в отношении родственников в 2016 г. из Интернета.

говорить о второй жене и сыне от этой жены. В Москве видел его два раза, и повода спрашивать подробности о первом браке у меня, во всяком случае, не было. Если там тоже был сын (Вы?), то это другое дело, если нет, то непонятно, чего еще Вы хотите.

О Федоре Ба(о)гатурове¹³⁷ помню два случая. Первый в деревне: на пригорке, возле памятника «Стой, прохожий...» из чистого металла, мы с двоюродным братом гуляли и натолкнулись на симпатичную девушку, в которой я быстро узнал эту самую московскую Кириякову (уже знали, побывав в доме жениха Феда Кириякова). Ей было неловко нас увидеть, она попыталась что-то сказать. Но мы разговор не поддержали, сведя обмен фразами к шутке, и прошли мимо. Через минуты две–три оглянувшись раз, увидел Федора, спешно подошедшего к девушке. Потом, еще раз оглянувшись, увидели их направлявшимися в сторону от домов по дороге в лес (там, где святилище Святой Марины, что ли, ну, в общем, «святое место»). Он взял ее под руку. Больше ничего не видел, поскольку дорога наша подошла к спуску и надо было быть осторожным. Было во второй половине 1960-х годов. Можно уточнить время, взяв за основу свершившуюся свадьбу Феодора Алексеевича Кириякова и Нины Ивановны Грамматопуло (в Греции, им сейчас больше 70).

Второй случай был в аэропорту в Тбилиси. Мы с папой летели в Минводы, а Федя Багатуров – в г. Телави (? вероятно, там где-то учился). Встретились случайно. Он «проболтал» объявление о посадке и стал опаздывать к отлету. Потом помню, как мой отец выталкивал его за рубеж ожидания, и он вместе с сотрудником аэропорта бежал в направлении самолета. Все, что могу вспомнить. Когда было? Наверное, на год раньше, я думаю. Мы не часто летали самолетом, это запомнил.

Не знаю, как он пишет сейчас свою фамилию – через «о» или «а». Знаю, что в самые последние годы он уехал в Тбилиси (2013 г.?), лег там в больницу по какой-то важной причине. Говорили с ним очень кратко.

Алексей Богатуров

¹³⁷ Багатуров Федор Михайлович – дальний родственник в четвертом колене, отец предыдущего.

63.

М. Ф. Багатуров – А. Д. Богатурову. «Я – Михаил Феодорович Багатуров...». 17 сентября 2016. Санкт-Петербург – Москва

Ясу, Алексей!

Я – Михаил Феодорович Багатуров, сын Феодора, то есть Михаил Фе(о)дорович Багатуров.

Дед – Кирьяков Михаил Фёдорович – мой кумир, если хотите – один из самых лучших людей, что видел в своей жизни. Был в селе Цихисджвари чопаном, прошёл войну, дорос до замминистра. Но перестройка сломила его, как и сотни тысяч людей его поколения.

Бабушка – Ольга Онуфриевна Севастова – вырастившая меня, святая женщина.

Оба, увы, умерли.

Про деда недавно была издана книга Апостолосом Папаянопулусом в разрезе «История СССР».

Мама, дочь его, сейчас переехала из Москвы в Салоники (Греция), где проживает с моим отчимом. Её брат Павел живёт в Москве, у него дочь Лиза и сын Игорь, внуки (подробностей не знаю).

Поддерживаю «родные» отношения и с Феодором-отцом, с его женой, тоже Леной, и с его сыном, моим сводным братом Костей, у которого есть сын и дочка.

У самого меня пятеро детей – двое взрослых и трое малолетних (от 4 до 13 лет).

Мои родные дяди, Сократ – живёт – как и я сейчас – в Санкт-Петербурге (куда я переехал десять лет назад из Москвы), а Дато (Евстафий) – под Салониками. Пишет свою фамилию через «а», как и я, собственно¹³⁸.

Михаил Багатуров

¹³⁸ Имеется в виду (вероятно) проживающий в Греции с 2010-х гг. Евстафий Багатуров.

**ПЕРЕЧЕНЬ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫХ ЛИЦ,
упомянутых в книге**

Арсеева Фаина Тембулатовна, секретарь президиума Верховного Совета КБР	Грамматопуло-Кривенко Мария (Марула) Ивановна, двоюродная тетя	Ляликова-Афанасьева Лариса Александровна, товарищ по учебе	Реутова Нина Васильевна, одноклассница
Багатурова Алики (Диана) Георгиевна, дальняя родственница	Ефимов Олег Дмитриевич, товарищ по школе	Мальбахов Тимбора Кубатиевич, первый секретарь КБ обкома КПСС	Рогов Сергей Михайлович, академик РАН, директор ИСК РАН
Байков Андрей Анатольевич, проректор МГИМО	Жабелова Лидия Локмановна, соседка	Маркович Нелли Яковлевна, научный сотрудник	Симония Нодари Александрович, академик РАН, директор ИМЭМО
Барановский Владимир Георгиевич, академик РАН, зам. директора ИМЭМО	Жданова Татьяна Дмитриевна, глава Московского филиала Фонда Макартуров	Медведева Надежда Михайловна, врач	Торкунов Анатолий Васильевич, академик РАН, ректор МГИМО
Богатуров Андрей Григорьевич, дед	Иванова Наталья Александровна, учитель	Медведева-Королькова Татьяна Дмитриевна, врач	Троицкий Евгений Флорентьевич, профессор Томского гос. университета
Богатуров Демосфен Андреевич, отец	Иевлева Елизавета Леонидовна, зав. Отделом иностранной литературы Республиканской библиотеки	Мясников Владимир Степанович, академик РАН	Троицкий Михаил Алексеевич, доцент МГИМО, директор Института управления и мировой политики МГИМО
Богатуров Дмитрий Демосфенович, старший брат	Козьменко Ирина Васильевна, доцент МГИМО	Наумкин Виталий Вячеславич, академик РАН, директор Института востоковедения РАН	Тюлин Иван Георгиевич, профессор, первый проректор МГИМО
Богатуров Дмитрий Сергеевич, племянник	Кокошин Андрей Афанасьевич, академик РАН, декан Факультета мировой политики МГУ	Носов Михаил Григорьевич, член-корреспондент РАН, зам. директора Института Европы РАН	Цыганков Павел Афанасьевич, профессор МГУ
Богатурова (Агапова) Капитолина (Лина) Михайловна, вторая жена отца	Колодный Александр Германович, главный редактор газеты «Век»	Петров Дмитрий Васильевич, профессор, зав. отделом Японии ИДВ РАН	Шибанова (Коренева, Огнева) Лариса Гаврииловна, двоюродная сестра
Богатурова (Грамматопуло) Калиопи (Кали) Сократовна, бабушка	Кортунов Андрей Вадимович, общественный деятель	Погребняк Василий Кузьмич, секретарь Нальчикского горкома КПСС	Шнейдер Ирма Давыдовна, учительница
Гиниятуллина Надежда Петровна, учительница	Косолапов Николай Алексеевич, зав. Отделом ИМЭМО, профессор МГИМО		
Горячев Емельян Константинович, дед	Кременюк Виктор Александрович, член-корреспондент РАН, зам. директора ИСК РАН		
Горячева (Богатурова) Мария Емельяновна, мать			
Горячева Феодосия Исидоровна, бабушка			

ОБ АВТОРЕ

БОГАТУРОВ Алексей Демосфенович (24.05.1954) родился в Нальчике, окончил МГИМО МИД РФ (1976), кандидат исторических наук (Институт Дальнего Востока АН СССР, 1983), доктор политических наук (Институт США и Канады АН СССР, 1996), профессор (МГИМО МИД РФ, 1999). Тема докторской диссертации: «Конфронтация и стабильность в отношениях СССР и России с США в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995)». Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2009), Лауреат Премии Правительства РФ (2010).

Специализации – теория и история международных отношений, современная международная политика России, ситуация в Восточной Азии.

Автор около 280 публикаций в научной и научно-публицистической печати, включая семь индивидуальных монографий и 32 главы или раздела в коллективных работах, а также многочисленных статей, выходящих в России, США, Японии, Германии, Франции, Южной Кореи, Италии.

За рубежом находился в командировках в Университете Хоккайдо (Япония, 1989), центрах и университетах США – Институте Брукинга (2003–2004), Колумбийском (1997, 1994, 1992) и Принстонском университетах (1994–1995).

Основатель и главный редактор первого русского журнала по теории и истории международных отношений «Международные процессы» (2003–2011) и школы молодого международника для людей с высшим образованием (1986, 2002–2011 в Научно-образовательном форуме по международным отношениям).

С 2000 г. занимал посты заместителя директора и проректора ведущих научных центров России – Института США и Канады РАН, Института проблем международной безопасности, Московского государственного института (университета) международных отношений МИД России.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ

Алексея Демосфеновича Богатурова

- Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. 1945–1995. – М.: «Сюита», 1997. – 353 с.
- Международно-политический анализ. – М.: «Аспект Пресс», 2017. – 208 с.
- Международные отношения и внешняя политика России. – М.: «Аспект-пресс», 2017. – 480 с.
- Системная история международных отношений: в 2 т. Том 2: События 1945–2003 годов. – М.: «Культурная революция»; 2-е изд., 2007. – 717 с.
- «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. – М.: «Едиториал УРСС», 2004. – 48 с.

Под редакцией А.Д.Богатурова и в соавторстве с ним:

- История международных отношений (1945–2008 гг.): конспект лекций / А.Д.Богатуров, В.В.Аверков; МГИМО (У) МИД России. – М.: «МГИМО-Университет», 2009. – 672 с.
- История международных отношений. 1945–2017: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» / А.Д.Богатуров, В.В.Аверков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Аспект Пресс», 2017. – 559 с.
- Кризис стратегии «навязанного консенсуса» / А.Д.Богатуров, А.В.Фененко // «Свободная мысль», 2008, № 11–12.
- Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. – М.: «Аспект-Пресс», 2011. – 549 с.
- Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / Ред. Богатуров А.Д. – М.: «URSS», 2011. – 272 с.
- Очерки теории и политического анализа международных отноше-

ний. – М.: Изд-во НОФМО, 2002. – 380 с. (В соавт. с Хрусталевым М.А. и Косолаповым Н.А.)

Ретроспектива международно-политического устройства и его трансформаций / А.А.Байков, А.Д.Богатуров // Введение в прикладной анализ международных ситуаций: Учебник [гриф УМО] // Под ред. проф. Т.А.Шаклеиной. – М.: «Аспект-Пресс», 2013, 2014.

Российско-американское взаимодействие в космосе: тенденции и результаты формирования международного режима / А.А.Байков, А.Д.Богатуров, А.В.Фененко // «Международные процессы», 2013, № 2.

Россия в формировании международной системы профилактики распространения оружия массового поражения / Ред. Богатуров А.Д. – М.: «URSS», 2008. – 208 с.

Системная история международных отношений: в четырех томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Том I (520 с.), том II (247 с.). – М.: «Московский рабочий», 2000; том III (720 с.); том IV (600 с.). – М.: изд-во НОФМО, 2003–2004.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Байков А.А., Баталов Э.Я., Балуев Д.Г.; отв. ред. Богатуров А.Д. – М.: «Аспект-пресс», 2009; 2-е изд. – М.: «Аспект-пресс», 2010. – 589 с.

Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В.Г.Барановский, А.Д.Богатуров, ред. А.С.Дундич. – М.: «Аспект-Пресс», 2010. – 350 с.

Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, Е. Ф. Троицкий; ред. И. В. Болгова. – М.: НОФМО, 2010. – 104 с.

Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом / МГИМО (у) МИД России; отв. ред. А. Д. Богатуров. – М.: «Аспект-Пресс», 2012. – 240 с.

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:

«Роспечать» – 37237

Периодичность в год – 4, 150 стр.

Стоимость одного номера при подписке через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами и другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

Издательство	Форма № ПД-4	
	ООО "Юридическая периодика"	
	7705790921 <small>ИНН получателя платежа</small>	40702810500000010326 <small>(номер счета получателя платежа)</small>
	в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	БИК 044525272
	Номер кор./сч. банка получателя платежа: 30101810000000000272	
	Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2018 <small>(наименование платежа)</small> <small>(номер платежного счета (код платежителя))</small>	
	Ф.И.О. плательщика: _____	
	Адрес плательщика: _____	
	Сумма платежа _____ руб. 00 коп.	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
	Итого _____ руб. _____ коп.	" " " 20 _____ г.
Кассир	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____	
Квитанция	Форма № ПД-4	
	ООО "Юридическая периодика"	
	7705790921 <small>ИНН получателя платежа</small>	40702810500000010326 <small>(номер счета получателя платежа)</small>
	в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	БИК 044525272
	Номер кор./сч. банка получателя платежа: 30101810000000000272	
	Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2018 <small>(наименование платежа)</small> <small>(номер платежного счета (код платежителя))</small>	
	Ф.И.О. плательщика: _____	
	Адрес плательщика: _____	
	Сумма платежа _____ руб. 00 коп.	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
	Итого _____ руб. _____ коп.	" " " 20 _____ г.
Кассир	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____	

Центр редакционной подписки:
тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)

БОГАТУРОВ
Алексей Демосфенович

**КАК СТАТЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ
МЕЖДУНАРОДНИКОМ
В РОССИИ**

ОПИСАНИЕ ОПЫТА И ПИСЬМА ИЗ ПОЧТИ ПРОЖИТОЙ ЖИЗНИ

*Литературно-публицистическое
издание*

Книга публикуется в авторской редакции

*Художественное оформление: И.А.Настенко
Редактор-консультант: А.Д.Воскресенский
Корректор: О.Е.Пугачева*

НП ИД «Русская панорама»; ООО «СПСЛ».
127254, Москва, ул. Руставели, д. 14, оф. 24.
Тел.: +7 (985) 928 2755; +7 (916) 999 7716;
e-mail: in@rus-pan.ru; web: www.rus-pan.ru

Подписано в печать 24.01.2018. Бумага офсет-
ная № 1. Формат 60x90/16. Гарнитура SPSL-
Dutch. Объем 15 п/л + 0,5 вкл. Ролевая струй-
ная печать. Заказ № ____

Отпечатано с предоставленных pdf-файлов в
АО «Первая Образцовая типография» филиал
«Чеховский печатный двор». 142300, Мос-
ковская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1